

БОРИС АРЕФЬЕВ

СОЛДАТ ИМПЕРИИ

МОСКВА РУССКИЙ ПУТЬ 2003

ББК 63.3(2)47
А80

ISBN 5-85887-167-4

© Б.В. Арефьев, 2003
© Русский путь, 2003

...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; ...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

А. Пушкин

В 1975 году я записал, очень кратко, со слов отца и матери их воспоминания о детстве, предвоенных годах, а также то, что смогли они вспомнить о родителях, дедушках и бабушках.

Первопричиной тому стало желание узнать историю семьи, передать сыну, а затем и внукам, хотя бы отрывочные и неполные, сведения о своей родословной, которые еще сохраняла память, но которые уже через несколько лет могли быть безвозвратно утеряны.

Тогда речь шла о записях сугубо семейного характера, в них — жизнь моих предков. События, уходящие в XIX век, были обозначены очень скупой, и я смог отметить в основном даты их рождения и смерти, отдельные факты, не связанные между собой детали. Даже период первой четверти XX века, включающий Первую мировую войну, революцию и войну Гражданскую, в памяти моих родителей — они были тогда детьми — сохранился в виде отрывочных воспоминаний. Упоминались братья, сестры, кое-кто из родственников, друзья...

В конце 1999 года я попытался привести эти записи в порядок, дополнив их некоторыми сведениями, которые держал в памяти, но, как водится, все не было времени внести в тетрадь. Получилось несколько десятков страниц, охватывающих период до

двадцатых—тридцатых годов XX века. Перечитав написанное, я понял: имеется масса пробелов, неясностей. Многое нужно уточнить, но, увы — к тому времени родителей уже не было в живых. Вопросы нужно задавать вовремя.

Главной проблемой оказалось то, что предки мои не относились ни к дворянскому, ни к купеческому сословию — службу в армии несли простыми солдатами, то есть ни о каких конкретных, «адресных» архивных материалах речи быть не могло. Таким образом, искать иголку в стоге сена не представлялось возможным — на первом этапе нужно было найти хотя бы самый «стог сена».

Кроме того, некоторые обстоятельства, связанные с Гражданской войной, в семье отца старательно замалчивали вплоть до начала семидесятых годов, не безосновательно опасаясь последствий. Письма солдата-добровольца Первой мировой войны, а затем офицера-белогвардейца, его фотографии, документы с ним связанные оказались уничтоженными все до единого. Думаю, что так вынуждены были поступать и в сотнях тысяч других семей. Безвозвратно утрачены заслуженные царские награды, почитаемые родительские иконы, книги, насчитывавшие в своей истории не один десяток (а может и сотню) лет, — семейные реликвии, которые могли оказать своим хозяевам плохую службу. Отечественная война и эвакуация довершили беду.

И все же я попытался на основании архивных документов, материалов исторических исследований, мемуарной литературы, газетных и журнальных публикаций, используя другие источники, заглянуть в прошлое, глубина поиска при этом составила более ста пятидесяти лет.

Представляется, что принятые методы, приемы и допущения вполне обоснованы и потому могут быть использованы теми, кто хотел бы провести подобный поиск.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Мало телескопически смотреть на «исторические события», важно заглянуть в микроскоп на беды и горести «букашек».

М. Осоргин

Вновь и вновь я перечитываю строчки в ученической тетради, которые сам же написал более четверти века назад.

Дед отца, Иван Арефьевич Арефьев, примерно 1830 года рождения. Николаевский солдат, служил двадцать пять лет, затем приехал в Харьков из Симбирска, вроде бы оттуда и родом... Где служил, участвовал ли в войнах, которые вела Россия во второй половине XIX века? Об этом ни слова. То ли я вопроса не задал? Нет, кажется, спрашивал насчет Крымской кампании. «В Крымской? Не-ет, не участвовал. Вроде бы...»

Итак, если мой прадед родом из Симбирска, Симбирской губернии, объяснимо появление Ивана в этом городе после демобилизации — все-таки родные места. Но живы ли были родители? Сохранился ли родной дом? А если и стоит еще — за четверть века выросли братья и сестры, женились и вышли замуж, появилась новая родня и он, солдат, чужой им, непонятный человек.

Ключевым является вопрос: почему, женившись, Иван приезжает именно в Харьков и остается там навсегда? Конечно, если прадед служил здесь последние годы перед демобилизацией, тогда понятен и выбор — приезд в Харьков вовсе не первый его приезд, а, скорее, возвращение в город уже хорошо известный ему, где за долгие годы службы обзавелся он знакомыми.

А это немаловажно: отставному солдату необходимо было найти работу, чтобы не стать, как зачастую бывало, отставным козы барабанщиком. (Так называли бывших солдат, что зарабатывали себе на хлеб, переходя с место на место с козой, обученной танцевать под солдатский барабан.)

Казалось, с этого, возможно, последнего места службы и надо начинать поиск. Квартирные расписания войск позволят определить полки, располагавшиеся в Харькове и его окрестностях, в том числе в шестидесятые — семидесятые годы XIX века.

Работу в Российском Государственном Военно-историческом Архиве (РГВИА) я начал летом 2000 года, после того как получил официальный ответ на свой запрос об Иване Арефьевиче Арефьеве; в нем в качестве исходных я, к сожалению, смог указать лишь упомянутые выше данные из моих записей, а также найденные в квартирных расписаниях наименования и номера соответствующих, как я считал тогда, полков.

Из ответа, подписанного заместителем директора архива, следовало, «что документы 35-го пехотного Брянского полка за пятидесятые — семидесятые годы XIX века не сохранились. Поэтому подтвердить факт службы в полку Арефьева Ивана Арефьевича и пребывание его в г. Харькове не представляется возможным. Также не сохранились за указанный период материалы, кроме приказов по 4-му батальону, в этих документах И.А. Арефьев также не упоминается».

К этому времени получен был ответ и из Государственного архива Ульяновской области, куда я обратился через Главу Администрации области, приложив и ходатайство о соответствующем поиске. Привожу этот ответ полностью, так как он отражает реальную ситуацию, объективно сложившуюся со многими архивными материалами.

«Госархив Ульяновской области сообщает, что в пожаре 1864 года погибли практически все документы г. Симбирска, поэтому мы располагаем документами только со 2-й половины XIX века. Вести поиск по другим членам семьи Арефьевых без дополнительных сведений не представляется возможным».

О страшном симбирском пожаре — во время его выгорела значительная часть города, в огне погибли многие жители — мне уже было известно из материалов, с которыми я работал в Ленинке (РГПБ). Не думал я в тот момент, что последствия трагедии «зацепят» меня таким образом. Обидно, конечно, что сгорели и метрические книги церквей, в противном случае могло ведь и повезти, как случилось позже в Харькове, но об этом ниже.

А тогда я позвонил в архив Ульяновской области, поблагодарил за поиск и даже договорился о возможных дополнительных совместных действиях, может быть, с моим участием на месте (хотел поискать в документах духовной консистории — метрических книгах — любые упоминания об Арефьевых вообще, не так уж много их было в Симбирске в последней трети XIX века, могли найтись и родственники моего прадеда Ивана).

Но эту работу пришлось отложить. Чуть позже я понял всю сложность задуманного, результат если и мог быть, то, скорее всего, минимальным. Подумалось: может быть, потом внуки займутся.

В отличие от привычной для меня работы в библиотеке, архивный поиск имеет свои особенности. К цели идешь, сужая границы поиска: от соответствующего фонда — к описи дел и затем — конкретно к интересующему тебя делу. Причем допустимый срок работы с описями и делами, согласно установленным правилам, ограничен. И если к описи можно вновь вернуться в любое время, то дело, заказанное раз, возможно получить вторично не ранее чем через полгода.

Дела встречаются многотомные, и порой сложно работать с материалом, имеющим до тысячи и более листов, особенно рукописным. В РГВИА около трех миллионов единиц хранения, ввиду плохого состояния, часть дел на руки не выдается — они требуют реставрации. В этом случае отказ по конкретному делу может нарушить план поиска, и в рамках задуманной стратегии приходится искать обходные пути.

Просмотрев множество архивных материалов, я принял решение приступить к освоению интересующего меня исторического пространства начав с Симбирской губернии — пустился танцевать, как говорится, от печки. Во главу угла теперь было поставлено предположение, что направление рекрутов из той или иной губернии России в конкретные воинские части в таком-то году четко регламентировалось и при этом, безусловно, исполнялось.

И я не ошибся...

СИМБИРСКИЕ РЕКРУТЫ

Всей деревней заревут:
Ваньку в рекруты сдают.
Народная песня

Небольшое отступление.

Мне известно, что фамилия Арефьев имеет арабское происхождение, Арефа означает «орел»; на Руси Арефа превратился в Арефия, и имя это встречалось еще в XVII веке.

Так вот, в Таможенных книгах Московского государства XVII века (города Сольвычегодска и Сольвычегодского уезда) указано, что в период с сентября 1677 по август 1678 года «Андрей Арефьев, усолец, посадский человек заплатил пошлину за проезд два алтына и четыре деньги... приплыв 7 октября 1678 года на дощанике от города Архангельского, он же 16 декабря с другими усольцами к Соли Камской» прибыл на четырех лошадях и теперь за отъезд уплатил четыре алтына с деньгою. Отмечен в бумагах Андрей Арефьев и 1879 году.

Вероятней всего, Андрей лишь наш однофамилец, и упомянул я о нем только затем, чтобы показать: независимо ни от чего первым Арефьевым в нашем роду был именно мой прадед Иван, сын Арефия, моего прапрадеда.

Как известно, в России XIX века, не говоря уже о XVII, фамилии носили дворяне, торговый люд, чиновники, мещане; крестьяне же, в большинстве своем крепостные, имели, скорее, прозвища; правда, иногда целая деревня — соответственно и крестьяне — получала фамилию своего помещика.

Зачастую только становясь рекрутом, крестьянин обзаводился фамилией, а заодно и отчеством — по имени своего отца; таких в списках нижних чинов армейских полков того времени предостаточно.

Так Иван, сын Арефия, стал Иваном Арефьевичем Арефьевым. Отсюда сделал я нехитрое предположение, что рожден прадед мой крепостным, в 1829-м или в начале 1830 года, а отец его, скорее всего, появился на свет между 1800 и 1805 годами в каком-нибудь селе или деревне той же Симбирской губернии.

Итак, отправной точкой является Симбирск, Симбирская губерния. Жителей тогда в губернии было миллион двести или миллион триста тысяч, из них непосредственно в Симбирске в 1850 году проживало тысяч двадцать с небольшим. Крестьян в губернии насчитывалось около миллиона, то есть подавляющее большинство, мещан — около пятидесяти тысяч.

Таким образом, крестьянское происхождение наших Арефьевых можно считать доказанным.

Симбирская губерния делилась на восемь уездов: Симбирский, Сенгилеевский, Сызранский, Буинский, Карсунский, Курмышский, Алатырский и Ардатовский, а до 1850 года в нее входили еще Ставропольский и Самарский уезды, которые отошли потом к Самарской губернии.

Уезды эти упомянул я здесь неслучайно — некоторые из них встретим мы в архивных документах полков Российской армии как места, откуда призывались рекруты; но это уже был результат поиска.

Что касается Ивана, отец мой все же говорил о Симбирске-городе, а не о губернии. Тогда следует предположить, что даже в более широком толковании речь может идти, вероятно, о деревне Симбирского уезда, где родился прадед.

Известно, что с момента основания и до конца XVIII столетия город назывался Синбирском, а не Симбирском — простой народ

употреблял старое название и в XIX веке, так, я думаю, выговаривал его и Иван Арефьев.

Всего же губерния включала восемь городов, более пятисот сел и более ста селец, около девятисот деревень. В самом Симбирске в 1850 году количество домов перевалило за две с половиной тысячи.

В конце XVIII — начале XIX века в Симбирской губернии насчитывалось много дворянских имений, владельцы их жили в городе и только временами наезжали в деревню, все чаще зимой.

Прапрадед мой, Арефий, и сын его Иван, как водилось тогда, на помещика работали три дня и три дня на себя (думаю, в последнем случае с большей охотой). Семья, где родился Иван, как и большинство крестьянских семей, была многодетной; сам он, братья и сестры рядом со взрослыми трудились и в поле, и в доме, ходили в лес по грибы и по ягоды. На озимом поле сеяли рожь, на яровом — овес и гречку, возможно, просо и пшеницу — в общем, жили как все. Выращивали в губернии и огурцы, капусту, картофель, даже арбузы с дынями, да только вряд ли появлялись они на крестьянском столе...

Рек и речушек, кроме Волги, здесь хватало — хочешь плавай, хочешь — рыбу лови. В самой Волге водилась белуга, севрюга, осетр, стерлядь, сом, да и другие реки были богаты рыбой, только вот белуга да осетр с севрюгой предпочитали волжскую воду. А уж по берегам — утки, дрофы — несть числа живности, всего и не перечить. В лесах встречи с волком, лисицей или зайцем не считались редкостью.

Если Арефий владел каким-либо промыслом — гнул дуги, мастерил деревянную или глиняную посуду, вил веревки, готовил рыболовецкую снасть, — вероятно, он и сына этому обучил.

Но крестьянский быт состоял не только из рабочих будней. Конечно, и праздники были, конечно, парни и девки плясали, водили хороводы, играли в свайку и городки, в том числе и на инте-

рес. Команда городошников в четыре-пять человек, если проигрывала, подставляла спины соперникам, и тогда мужики и парни весело, с прибаутками понукали своих «лошадок» и катили на них по деревне.

Девчата, когда ходили на гулянье, старались приодеться в яркие сарафаны. Молодежь каталась на качелях; парням нравилось поскакать с девицами на доске, перекинутой через бревно потолка: девчонку ловким толчком подбрасывали повыше — и визгу больше, и сарафан раздувается только держи.

Не редкостью были и кулачные бои, «стенка на стенку» не на праздники — это само собой, а один на один, по установленным правилам. Боец в лаптях, рубахе и рукавицах, изворотливый и ловкий, умел держать удары; такого уважали не только свои, но хорошо знали в окрестных деревнях и селах.

Зимой особой забавой становилось катанье с ледяных гор. Крутой берег реки возвышался на десяток сажений, скатывались на досках, на ногах, стараясь удержаться, но чаще мчались на том месте, что пониже спины, причем не только детвора и молодежь, но и мужички посolidней.

Иногда ледяную гору строили сами: доски, плотно схваченные, устанавливали на столбы-опоры, наверху делалась ровная площадка, спуск в обе стороны заливался водой — туда еще попробуй заберись. Зато вниз пронестись — одно удовольствие, была бы охота...

В детстве Ванюше, как и другим детям, бабушка рассказывала сказки про домовых и леших, их хоть днем с огнем ищи — не найдешь, а все равно страшно. И такие сказки, где героями коза, корова, петух — их искать не надо, вот они — во дворе. Если слушал малец про волка, зайца да лису, тоже не диво: зайдя в лес подалее, так и встретишь.

И вполне могла порассказать старая бабка про Емельяна Пугачева, для нее он еще не стал преданием, как Стенька Разин или

Ермак, о которых, как о славных волжских атаманах, ходили легенды.

Дело в том, что дед и бабка Ивана родились где-то в восьмидесятых годах XVIII века, а их родители, соответственно, в пятидесятых. Пугачев же прошел по Волге в 1774 году, многие документы его ставки сохранились. В них упомянуты конкретные населенные пункты, где формировалось «царево» войско, отмечены имена, в том числе и рядовых участников бунта.

Интерес представляют, например, следующие материалы ставки Пугачева. Еще в конце 1773 года подписывал Пугачев именем «Государя Петра III» манифесты, «объявленные во всенародное известие» и обращенные к «верноподданным всякого звания и чина». В них, в частности, говорилось: «...Я уже вас всех пожаловал сим награждением: землю, рыбными ловлями, лесами... также вольностью...» «...Кто не повинуется и противится: бояр, генерал, майор, капитан и иные — голову рубить, имение взять... Не оставайтесь в неведении, пожалуйте». «А кто сей мой указ получит в свои руки, тот бы тот же час как из города в город, из жительствова в жительство пересылал...»

И еще писал Пугачев: «Копию этого указа отправьте в разные стороны и во все края копию с копии, не задерживая нисколько, передавать из деревни в деревню». Такие вести расходились широко и без бумаги, зачастую летели от деревни к деревне, опережая «государевы» отряды. Существовала и «обратная связь»: крестьяне, например, Алатырского уезда слали Пугачеву прошение о передаче им помещичьего хлеба и скота.

Жители Симбирской (тогда еще Казанской) губернии в небольшом числе сами составляли повстанческое войско. Не будем голословными: в пофамильных реестрах этих отрядов перечислены жители сел Ставропольского и Симбирского уездов.

Через Симбирск же, из Яика в Москву везли схваченного в 1774 году Емельяна Пугачева.

Таким образом, родители деда или бабки Ивана могли не только знать о Пугачеве, но быть очевидцами и даже участниками событий 1774 года в уездах Казанской губернии.

Выходит, наряду со сказками, легендами и поверьями, слышал Ваня весьма достоверные, передаваемые из поколения в поколение рассказы о событиях, что столь трагично разворачивались в родных ему местах за более чем пятьдесят лет до его рождения. В 1840 году жив был еще Салават Юлаев, девяностолетний пугачевский полковник отбывал пожизненную каторгу... Не знал этого Иван — на ту пору исполнилось мальчишке десять лет.

Жизнь крепостного крестьянина и в середине XIX века целиком зависела от нрава помещика, произвол которого — во всяком случае, до царствования Николая I — никем и ничем не ограничивался. Побои, издевательства и даже пытки крепостных, в том числе женщин, считались делом обычным, скорее нормой, чем исключением. Назначенный помещиком управитель, зачастую из самих же крестьян, вел себя порой более жестоко, чем барин. В годы царствования Николая Павловича было «трудно подыскать такое безобразие, которого помещик не совершал бы по отношению к крепостным людям». Несмотря на запрет, продолжалась и продажа крестьян.

И это — невзирая на прямое обращение царя к своим титулованным подданным: «Земли принадлежат нам, дворянам, по праву, потому что мы приобрели их нашу кровью, пролитой за государство, но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью. ...Этому должно положить конец».

Но жаловаться подневольному было некому, за всякое проявление недовольства наказывали его нещадно. В ответ крестьяне бунтовали, жгли помещичьи усадьбы, с наслаждением секли помещиков розгами — сводили счета с ними. И такие расправы отмечались не единожды.

Известен случай, когда крестьяне барина не только высекали, но взяли с него расписку в том, что он не будет им мстить. Однако через некоторое время помещик отдал наиболее усердного крепостного «воспитателя» в солдаты. Тот предъявил сохраненную расписку приемной комиссии, и она стала известна при Дворе. Достоверно, что бывшему помещику-камергеру пришлось с позором покинуть пределы России.

Не так уж были они бессловесны и забиты, наши предки — крепостные крестьяне, из которых в основном и формировались полки Российской армии.

В ответ на притеснения помещиков и управляющих убивали, душили, резали, стреляли в них и даже взрывали порохowymi зарядами. Для усмирения взбунтовавшихся посылали солдат, но среди крестьян находились такие, кто не винулся под страхом любого наказания. Против обидчиков стояли порой всем миром, тогда карательные экспедиции выжигали целые деревни. Не даром на Руси бытует поговорка: «На миру и смерть красна!»

Такова хроника тридцатых, сороковых, пятидесятих годов XIX века. Как говорится, дальше ехать уже было некуда: призрак новой пугачевщины замаячил над Россией. Только официально зарегистрированных бунтов в царствование Николая I насчитывалось значительно больше пятисот.

Вот в такое беспокойное время и отдали в солдаты моего прадеда Ивана. Заглянем теперь в историю рекрутских наборов в Российской империи.

Начиная с правления Петра I размер повинности и порядок ее раскладки не определялись заведомо, а утверждались перед каждым набором, к тому же времени относится и установление пожизненного срока службы.

Если дворяне служили все поголовно, то для так называемых податных сословий повинность носила общинный характер,

то есть конкретизировалось только число будущих рекрутов, а кого поименно назначить в армию, решало общество. Тогда же установили и солдатчину вместо наказания.

В 1732 году, при Анне Иоанновне, для дворян определили двадцатипятилетний срок военной службы, а в 1762 году Петр III своей грамотой о вольности дворянства и вовсе освободил их от нее. После первой турецкой войны, в 1793 году, вместо пожизненного конечный срок службы был установлен не более двадцати пяти лет.

Но вернемся в век XIX-й.

При Николае I империя делилась на две «полосы» — Западную и Восточную, предполагалось производить рекрутский набор с них поочередно, через год. В целом, порядок сдачи в рекруты к 1849 году определялся Высочайше утвержденным в 1831 году Уставом Рекрутским и рядом изменений и дополнений к нему. В Уставе излагалась сущность воинской повинности, порядок организации рекрутских участков и учреждения рекрутских присутствий, а также регламентировались: надзор за производством набора, порядок рассмотрения жалоб и ответственность за уклонение от службы. Там, в частности, говорилось: «Рекрутской повинности подлежат в Государстве мещане, казенные крестьяне разных наименований, крестьяне удельные, крестьяне помещицы, свободные хлебопашцы и другие».

В 1834 году установлено было увольнение нижних чинов по выслуге двадцати лет в бессрочный отпуск на пять остальных лет — в этот период солдат фактически находился в запасе, но при необходимости его могли вновь призвать в армию.

Ко времени сдачи в рекруты Ивана характер воинской повинности все еще оставался общинным и таким сохранялся до 1874 года, когда повинность объявили всеобщей и личностной.

Чтобы представить себе возможный состав семьи Ивана, сына Арефия, остановимся подробнее на понятии «общинный харак-

тер повинности». Известно: веками в России преобладало общинное, рациональное начало — интересы общие доминировали над личностными; поэтому при выборе рекрута основное внимание обращалось на то, чтобы сдача его на службу принесла семье как можно меньше ущерба. Благополучие дома в первую очередь зависело от числа рабочих рук: чем больше оставалось работников в хозяйстве, тем меньше ущерб семье. Именно эти, выработанные нашим народом традиции были фактически узаконены Рекрутским Уставом 1831 года.

Порядок отбывания воинской повинности, согласно этому Уставу, назывался «очередным» и заключался в следующем: «Все семейства вносятся в очередные списки, по порядку числа работников, то есть способных к труду в возрасте восемнадцати—шестидесяти лет. Каждая семья, до которой дошла очередь, ставит рекрута, если в ней есть лицо, годное физически, в возрасте двадцати—тридцати пяти лет». Причем предпочтение отдавалось холостому; если таковых оказывалось несколько, то старшему по летам; из женатых брали бездетных, если детей имели все женатые, тогда право выбора оставалось за родителями.

Сразу же оговоримся: очередной порядок действовал безусловно только в отношении мещан, казенных и удельных крестьян; что касается крестьян помещичьих, то для них очередь устанавливалась «по усмотрению» помещиков, это также определялось законом.

Истинных обстоятельств рекрутирования прадеда Ивана отец мой не знал, а знал ли дед Александр Иванович — неизвестно. Ясно одно: если Иван родился крестьянином и судьбу его решало общество или «справедливый» помещик, его старший брат, скорее всего к тому времени наверняка женатый, и оставался в семье тем работником. Возможно, живы были еще мать и отец, приблизительно пятидесяти лет от роду, по тем временам — ста-

рик со старухой. Семьи крестьянские, как правило, многодетные, значит, имелись у Ивана младшие братья и сестры.

Но допускаю и другое.

Если сдали сына старика Арефия в рекруты «по усмотрению» помещика (или помещицы) за проступок, следовательно, либо сам Иван, либо отец его чем-то не угодил барину: может, слово какое было сказано невпопад или поклонились не как положено, может, заступился Иван за приглянувшуюся дворовую девку... А то, глядишь, сотворил Ваня что и посерьезнее, Бог его знает. Впрочем, и сельское общество вполне могло определить в солдаты парня, который, по их мнению, исправлению не поддавался. Однако необходимо отметить: таковых, даже вместе с бродягами, в армии насчитывалось не более одного на сто человек.

Таким образом, оснований считать, что прадеда моего сдали в рекруты за проступок, почти никаких.

Итак, в то время как в Симбирской губернии — впрочем, как и по всей Европейской части России — крестьяне собирали урожай, спешили до дождей закончить работы, праздновали Всемило-стивому Спасу, а затем Успение Пресвятой Богородицы, Императором Николаем I был подписан документ, который определил всю дальнейшую судьбу Ивана, а следовательно, моих предков по отцовской линии. Прочтем его:

ГОСПОДИНУ ВОЕННОМУ МИНИСТРУ

Манифестом, сего числа изданным, назначивъ произвести очередной осьмой частный наборъ съ губерний Восточной полосы, за исключением губерний Орловской, Калужской и Тульской, и съ пяти губерний Западной полосы Государства,

Повелеваю Вамъ:

1. Рекрут, которым по сему набору будутъ собраны, распределить в войска, сообразно данным Вамъ на сей

предметъ повелениям, и

2. По предмету обмундирования рекрутъ, руководствоваться установленными для сего правилами.

*В г. Варшаве
августа 19 дня 1849 года*

Подписано:
Николай

Далее приведем описание документов, коими регламентировались все без исключения действия, направленные на исполнение рекрутского набора качественно и в срок, и отдельные выдержки из них.

Инспекторский департамент Военного министерства издает 20 октября 1849 года циркуляр, который подписывает Дежурный Генерал Главного Штаба. В нем, в частности, говорится:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, утвердив Расписание о распределении рекрутъ по Манифесту 19-го Августа сего года, как очередного, осьмого, частного набора в Восточной полосе Государства граждан и однодворцев Западных губерний, и тептярей и бобылей в Рекрутские Присутствия губерний назначать Воинскими Приемщиками штаб- и обер-офицеров по прилагаемой при сем ведомости» (то есть по утвержденному списку. — *Авт.*). А далее отмечается, что наблюдением за набором и выбором рекрутов «в Гвардию, Гренадеры, Артиллерию и Саперы (в элитные части того времени. — *Авт.*) командировать Генералов Свиты Его Императорского Величества и Флигель-адъютантов по прилагаемому при сем списку».

Таким образом, сразу определялась персональная ответственность за качественное проведение набора, и высшие чины армии все вопросы должны были решать на месте.

Впервые предписывалось «рекрутам сего набора не брить лбов, а стричь им волосы на голове, по положению о нижних воинских чинах». Очень важное нововведение, ведь раньше выражение

«забрили лоб» означало, что человека отдали в рекруты, а команда «Лоб!» следовала после медицинского осмотра и решения приемной комиссии. Большинство рекрутов знали: не дашь цирюльнику на водку, брить будет всухую, небо с овчинку покажется. Кстати, счастьем необыкновенным была другая отметина: если брили не лоб, а затылок — выходит, забраковали, в рекруты не берут. Есть свидетельства, что зачастую, ошалев от такой удачи, парень голым выбежал на улицу из рекрутского присутствия, хорошо, если одежду прихватывал...

Набор рекрутов Восточной полосы, куда входила Симбирская губерния, на то время проводился с 1 ноября 1849 года по 1 января 1850 года (по другим сведениям, с 1 октября по 1 декабря 1849 года). Следующий набор в губернии, девятый, приходился на те же месяцы 1851 года.

Служил мой прадед, как уже отмечено, с 1850 года, значит, все сходится, и нас будет интересовать именно восьмой набор с Восточной полосы империи.

К концу осенних полевых работ по деревням и селам пронеслась весть о наборе, для многих она стала страшнее засухи или мора. Но делать нечего, семьи, где два-три работника («двойки» и «тройки»), стали готовиться к сдаче. В дом старика Арефия тогда пришла беда неминуемая, думаю, известно было и ему, и жене, что Ивана заберут, считанные дни живет он в родном доме, потом уж не увидят они сына никогда. Солдат мог погибнуть в бою с «басурманами», умереть от болезни или жестокого наказания, да и сами старики не рассчитывали прожить еще четверть века. Словом, провожали молодого, здорового парня, а горевали, будто хоронили его. В иной семье при таких обстоятельствах и уродство сына почиталось за счастье. Бывали случаи, когда парни калечили себя — рубили пальцы, выбивали зубы. О зачетной квитанции, которая могла бы выручить, никто и не думал: стоила она двести-триста рублей серебром.

В частных наборах, каким и стал восьмой набор 1849 года, брали по пяти рекрутов с тысячи душ, один шел от тридцати-сорока семей, например, город Симбирск должен был поставить около ста рекрутов.

Набор в армию не затрагивал широкие слои общества в нынешнем понимании. Не казалось это событие для государства чем-то из ряда вон, скорее, наоборот: означало наличие профессиональной армии. Для семей, отдававших своих мужчин в рекруты, солдатчина становилась горькой, но естественной неизбежностью, остальное же население интересовали иные вопросы. Не было рекрутирование предметом обсуждения и на страницах печати — время дискутировать на эту тему еще не пришло, тогдашнего читателя занимали совсем другие стороны жизни. Например, «Симбирские губернские ведомости», еженедельная газета, сообщала обывателю о приезде в город почтмейстера, помещика или гвардии поручика и даже о том, где они поселились. Мы и теперь можем прочитать, что исправляющий должность сызранского городничего останавливался в доме девицы такой-то, а титулярный советник из Самары — в номерах Власова. Печатались и частные объявления: «В городе Пензе пропала собака породы водолаз, росту большого, черной шерсти, кличка ему Богардъ. Кто доставит в Пензу, в дом г. Арапова, или известит, тот получит 35 рублей серебром».

Иван, как я понимаю, газеты этой не читал, думаю, был он и вовсе неграмотен. Да, впрочем, платы за поимку водолаза на зачетную квитанцию все равно бы не хватило.

Нашу тему в какой то мере затронула напечатанная в газете информация о требованиях Статистического отделения Министерства внутренних дел предоставить данные об общей сумме денежных взносов, собранных по Симбирской губернии за последние десять лет «вместо поставки рекрутов натурой». Видимо, как обычно, денег не досчитались, и данные министерских статистиков и губернских чиновников разошлись. Сумма эта осталась мне не-

известной. Впрочем, ясно, что нашего семейства она и не касается. Получило ли искомые данные Министерство, тоже большой вопрос.

Но вернемся к семье Арефия, где готовились к проводам Ивана и вспоминали грустную припевку:

Что под солнышком трава —
То солдатска голова.
Ай, бабушка Макарьевна!
Ай, тетушка Захарьевна!

Ох, кумушка Сысоевна!
Всей деревней заревут:
Ваньку в рекруты сдают!
Ох, сватьяшка разбоевна!

Ты прости, желанный Ваня:
Вот ужо те будет баня.
Ай, родная Прокофьевна!
Ай, выручи, полштофьевна!

Пришел день везти Ивана в присутствие, как водится, плач стоял в избе и на улице. Скорее всего, случилось это в ноябре или декабре, как теперь нам точно известно, 1849 года; к этому времени в губернию и уезды уже направили офицеров из полков для участия в приеме рекрутов, а прибыть они должны были не позднее 25 декабря.

В небольшой избе — сестры и братья. Где все, там и младшие, они плохо понимают, что происходит, но Ивана им жалко: он их нянчил, заступался, если соседские обижали. Смотрят с полатей, носами шмыгают...

Старший брат рядом с родителями, неловко ему: брат служить уходит, а он рядом с женой остается. Само собой, отец и мать сына благословили, крепится Арефий, успокаивает Ивана (да скорее жену): «Служба не петля, Бог даст, свидимся». Кто-то говорит: «За Богом молитва, за Царем служба не пропадает».

Старший брат и отвез Ивана в уездное Воинское присутствие. Розвальни, покрытые рогожею, уносили будущего защитника веры, царя и Отечества по уже заснеженной дороге все дальше от дома. И невольно оглядывался Иван, стараясь различить в заснеженной дали быстро уменьшавшееся черное пятнышко — свою избу. Пока деревня не скрылась из виду...

В Присутствии рекрутов осматривали лишь в светлое время — такое было строгое указание: темнело рано, при свечах иного признака болезни или увечья могли не заметить.

В передние комнаты Присутствия заводили вновь прибывших по десяти человек, сдатчики и родственники оставались во дворе. Здесь во время приема находились нижние чины жандармских команд, которые состояли вестовыми при офицерах корпуса жандармов. Следили они за порядком, всякие безобразия тут же пресекали, тех, кто пытался вдруг противиться, могли и в колодки посадить.

В следующих комнатах располагалась собственно комиссия. Рост рекрутов мерили специальным трехаршинным деревянным шестом, обитым жестью, расчерченным вершковыми метками и заверенным печатью Военной коллегии. В тот набор в армию брали мужиков не ниже 2 аршин 4 вершков роста, то есть 1 метра 60 сантиметров. При этом были четкие указания Инспекторского департамента Военного министерства: «все имеющие рост 2 аршина 5 вершков и свыше отправляются немедленно, по закрытии Присутствия, в губернские города, где выбирают из них (находящиеся там Генералы и Флигель-Адъютанты) в Гвардию, Гренадеры, Артиллерию и Саперы недостающее число».

Росту в 2 аршина 5 вершков, то есть 165 сантиметров, из осмотренных и прошедших комиссию имели более половины парней да мужиков, но далеко не все отбирались они в элитные войска, учитывались и некоторые другие внешние данные, а также причины сдачи в рекруты.

Уездная комиссия состояла из офицера — Военного приемщика, лекаря, трех грамотных нижних чинов, прикомандированных из Гарнизонного батальона и Инвалидной команды, они-то и заполняли все установленные по форме бумаги.

Ивана, как и других рекрутов, внимательно осмотрели, измерили рост, в рот заглянули, записали возраст, имя и имя его отца, а потому в формулярных списках и иных документах значился теперь Иван Арефьев, сын Арефьев — так и пишется наша фамилия с декабря 1849 года. Указали в списках и какой деревни и уезда житель, какого помещика крепостной.

Потом выдали моему прадеду, как и прочим, «фуражную шапку темно-зеленого сукна, без выпушки, по образцу, разосланному Комиссариатским Департаментом Военного Министерства», а также: шинель серого сукна с таковым же воротником, полушубок, брюки суконные темно-зеленые, рукавицы суконные, две рубахи да две пары сапог, кроме того, ранец серого крестьянского сукна и «галстух» черного сукна. Что с этим «галстухом» делать, потом подсказали солдаты Инвалидной команды, сам Иван наверняка этого не знал.

Рекрутов из всех уездных Присутствий под охраной солдат внутренней стражи отправляли в город Симбирск, в Губернское воинское присутствие. Здесь они должны были находиться до сбора всей партии рекрутированных, туда же передавались формулярные списки и прочие отчетные документы.

А партии из симбирских рекрутов составлялись в 1849 году такие:

- 55 человек в Санкт-Петербург, в Штаб его Императорского Высочества для направления в Гвардейский корпус;
- 354 человека в Новгород, к Командующему резервной дивизией Гренадерского корпуса;
- 992 человека в город Славянск для резервной бригады 19-й пехотной дивизии;
- 498 человек в город Бахмут для резервной бригады 21-й пехотной дивизии;
- 164 человека в Симбирский внутренний гарнизонный батальон.

Всего получается 2063 рекрута, это расчетное число и значит-ся в документах по Симбирской губернии, а кто-то еще от руки написал цифру 2152 и разницу вывел — 89. То ли в Инспекторском департаменте решили рекрутов с запасом брать (дорога-то дальняя), то ли иная была причина — не узнать теперь. Возможно, предусматривались случаи побегов, заболеваний и гибели в пути — отправлялись в дорогу зимой, в январе, пешим порядком по заснеженным трактам.

Впрочем, пешком шли не все, циркуляр Военного министерства гласил: рекрутов, отобранных в Гвардию, отправлять «на обывательских подводках». Берегли, значит, будущих гвардейцев, да и отобрали их по всей губернии чуть больше полусотни.

Флигель-адъютанту полковнику князю Волконскому, который непосредственно отвечал за отбор новобранцев в Гвардию, артиллерию и саперные войска восьмого частного набора в Симбирской губернии, Иван чем-то не показался (как и остальные 1509 рекрутов, отправленных в пехоту): может быть, ростом не вышел, а может, внешностью не приглянулся. Во всяком случае, ни артиллерию, ни гренадеров, ни тем более Гвардию мой отец не упоминал, а такое бы вряд ли забылось. Значит, служил мой прадед в пехоте — получается именно так. Здоровьем Бог не обидел Ивана,

следовательно, попал он в резервную бригаду 19-й или 21-й пехотной дивизии.

Правда, набирали еще во внутренний Гарнизонный батальон, но солдаты, что там служили, за пределы губернии попадали редко, там и женились, и детьми обзаводились — словом, дальнейшая судьба каждого из них не вписывалась в биографию моего прадеда.

Итак, 992 человека направлялись в город Славянск, Харьковской губернии, а 498 — в город Бахмут, Екатеринославской губернии, что верст на 50 южнее. Именно среди этих рекрутов, которые составляли три четверти общего набора 1849 года по Симбирской губернии, и был Иван Арефьев.

Казалось мне, теперь задача упрощается: поднимем материалы по полкам 19-й и 21-й дивизий — всего-то восемь полков! — найдем документы за нужные годы, а там должны быть списки нижних чинов, конечно, при условии, что они сохранились. Если сильно повезет, увидим послужные списки, в них указано и кто родители, и какой деревни житель. А дальше еще интереснее — можно определить и батальон, и роту, и, вероятно, в каких делах участвовал.

Но оказалось все, к сожалению, не так просто.

Издавна самым большим архивом военного ведомства считалось Московское отделение Архива Главного Штаба, так называемый «Лефортовский архив» (теперь РГВИА). Направление работы отделения еще сто лет назад определялось как «проверка послужных списков и выдача справок», однако сотрудники его всегда вели и большую научную работу, готовили служебные справки по Военному ведомству. Можно себе представить, насколько увеличились фонды этого архива за истекший со времени его образования период.

Я оказался не первым, кого интересовала собственная родословная. Как-то прочитал я в одной из статей, что деятельность ар-

хива увеличилась особенно за последнее время; случилось это, когда потомки участников Отечественной войны 1812 года, ввиду предстоящего юбилея, завалили архив просьбами о выдаче им документов дедов и прадедов. Вспоминали все же наши соотечественники иногда — и даже в массовом порядке, — что было и у них прошлое...

Заместитель директора РГВИА в беседе со мной сказал, что у них имеется около трех миллионов единиц хранения, и добавил: «В принципе у нас можно найти данные обо всех, кто служил в Российской армии со времен Петра до 1918 года».

Тогда как найти нужные сведения? Единого системного каталога нет по войсковым частям, тем более нет именного указателя. Теоретически современная компьютерная техника позволяет это сделать, но подготовительную работу должны проводить десятки и десятки специалистов-архивистов, а затем и программистов. А где взять на это средства? При нынешнем финансировании сохранить бы имеющиеся дела, многие из них требуют реставрации. Здание же, основные хранилища давно нужно ремонтировать, необходимо спасти ценнейшие материалы, спасти саму нашу историю. Невелик штат квалифицированных сотрудников — чтобы привлечь специалистов, необходимо установить в архивах принципиально иную схему оплаты труда.

Думаю, что и через десять лет такая систематизация не будет завершена, а жаль — именно по Военному министерству документы оформлялись и сохранялись с особым усердием, они о многом могли бы поведать, в том числе о конкретных лицах — не только героических генералах и фельдмаршалах (о них много написано книг и диссертаций), но и о рядовых офицерах и солдатах, их — тысячи фамилий в архивных документах. Потомки защитников Отечества живы и не знают, даже не подозревают, кем и какими были их пращурсы.

В ДАЛЬ ТУМАННУЮ

Посмотри-ка, род-
ной,
В даль туманную:
За плечами с сумой
И с командою
Брат уходит от нас
К командирам-от-
цам.
Знать, уж отдан
приказ
Выступать рекру-
там?

Народная песня

В начале января партию рекрутов готовили к отправке, до этого их перевели в Симбирск из уездов, где они содержались при Инвалидных командах.

Сами рекруты вряд ли представляли, куда направляется партия, во всяком случае, до начала движения. Может быть, потом, уже в пути, Иван и его сотоварищи от солдат батальона внутренней стражи слышали названия городов и поселков, да, скорее всего, им они мало что говорили.

В Инвалидной команде увидел Иван увечных солдат. Всякие имелись увечья, однако большинство попали в эту команду по возрасту, некоторые были почти ровесниками Иванова отца, а положенного срока, видно, не выслужили, потому что забрали их в возрасте далеко за тридцать.

Новобранцев инвалиды не обижали, учили только, что во всем слушать надо старых солдат да унтер-офицеров, от них-де и служба зависит, да и всякая солдатская наука идет. Рекруты же

инвалидам помогали: дрова кололи, печки растапливали — дело привычное, солому свежую в казарму носили на подстилку, кто умел, обувь и одежду чинил.

Инвалиды остерегали Ивана: солдаты губернской стражи и кулаком, и прикладом огреть могут, ответить — ни-ни, потом дорогой замордуют или под розги попадешь...

До отправления партии к месту службы прожили рекруты еще дней пять-шесть в губернском городе Симбирске, вместе ели, вместе спали, узнавали помаленьку кого как звать, какого уезда, села, чей крепостной.

Кто поразговорчивей, рассказывал про свое домашнее житье-бытье, да ведь ничем особо не удивишь крестьянских парней. Те, которые постарше, семейные (человек пять таких оказалось), хоть и в той же артели, а сначала держались особняком: у них свои разговоры и грусть своя непроходящая. Наверняка и такие были — может, один на десять-пятнадцать человек, — кто в казарме губернской стражи у артельного стола сразу пытался верх взять силой или наглостью; наговорят с три короба про свою молодецкую хватку что было и чего не было. Дальний путь все покажет: кто не на словах, а на деле силен и стоек, кто сам сдюжит и товарищу поможет, кто сани подтолкнет и на ночевке за водой к колодцу сходит, когда другим и головы не поднять, кто грамотен (такие в партии наперечет), а кто так, балаболка или еще хуже — умеет только над котлом ложкой частить.

Кормили два раза в сутки, бывало что рыбой или даже мясом, но все больше кашей с хлебом да картошкой с луком. В общем, пища для Ивана привычная.

У многих дом совсем недалеко — полдня пути пешком, но отпустить никого не отпускали, проси не проси — все зря. Иван и не пытался, да и не знаешь, что лучше: еще раз увидиться да второй раз прощаться или так: ушел и нет тебя, раз судьба выпала...

Помалу стали приучать рекрутов к службе: стоять в строю шеренгою и в затылок, это, вроде как, и понятно, а станут в ряд — одни на пол сажени туда-сюда разбредутся, другие теснятся — не продохнуть.

А ходить в ногу так и вовсе ни у кого не получалось: кто на пятки впереди идущему наступает, кто в спину тыкается, чуть до драки не доходило. Начали учиться поворачиваться в строю, сначала на месте, старый солдат-инвалид как только не чертыхался, а то смеяться начинал, аж слезы текли, но никого не наказывал и все-ррез, с сердцем, не ругал и подзатыльники раздавал нечасто.

Еще наставляли рекрутов соблюдать присягу и исполнять законы и военные положения.

По утрам новобранцев строили и перекликали по фамилиям и именам, вечером, перед тем как развести ко сну, процедура повторялась. Приучали откликаться четко и без задержки, в строй ставили по росту, каждый должен был свое место запомнить и не путаться, с места на место не перебегать.

«Как службу начнешь, — напутствовал Ивана старик-инвалид, — так она и покатится. Оправдаться всегда трудней, легче не оступаться». Эти слова крепко запомнились, и служба — увидим мы, — хоть суровая и опасная, не сломила моего прадеда, не ожесточила.

Итак, прошли положенные на подготовку партии дни, списки новобранцев составлены по форме и проверены, маршрут по Симбирской и Саратовской губерниям до первого отдыха выверен, в каких деревнях ночлег — определен и партийному офицеру известен в точности.

Ивана вместе с другими симбирскими рекрутами привели к присяге, теперь за каждый проступок они отвечали, как нижние чины армии — это им быстро втолковали солдаты внутренней стражи, которые их охраняли. (Среди стражников оказались и штрафованные, озлобленные наказаниями за проступки и про-

сто люди никчемные, потому и не попавшие в армейские части. Они и должны были сопровождать партию.)

Саму присягу Иван почти не запомнил, но отдельные слова в памяти остались: «Всемогущим Богом обещаюсь и клянусь Великому Государю Николаю Павловичу не щадя живота своего служить, чинить послушание, поступать как честному солдату». И потом, в дороге, и в резервном батальоне не раз услышанная, через годы самим прочитанная, помнилась присяга Ивану Арефьеву вся, целиком, до самой смерти.

Партийный офицер — поручик принял партию, проверил еще раз документы, сверил списки. В полтора десятка саней запряжены лошади, построены рекруты, солдаты внутренней стражи, сопровождающие партию, вновь приглядываются к ним. Наконец, загружен сундук с деньгами и документами и... Зимнее солнце еще не взошло, а команда, повторенная унтером, звучит громко и протяжно: «Па-а-ше-о-л!» Рекруты в сопровождении семи десятков солдат охраны двинулись в долгий путь.

Сапоги носил Иван уже неделю или больше, пообвык; портянки навернул аккуратно, без морщинки — понимал, что дорога предстоит дальняя, сотрешь ноги — беда.

Брюки, рубаху раздавали трех размеров, с самого начала постарался Иван заполучить их по росту, а сапоги по ноге. Вторую пару сапог и рубаху Иван уместил в ранец. Надел полушубок, закрепил на плечах, как учили, тяжелый ранец, туда положил аккуратно свернутую тряпицу с нитками, иголкой да наперстком, что дала мать, на ранец приладил шинель.

Растянулась партия по столбовой дороге на версту: впереди стража, затем двое саней, припасенные на случай, на них офицер, фельдшер, чиновник из Губернского присутствия да ящик с деньгами, еще сани и опять стража.

Рекрутов ранее разделили на артели, в артели пятнадцать человек, старший — солдат стражи. Строго предупредили: за побег

одного отвечает артель — всем лбы обреют (связали, значит, круговой поручкой, чтобы друг за другом смотрели: как хочешь — хоть сам не спи, а примечай, не то получишь отметину). Беглецу же делают запись в формуляре, и будет он не только бит розгами, но и помечен начальством навсегда.

Идут походным порядком, а проще говоря, пешком; мороз, ветер, снег солдату не помеха, да и у поручика строгое предписание, все определено по верстам и по дням (мы и теперь можем заглянуть в инструкцию по препровождению рекрутов к месту службы и в маршрутные листы). Так, в город Славянск, Харьковской губернии, к месту расположения резервной бригады 19-й пехотной дивизии путь лежал через города Сердобск, Саратовской губернии, и Богучар, Воронежской губернии, при этом пройти нужно было 1170 верст за 92 дня. Кстати, этим же маршрутом в иные годы, например в 1851 году, шли партии из Симбирска в Бахмут, в резервную бригаду 21-й дивизии.

Идут рекруты по заснеженной дороге, разные люди в партии: двадцатилетние парни и тридцатилетние мужики, холостые и женатые, люди, впервые покинувший отчий дом, и преступники, немало побродившие по свету. Им не только идти вместе долгие дни и недели, вместе есть из одного котла и делить крышу над головой, им предстоит служить в одном полку, многим, возможно, в одном батальоне. Если намечено за день пройти 15 или 20 верст, значит пройдут несмотря ни на что, слабого подгонят, забуянившего заставят.

Партийный офицер сделает все, чтобы до намеченного села или деревни дойти к вечеру, разместить рекрутов по избам, оплатить обывателям вовремя дрова да еду — крупу, картофель, хлеб, соль.

Тяжело ступает Иван по рыхлому снегу, холодный ветер задувает за воротник. Темнеет зимой рано; хотя и привычен был правед к крестьянскому мытарству, но, когда совсем стемнело, стали

донимать его голод да усталость: днем ведь только хлеб на ходу пожевал — с утра оставшуюся горбушку за пазухой спрятал, чтобы не замерзла.

Уже не о родном доме думают новобранцы, а только об одном: дойти бы поскорее до жилья, поесть, обогреться, спать залечь. Для большинства из них такие дальние многочасовые переходы, да еще в зимнюю стужу, непривычны. Остановки короткие, только по команде, чтобы оправиться да хлеба съесть, и снова в путь.

Не видно пока никакого жилья, один снег вокруг. Подгоняют партию стражники, им тоже нелегко: на них не только такие же, как у рекрутов, ранцы, но и ружья, боевой запас. Больше девяти-сот человек сопровождают солдаты батальона стражи, поэтому и в середине партии, и по бокам идет их по два десятка.

Шагает Иван, топчет и топчет сапогами снег; устал, но вида не подает, в мыслях добрым словом поминает инвалидов, что научили ладно ранец приспособить — не тянет, не болтается; руки в рукавицах запрятал в карманы шинели, старается не горбатиться и не наступать на пятки впереди идущим.

Первые дни самые тяжелые, кажется, не дотянешь, не дотерпишь, не выдюжишь, не одна верста останется позади, пока, наконец, вдали замерцают огоньки, потянет дымом, залают собаки.

Тогда и лошади, что в сани запряжены, пойдут бодрее, спрыгнет с подводы поручик, засуетятся стражники: «Подтянись!», да и сами рекруты из последних сил ускорят шаг.

На ночь партию нужно разместить и горячим накормить; места на всех в одной деревне может не хватить, тогда часть рекрутов прошагает еще версту-другую до соседней деревни, а с ними и солдаты под командой унтер-офицера.

В ту же деревню отправится и партийный офицер. При нем прогонные деньги, определенные по числу верст на самого поручика и на унтеров, а также на лошадей (лошади две-три для самих

офицеров, а также для больных, из расчета одна одноконная запряжка на двадцать пять человек).

Везет с собой поручик деньги и на винную порцию, считая по три чарки в неделю на рекрута и солдата; тут все строго расписано: в ведре восемьдесят чарок, если ведро двенадцатилитровое, выходит, чарка — 120—150 грамм. Денщику же чарка выдается отдельно, в день по таковой.

Еще выделены деньги на жалованье рекрутам — по пять—десять копеек в месяц, кроме того, отдельно на каждого из них по пятьдесят копеек на шерстяные носки, портянки да на смазку сапог. Это на весь путь, а дорога, как мы теперь знаем, бывала дальней, нашей партии шагать более тысячи верст, нужно экономить.

Отдельно уложены сданные на хранение личные деньги рекрутов, на это составлен специальный список. Думаю только, что в этом списке прадеда моего не было: вряд ли крепостные могли наскрести хотя бы гривенник...

В целом, если посчитать, в денежном ящике сумма содержалась немалая, поэтому и охранялся он специально отряженными солдатами стражи.

Строгую отчетность ведут партийные офицеры, по партии в целом и по каждому рекруту отдельно — исполняют приказ от мая 1847 года № 101: «...Обращать строжайшее внимание на состояние здоровья рекрутов, с тем чтобы из слабых рекрутов отправлялись в дальний путь кои, по свидетельству медика, признаны будут одержимыми легкими наружными болезнями».

По утрам, после ночевок, офицер тщательно осматривал рекрутов, выслушивал жалобы, вместе с лекарем опрашивал, не зазнамо ли кто.

Если заболевшего можно было оставить в госпитале или больнице, так и поступали и до ближайшего уездного города везли его в санях зачастую несколько дней. На ночевках занедужившего устраивали поближе к печке, сами рекруты, из той же артели, ста-

рались и накормить посытнее, и чарку лишнюю выделить — авось, не придется оставлять товарища на чужой стороне. Пройдет ночь, а там, глядишь, и хворь уйдет, оклемается товарищ и уже по утру, завернутый в тулуп, еще слабый садится в сани, шутить старается — только бы не отрываться от своих, не остаться одному в чужом городе.

Следует отметить, что принимаемые по «сбережению здоровья рекрут» меры давали вполне ощутимые результаты, уже в период сороковых—пятидесятих годов XIX века смертность в дороге была минимальной, и не единожды партия приходила к месту службы в полном составе.

Если взглянуть на карту, можно увидеть, что на первом отрезке пути рекруты двигались на юго-запад, а потом к югу. Когда подходили к Сердобску, за плечами оставили уже около четырехсот верст по заснеженным трактам, тридцать дней стужа холодила спину, встречный ветер сек лицо.

Теперь дорога шла через занесенные снегом овраги и холмы, зачастую петляла в густых лесах. И тогда стражники растягивались вдоль колонны, отсекая рекрутов от манящей чащи: не дай Бог, кому дурь в голову взбредет на свободу податься, затеряться среди деревьев.

На подходе к городу ветер больше задувал с левого плеча — все легче было идти. Увидел Иван заснеженную цепь древних земляных насыпей — остатки вала, который когда-то окружал село Большая Сердоба. Еще в начале XVIII века на этом валу держали сердобцы осаду крымских и кубанских татар, держали и выстояли, не отдали жен и детей в кабалу и на поругание. Об этом вполне мог мой прадед узнать позже, за разговором, от хозяин избы, где расположилась артель на отдых. Кроме положенных щей да каши, поднес он рекрутам от себя по чарке. Могло быть и так, что хозя-

ин несколькими годами раньше отдал сына в солдаты, и тогда выпили рекруты по случаю за здоровье служивого...

Что еще сказать о тех местах? Под снегом, конечно, не видно, но местные говорили, что земля здесь чернозем, на урожаи жаловаться грех. Когда водили рекрутов в церковь, видели они замерзшую реку Сердобу, холмы да овраги, что изрезали город. Жителей тогда в нем набиралось едва тысяч десять. Фундаменты многих городских домов и даже изгороди были сложены из валунных камней, а у хозяина дома, где на постое жил Иван, и погреб оказался такими камнями выложен.

Сводили Ивана и его товарищей в баню, но при этом охраняли так же строго, как и в пути. В баню ходили по очереди — двое три артели помылись, попарились, белье постирали, оделись в чистое. И по легкому морозцу снова развели рекрутов по домам обывателей, а несколько сотен — в казармы Инвалидной команды, другие казенные помещения, иногда и в острог направляли на ночевки.

На отдыхе можно было поспать подольше, одежду починить, подогнать под себя. На третий и четвертый день в казармах собирали рекрутов человек по сто—сто пятьдесят, и офицер читал статьи закона о нарушениях по службе, за которые солдатам грозило наказание, а особо провинившихся и смертная казнь ждала. Всего сразу не поймешь и в памяти не удержишь, но запомнилось, что бесчестьем будет «во время сражения обратиться в бегство» и еще: «русский солдат, по примеру своих предков, должен: или пасть при знамени, или защитить его».

Прошли четыре дня в Сердобске. Утром пятого дня, перед выступлением, еще затемно покормили рекрутов горячими щами да картошкой с луком, каждому хозяин доброе слово сказал, хозяйка перекрестила в дорогу, а временные постояльцы им в ответ поклонились.

В городе сменился конвой внутренней стражи, те солдаты, что шли с рекрутами от родных мест, отправились обратно в Симбирск, а на смену им заступили стражники Саратовского батальона, которых загодя отправили к месту отдыха партии.

Для рекрутов, впрочем, мало что изменилось, если не считать того, что в первые дни еще не притомленные дальней дорогой унтеры и солдаты чаще покрикивали да понукали, иногда даже сдерживали ружья с плеча. В пути постепенно все успокоилось, притерлись; новый поручик знал теперь не только по документам, которые передал ему прежний партийный офицер, но и на деле: ровно идут рекруты принятой партии, установленный маршрут исполняется по срокам и местам ночевки, согласно предписанию, больных немного, побегов нет. До следующего отдыха в городе Богучаре предстояло пройти в тридцать три дня четыреста сорок девять верст.

К концу февраля шли уже по зимнику Воронежской губернии. Снежные метели по-прежнему провожали партию с каждой ночевки и сопровождали в пути, но то ли рекруты притерпелись да обвыклись, то ли не было уже такой стужи, что стояла в январе, однако не казалась теперь дорога очень уж тяжелой. Шел Иван, как и большинство его товарищей, размеренным, ровным шагом, знал точно, что выдюжит, дойдет, и уже не столь страшной виделась ему служба.

Тракт тянулся то по краю лесов, большей частью дубовых да березовых, а потому скучных долгой зимней порой, то низиной, то в горку устремлялся. Снова многие в мыслях возвращались к родным и близким, вспоминали дом, где родились и выросли, может, вспомнилась и речка в жаркий летний полдень, что текла за деревней в тени деревьев... Всякое вспоминали, но больше хорошее.

В артели все давно перезнакомились, знали теперь, кто из какого села или деревни, кто из них крестьянин помещичий, а кто казенный. Из Симбирска рекруты шли все православные.

Постепенно леса отступили, ближе к Дону и вовсе дорога протянулась по равнине, снег лежал здесь гладко — ни бугорка. Как говорили стражники, летом здесь, в раскинувшейся на многие версты степи, вырастают высокие травы, на лугах пасутся табуны лошадей и многочисленные отары овец. До весны скрылись меловые кряжи да береговые откосы красного гранита. Но уже чаще и дольше светило солнце — глазам делалось больно от слепящей белизны вокруг.

После метелей дорога в лощинах зачастую так была занесена, что рекрутам то и дело приходилось меняться местами: по команде одна, другая, третья сотни выходили вперед протаптывать дорогу остальным. Сами стражники, нарушая порядок, шли за первой сотней, ругали дорогу, метель, а заодно и рекрутов.

По-прежнему только ночевки давали возможность отдохнуть и согреться. Быстрей бы соломы набросать на земляной пол да пожарче печь протопить, однако не всегда это получалось. С дровами здесь туго, вот и берег их хозяин для себя, потому как до конца зимы могло и не хватить, если морозы продержатся до конца марта. Зато соломы вдоволь — было что и под себя подстелить и чем сверху накрыться; в печь бросай сколько хочешь, да только толку от этого мало: пых — и нет ее, такой огонь жару не дает, долго не греет.

Лица у рекрутов обветрились, осунулись. И раньше-то шибко мордастых не виделось, а теперь и вовсе кожа как рогожа, бороденка да усы, что отрасли за месяц пути, от ветра и снега не спасали.

Но ничего, идет Иван со всеми наравне, а тут с мартом и солнышко засветило ярче, и весной запахло, хотя снег как лежал, так и лежит, только коркой покрылся — ломким настом.

Когда подходила партия к Богучару, увидели рекруты вмерзшие у пристани суда, приткнулись они к берегу с осеннего ледостава на Дону. Стояли большей частью барки, длиною около двадцати сажений, много дощаников — плоскодонных судов, сажений до пяти. Разглядел Иван и несколько огромных белян, что могли перевозить грузы до пяти тысяч пудов, вдвое больше, чем баржи. Такие суда для симбирских рекрутов были не в диковинку — многие из них родились и выросли на Волге.

Перейдя Дон, вошли в город, и, как ранее в Сердобске, развели рекрутов по домам обывателей, которые заранее наметили посланные вперед квартиры, и по казармам Инвалидной команды. Часть рекрутов смогли до ночи и покормить, и в баню сводить, других же успели лишь разместить да накормить — мыться и бриться отправили на следующий день, цирюльники уже поджидали их в бане.

Жарко топилась баня, вдоволь подали воды да крутого пара, только вот незадача: веников березовых оказалось мало, исхлестали их по очереди до голых веточек, листья разлетелись по всей мыльной, покрыли пол да лавки.

Еще когда выдавали по венику на артель, рекруты зароптали: куда, мол, это годится. Но им объяснили: лесов-то вокруг считай что и нет; зато степной травы вдоволь, полынных веников можно посушить немерено, только кому они нужны, эти пучки травяные; с мылом тоже оказалось негусто.

Ладно, что делать, обошлись: помылись и побрились, погрелись, постирались, потом, уже в избе, по чарке положенной пропустили перед обедом да спать еще днем залегли. Никто не тревожил рекрутов до утра.

Следующие два дня отдыхали да по возможности отъедались, строем сходили в церковь.

Неожиданно сильно потеплело, с крыш закапало, за два-три дня на некоторых домах показалась из-под снега сделанная из местной глины красная черепица.

Закончился и второй отдых, теперь партию вели солдаты Воронежского батальона, а до места оставалось пройти около трехсот тридцати верст за двадцать девять дней.

Стражники оповестили рекрутов, что идет партия в город Славянск, Харьковской губернии. Другая симбирская партия, как нам известно, двигалась в это время на Бахмут, что в верстах пятидесяти к юго-востоку, на Екатеринославщине. Вели их разными дорогами в тот год потому, что большое число рекрутов, идущих одним маршрутом, размещать и кормить в пути — дело непростое. (Впрочем, этот факт значения для нас не имеет.) Содержали и обучали солдат двух запасных бригад в одинаковых условиях, это определялось не только близостью их расположения, но и тем, что после четырех- или пятимесячной подготовки направлялись они в полки воюющих бок о бок дивизий.

Который уже год Русская армия вела боевые действия за рекой Кубань и непосредственно в Дагестане и Чечне, несла при этом большие потери, и, следовательно, полкам постоянно требовалось пополнение.

Но вернемся к той партии, что двигалась в марте 1850 года по дорогам южных уездов Воронежской губернии.

Оставив по левую руку Дон, еще покрытый льдом, зашагали рекруты по талому зимнику мимо деревень и сел, где жили в большинстве малороссы. Эти земли стали осваиваться, в основном, во второй половине XVIII века. Продвигались сюда малороссы с юго-запада, строили жилье, распахивали плодородные степи, где чернозема было на два аршина, одной из самых хлебородных губерний считалась тогда Воронежская. А еще на всю Россию славились эти области могучими битюгами. Встречали рекруты неви-

данных дотоле лошадей, дивились: один запряженный в сани тяжеловоз тащил немыслимое количество поклажи.

...К концу пути сани уже вязли в черной, смешанной с талым снегом земле, оставляли глубокие колеи, их пришлось сменить на телеги. Солнце пригревало все сильнее, тени на земле укорачивались, и за день партия успевала пройти положенные участки дороги еще засветло. Рекрутов, стражников, да и лошадей весенняя распутица измотала вконец.

Последние версты партия преодолевала в первых числах апреля, земля стала подсыхать, шли уже без рукавиц, скинули и шапки, подставляя полуденному солнцу обросшие головы.

И вовсе теперь новобранцы привыкли к строю, солдатскому ранцу и шинели, на которую сменили тулуп, да к армейским сапогам; правда, у многих сапоги эти порядком поистрепались, пришлось доставать запасную пару; полушубки тем временем свернули и приторочили к ранцу — хоть и неудобно, а все легче, чем по такой погоде на себя пялить.

Когда проходили Харьковской губернией, крестьяне уже начали работы в поле, по сторонам от дорог во всю ширь распахивали земли.

Верст двадцать прошагали вдоль речки Торец, оставляя ее по правую руку, лед давно сошел в Северный Донец, там и растаял.

Так, по весне, солнечным апрельским днем ступила, наконец, партия, к которой был причислен Иван Арефьев, в уездный город Славянск, где располагались Штаб резервной бригады 19-й пехотной дивизии и казармы 6-го резервного батальона Тенгинского пехотного полка. Бригадой этой командовал тогда полковник Румянцев.

6-ые резервные батальоны Навагинского пехотного полка, Ставропольского егерского и Кубанского егерского находились, соответственно, в селах Кривой Луг, Борванкино и Балбасовка.

К СЛУЖБЕ ПРИУЧАТЬ

Рекрут особливо блюсти, исподволь их к службе приучать и сих молодых солдат, взирая на каждого особо, со старыми не равнять, доколе окреплятся.

А. Суворов

Военные начальники, относительно поступления их (рекрут) в войска, образования и обращения на действительную службу, руководствуются Положением, Высочайше утвержденным 12-го декабря 1836 года.

Циркуляр Военного министерства

Города Славянск и Бахмут, хотя и расположены в разных губерниях, но находятся, как отмечалось, недалеко один от другого. В обоих размещались штабы резервных бригад двух интересующих нас дивизий и отдельные резервные батальоны. Думаю, многие офицеры этих бригад хорошо знали друг друга, вместе бывали в делах, имели сходные взгляды на порядок и методы обучения нижних чинов применительно к обстоятельствам службы на Кавказе.

Штаб бригады и Штаб стоявшего там же батальона находились на окраине города, в котором тогда проживало порядка десяти — пятнадцати тысяч жителей. Войдем же вместе с партией рекрутов на территорию бригады. Здесь размещались казармы батальона, провиантский магазин, в глубине территории — конюшня и отхожие места, перед казармами — плац, вытопанный за многие годы тысячами солдатских сапог.

В непосредственной близости от Штаба бригады располагалось помещение лекарского пункта с комнатой фельдшера; за дощатой перегородкой — два-три топчана с соломенными матрацами и одеялами. Малое количество «коек» объяснялось тем, что

серьезно больных «внутренними болезнями» здесь не держали — отправляли в уездную больницу.

Казармы были обустроены нарами, тут же, в специально отгороженном помещении, в сундуках и мешках хранились личные вещи служивых.

Командовал резервным батальоном капитан, он, как и другие офицеры, снимал квартиру в городе. Начальник бригады и начальник Штаба жили в специально отведенных домах.

Провиантским магазином заведовал, как правило, унтер-офицер, уже отмеченный медалями и с шевронами на рукаве. В целом, снабжение бригады велось централизованно, через провиантские воинские склады и провиантский магазин установленным порядком.

Обыватели снабжали бригаду овощами, пекли хлеб, подряжались выполнять и другие работы; впрочем, основная нагрузка ложилась, конечно, на солдат.

Расположение бригады в Славянске являлось весьма важным обстоятельством в жизни всего «общества» заштатного города. Присутствие военных скрашивало замшелое существование его обитателей и заставляло трепетать сердца провинциальных дам, тем более что многие офицеры, молодые и неженатые, могли считаться завидными женихами.

Вернемся, однако, к моменту прибытия партии к месту службы. Партийный офицер, согласно положению, передал списки рекрутов военному чиновнику Штаба бригады. Последний, следуя полученным указаниям, сделал запись в формуляре каждого из вновь поступивших: в какой полк и, соответственно, в какой батальон определен. Списки эти передали в батальоны, пока же Ивана и его товарищей построили и после переключки стали распределять уже непосредственно по батальонам, командиры которых при этом присутствовали.

В батальоне рекрутов покормили из солдатского котла, сводили очередно в баню, постригли, побрили, каждому определили его место на нарах, покрытых свежим сеном. Если попал Иван в Тенгинский пехотный полк, то вполне мог остаться в Славянске. По положению, оставили за ним шинель, а также одну рубаху, одну пару сапог, брюки, рукавицы, ранец и полушубок.

Если же распределили его в Навагинский полк, то отправился он с другими рекрутами в село Кривой Луг, и пришлось им пройти еще несколько верст, прежде чем поесть и помыться. Здесь разместить рекрутов могли не только в казарме, но и в домах сельчан.

Как уже отмечалось, Ставропольский и Кубанский полки были егерскими, а не пехотными, впрочем, за давностью лет или потому, что не придавал мой прадед этому значения, говорил он о том, что служил именно в пехоте. Кроме того, все полки, не только 19-й, но и 21-й дивизии, располагались на той же Кавказской линии, и формируемые из их частей отряды зачастую становились смешанными; могли они участвовать и в одних делах с неприятелем.

Остановимся коротко на истории полков 19-й пехотной дивизии. В пятидесятые годы XIX столетия некоторые из этих полков перевели в другие дивизии (например в 20-ю), а в шестидесятые годы из отдельных батальонов создали новые полки. Тогда же, в связи с реформой Российской армии, некоторые подразделения, дивизии и военные округа подверглись серьезной реорганизации.

Тенгинский пехотный полк был сформирован в 1707 году, Навагинский — в 1803 году, таким образом, они имели давние боевые традиции, участвовали в ряде военных кампаний. Ставропольский и Кубанский егерские созданы незадолго до описываемых событий — в 1845 году. Все четыре полка вели боевые действия на Кавказе достаточно активно.

Думаю, эти обстоятельства не могли не повлиять на особенности обучения рекрутов в резервных батальонах этих полков. Используемые в частях резерва армии вполне стандартные методы и приемы здесь офицеры и унтер-офицеры, наверняка, дополняли знаниями, почерпнутыми из собственного боевого опыта, причем, применительно к условиям горной войны.

Офицеры и старые солдаты в бригаду резерва попадали, скорее всего, после ранения или контузии; оправившись после госпиталей, передавали они новобранцам бесценные навыки, которые приобретались ими на поле боя или же в жестоких рукопашных схватках с отчаянно смелыми горцами.

...Резервный батальон, куда направили Ивана Арефьева, предназначался для приема, обмундирования и первоначального обучения рекрутов. Каким же было это первоначальное обучение?

Перед офицерами, унтер-офицерами — отделенными командирами стояла непростая задача: в течение нескольких месяцев подготовить неграмотных в массе своей, не знающих дисциплины крестьян к службе. И не просто к службе в мирное время в каком-нибудь тихом гарнизоне, когда при переводе в полк «рекрут в год, а иногда в два года становился во фронт и (тогда только!) считался солдатом».

В наших же полках в пятидесятые годы XIX века молодой солдат, прибывший из резерва, практически сразу принимал участие в деле. Поэтому в батальоне людей готовили к боевым действиям, а не к плац-парадам, как происходило в большинстве своем в других воинских частях Русской армии.

Как известно, итоги Крымской кампании заставили пересмотреть многое в методах обучения и подготовки солдат и офицеров, опыт десятилетий Кавказской войны, к сожалению, не использовался в должной мере.

Пока же симбирским рекрутам предстояло этот опыт приобрести, и, скорее всего, давался он им нелегко.

Рядом с Иваном служили люди разные — крестьяне Саратовской, Казанской, других губерний, попадались и бродяги, воры; как вспоминал старый солдат, «набралось разной сволочи порядочное количество, во фронте рядом со мной стояли бедовые мошенники». С такой публикой с самого начала надо было держать ухо востро: зря не нарываться, но и спуска не давать, если попытаются эти прохвосты унижить или обмануть тебя, а то и обокрасть.

Особое укомплектование Отдельного Кавказского корпуса производилось еще с 1840 года — как «постоянно ведущего боевые действия»; для этого направлялись туда резервные батальоны 3-го и 6-го пехотных корпусов, а в последние годы и тысячи солдат внутренней стражи. Впрочем, Кавказский корпус давно уже считали местом ссылки.

Прослужив несколько лет в резервной бригаде, бывшие новобранцы сами не прочь были покуражиться над «молокососами», заставить вместо себя выполнять грязную и неприятную работу, деньжонок призанять без отдачи.

Мой прадед Иван попадал в такие ситуации, когда приходилось постоять за себя; быстро при этом сообразил, что жаловаться отделенному унтер-офицеру себе дороже — все равно не отстадут; если же самому отбиваться, глядишь, другой раз не зацепят.

Только много позднее, в 1859 году, Высочайший указ отменил отдачу в солдаты «во всех случаях, которые, свидетельствуя о развратности виноватого и отсутствии в нем чувства чести, заслуживают справедливого позора и унижения».

Итак, после размещения в казарме дали вновь прибывшим несколько дней отдыха, чтобы привели себя в порядок да осмотрелись. Назначили начальников отделений, унтер-офицеров, а прощще — дядек. От дядек во многом в дальнейшем зависела обстановка в роте и судьба отдельного рекрута. Может быть, с тех самых времен появилась и поселилась в семье моего отца поговорка:

если маленький начальник голову снимет, большой на место не поставит!

Если унтер-офицер был не просто хорошим солдатом, но умел к каждому подход найти, тогда и разговоры становились откровеннее. С каждым дядька старался поговорить отдельно, свой ключик найти к человеку. Различал, кто робок и застенчив, кто пугается даже взгляда строгого, а не то что окрика, такого старался приободрить. Другим же надо сразу дать укорот, еще раз втолковать, что есть дисциплина, без которой нет армии.

В первые дни дядька приглядывался к своим рекрутам, поинтересовался, есть ли среди них грамотные, расспросил Ивана, как и прочих, откуда родом, живы ли родители, есть ли братья и сестры.

Чтобы разговорить подопечных, рассказывал, вероятно, дядька и о себе: побывал он в боях, был ранен (или контужен). И уж на верное носил на рукаве шеврон «за беспорочную службу».

Заведомо считалось, что рекруты в большинстве своем увещаний не слушают, угрозы на веру не берут — значит, кроме как страхом перед наказанием, ничем другим их не воспитаешь. А наказание известно какое — розги да шпицрутены.

Дядька отвечал за проступки тех, кто находился под его началом, провинился рекрут — виноват и дядька. Отсюда правило, выработанное годами службы: каждая вина виновата, то есть всякий проступок должен быть наказан обязательно...

Растолковал унтер-офицер всем общий порядок жизни в казарме. За несколько дней привыкли рекруты к самым простым, но важным понятиям: утреннее и вечернее построение, время и порядок уборки помещений, узнали, как и когда водят на обед и ужин. Да и три месяца пути не прошли даром — научились кое-чему в походной жизни.

Рассказывал дядька о командирах в батальоне, о том, что надо вставать, когда появляется начальство, а садиться в его присутст-

вии — ни-ни, только с разрешения. Он же пояснил, на что следует тратить то небольшое солдатское жалованье, что будут иметь рекруты на руках.

О нитках, иголке да гребешке надо заботиться самим, одежду и обувь чистить вовремя. Казенных денег, кстати, на мыло, воск и щетки не отпускали, купить все это можно только сообща, отделением, да и то изрядно сэкономив.

Еще следил дядька, чтобы не случалось раздора между Ивановым и его товарищами, чтоб не обижали тех, кто послабее или более робок. Однако жалобам не потакал, учил за себя отвечать самим, давать отпор нахалу и жулику. И еще наука: земляки друг за друга должны стоять, но без злобы. А то пойдут, скажем, симбирские на саратовских и будет это не солдатская выручка, а одна только дурость.

Строго наказывали Ивану, как и другим рекрутам, если придется где служить с инородцами, людьми другой, не христианской веры, их никак не обижать — они ту же присягу приняли, мусульманские да иудейские или католические священники рядом с русскими офицерами при этом стояли, книгами своей веры ту присягу освятили, армия же у всех одна — русская, и царь один — Император Николай Павлович.

Вскоре началась постоянная учеба: в казарме, на плацу, а потом и на стрельбище. Тяжелая, ежедневная, ежечасная. Мой прадед Иван выдержал все, не сломался, не озлобился, я знаю это наверняка из скупых воспоминаний отца.

Пытались дядьки и унтер-офицеры приобщать молодых к грамоте, хотя сами в этом были и не очень сильны; учили алфавиту, а потом и слова складывать заставляли. Позднее, спустя лет десять от начала Ивановой службы, свыше определяют деньги на такую учебу, появятся и книги для чтения, а в пятидесятые годы клочок бумаги в роте еще и не всегда найдешь. Многие унтер-офицеры уже понимали, что не только знание основ военного дела,

уставов и наставлений, но и владение более совершенным оружием требует от солдата элементарной грамотности, умения читать и писать, а следовательно, мыслить по-иному. Поэтому рады были они любому тетрадному листу.

Началась воинская учеба с повторения ранее принятой присяги — старались унтер-офицеры и дядьки, чтобы теперь заучили ее солдаты наизусть. Заставляли повторять снова и снова отдельные фразы, добивались осмысления содержания, для этого, как могли, растолковывали значение того или иного слова солдатской клятвы.

Иван, как и большинство неграмотных рекрутов, запоминал слова на слух: «Присяга есть клятва, данная перед лицом Божиим, на кресте Спасителя и на Святом Евангелие, повиноваться начальникам; терпеливо сносить труды, холод, голод и все нужды солдатския, не щадить и последней капли крови за Государя и Отечество, идти в бой за Царя, Русь святую и веру православную».

Затем, вслед за дядькою, повторял саму присягу: «...Телом и кровью в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях, храброе и сильное чинить сопротивление». Разъяснял унтер-офицер Ивану и его товарищам: означает это, что солдат свою клятву держит всегда и повсюду, а чтобы храброе и сильное сопротивление чинить врагу, должен быть он обучен строю и владению оружием, стрельбе и рукопашному бою.

Зачитывали также молодым не раз статьи законов о воинской службе, которые они обязаны будут знать назубок, отвечать без запинки и с пониманием.

Занятия шли день за днем; порой в казарму заходили офицеры, послушать, поспрашивать солдат — узнать, чему научились за первые недели. Отвечать четко умели не все, бывало даже повторить мудреные слова мог не каждый, кто по лености, а кто хоть и старался, а толку выходило мало.

Все чаще унтеры и дядьки не просто наставляли, а старались вести беседы, по совету офицеров на простых и понятных примерах пытались причудить рекрутов думать и примерять на себя сказанное и заученное. Постепенно все меньше робости выказывали молодые солдаты, реже путались в ответах.

Кавказский корпус, как мы уже говорили, был особым, беспокойная обстановка определяла условия несения службы. Статей Закона о нарушениях обязанностей службы во время военных действий насчитывалось немало, одна из них, например, гласила, что намерение «способствовать или благоприятствовать неприятелю в военных или враждебных действиях признается изменою», виноватый при этом «подвергается лишению всех прав состояния и смертной казни». Унтер-офицер поучал рекрутов: «Кто самовольно оставит свой пост в виду неприятеля, тот подвергнется смертной казни». Потом откладывал в сторону листы со статьями и обращался к обучаемым: «Ну вот ты, например?» Но никак не мог сообразить старый солдат, чем бы таким Иван или кто другой из слушателей мог потрафить неприятелю. И, ничего не придумав, переходил к другому примеру: «Поставили тебя, скажем, в караул, а тут нападение, стреляют и по фронту, и с тыла. А ты стой, где стоишь, охраняй, что положено, никуда не смей отлучиться, пока не прикажут».

«“Кто во время сражения обратится в бегство, тот подвергнется смертной казни”, — снова повторил он уже раз прочитанное, потом добавил от себя: — Помни присягу, бейся до последнего, попадешь к басурманам — все одно башку отрежут. От себя скажу: кто струсит да побежит, сам первый и погибнет, пулю в спину получить — самое простое дело.

Один побежал, другой, на него глядя тогда спасения никому не будет; в горах да в чаще не убежишь, а в поле от конного и по-давно. Страшно и мне бывало, за дерево, за камень укроешься да

палишь. Ну, а ежели что, всегда помни: штык да приклад у тебя в руках. Учат ведь вас штыковому бою. Для серьезного дела учат, устоишь со штыком против шашки — другие на подмогу успеют, жив будешь. Мне и самому со смелым да умелым бойцом в любом деле быть веселее, на такого надежа большая, это вы крепко запомните».

Снова и снова внушали рекрутам, что знамя есть священная хоругвь, слава и честь полка, оно дороже жизни, и потому солдат за него умрет, а врагу не отдаст, оставить знамя — нет больше вины. Не станет тогда полка, с которым вот уже больше ста лет, может, от времен царя Петра, добывали славу русские солдаты.

«А наш Тенгинский полк, — говорил при этом дядька, — такого позора за сто пятьдесят лет не допустил. И теперь вы, кто в нем служить будет, помните, что в присяге сказано: “От знамя, где принадлежу, никогда не отлучаться; но за оным, пока жив, следовать буду”».

И заставил всех повторить эти слова по два раза. Повторил и Иван, запомнил.

Занятия, на которых изучали уставы и законы, чередовались со строевыми. Постепенно научился Иван быстро и правильно исполнять команды на плацу, умел уже обращаться с ружьем в строю, вскидывал его в два приема на плечо и на три счета ставил к ноге.

Как правило, после построения и завтрака проводились занятия, как бы мы теперь сказали, теоретические, а после обеда — строевые. Потом, по утрам, дошло дело и до изучения ружья, дядька показывал, как им владеть, как ставить кремень (кремень сначала использовали деревянный). Познакомились солдаты и с патронами, порохом, пулями, узнали, как с ними обращаться, как заряжать ружье и как целиться.

Прошли апрель и май, жаркий июнь наступил.

В то время, когда Иван попал в резервный батальон, на вооружении в армии еще были кремневые гладкоствольные ружья, весили они более одиннадцати фунтов, то есть около пяти килограммов. Ружье с граненым штыком достигало в длину солдатского роста, пуля калибра в семь линий весила почти тридцать граммов, прицельная дальность стрельбы — чуть более трехсот шагов, но средний стрелок едва мог попасть в мишень с расстояния ста пятидесяти шагов.

Эти кремневые ружья дольше всего и продержались в войсках Кавказского корпуса. Мой прадед стрелял из такого ружья даже тогда, когда ударные образцы сороковых годов уже поступили на вооружение других частей, в том числе тех, что принимали участие в Крымской кампании.

А пока в жарком июне 1850 года он обучался штыковому бою и ходил на стрельбище, что находилось в полутора-двух верстах, учился стрелять залпом и прицельно.

К тому времени стали приучать новоиспеченных солдат к беглому шагу, к переходам в десяток верст в полном снаряжении — водили сначала по полю, заросшему травой, а затем гоняли по кустарникам и пригоркам. При беглом шаге на ровной местности по команде «Запевай!» зачинали песню, подходящую под быстрый счет, например, такую:

Царские законы я не нарушу,
И священну клятву я не изменю.
За Царя, за веру, за святую Русь
Я умру без страха, честию клянусь.

На стрельбище, как правило, ходили ровным, спокойным шагом, чтобы не сказывалась потом усталость, не дрожали руки. Но бывало и наоборот, офицер нарочно приказывал идти послед-

ние полверсты беглым шагом и потом сразу же изготавиться к стрельбе в цель — попаданий тогда было вдвое меньше.

«Вот так именно и будет в бою, — говорил подпоручик фельдфебелю и унтер-офицерам, — на другое не рассчитывайте. Да вы и сами знаете». И унтер-офицеры снова и снова заставляли скоро управляться с порохом, пулей, огнивом, не теряться при осечке, а они бывали часто. Солдат учили: «Не попал с первого раза, попадай со второго, с третьего выстрела, заряжай быстрее, иначе вражья пуля окажется проворней».

Но чаще все-таки стреляли холостыми, не по мишени, а в чистом поле — берегли свинец не меньше, чем в других полках и дивизиях. На первых занятиях, когда рекруты привыкали к самому выстрелу, учились не отворачиваться от горящего пороха — это было объяснимо. Однако в целом такая подготовка солдата не могла считаться оправданной, потому что в итоге приводила к неприцельной стрельбе и, как следствие, к излишним потерям в бою.

Привычка стрелять холостыми заставляла Ивана, как и других молодых солдат, думать только о том, чтобы по команде «Пли!» спустить без опоздания курок, иначе получишь пинка или затрецину. Целиться всерьез при этом никто и не пытался.

Идут строевые занятия, стоит Иван в шеренге, каблуки вместе, по команде «Ровняйсь!» старается видеть грудь четвертого от себя человека, а пятого не видеть. От шеренги до шеренги три шага, при ходьбе строем всей ротой пыль поднимается столбом, лезет в рот, в глаза, но привыкли солдаты, строя не ломают, шага не сбивают.

Беглому шагу учили постоянно: прыгали через канавы, через плетни переваливались, взбегали на пригорки с ружьем наизготовку. На бегу шеренга ломается, часть солдат отстает, а тут команда «Коли!». Делает Иван шаг вперед, досылает выпадом штык перед собой в пустоту, а сам думает: сзади бы кто не споткнулся, не достал бы штыком — бывало и такое.

Кажется, и дышать-то уже нечем, пот заливает глаза, рубаха давно — хоть отжимай. Наконец команда: «Стой!» Можно утереть лицо, отдышаться.

Учить штыковому бою начали еще со второй половины мая. Сначала рассказали, в каких случаях, для чего идет в дело штык: «Не отступил враг после наших залпов — на него в штыки, в ход идет и приклад». Затем опытные унтер-офицеры занимались с каждым отдельно, разучивали стойку, выпад.

Заставляли молодых солдат наносить удары метко, в нужное место. Не раз и не два ходил Иван на чучело, что было насажено на шест. Покажет унтер своим штыком место на чучеле — попадай куда велено. Целится Иван в «брюхо», наносит удар резко и тут же, как положено, выдергивает штык, чтобы «раненый» противник не успел достать шашкой или штыком.

Еще учили биться, а не отбиваться, уходить, уклоняться от выпадов врага, заканчивать схватку одним метким ударом, тело сбрасывать со штыка резко и снова быть готовым отразить нападение.

Особо обращали внимание на то, как оборониться штыком от всадника, уйти от удара его шашки — в бою бывает что и башку могут снести.

Снова и снова на строевых занятиях повторяли ружейные команды «на плечо», «к ноге», унтер-офицеры показывали, как приветствовать «по-ефрейторски»: приклад у ноги, правая рука резко отводит ружье в сторону.

Ружье Ивану стало привычным, родным, с закрытыми глазами мог он теперь отличить свое от других, казалось бы, таких же. В общем, постигал рекрут военную науку. Однако и грамоте по возможности не забывал учиться, пытался складывать слова, но читать пока не получалось. Впрочем, читать в казарме, в общем-то, и нечего было, лишь у нескольких солдат в батальоне имелись книжки, сильно потрепанные, в бумажных обложках.

В часы отдыха читали их грамотные солдаты, другие, кому интересно, усаживались вокруг, слушали, смотрели картинки. В книжках этих — сказки про королевичей и небылицы всякие. Чудеса, а все понятно.

Слушал Иван, вспоминал детство, родной дом, бабушку, ее сказки...

Иногда все же заедала тоска, тогда уходил он куда-нибудь подальше, садился на высохшую под жарким солнцем траву, однако воли себе не давал, держался: знал, что случалось не выдерживал солдат тоски по дому и того, что называли дядьки «оболванить лоботряса» — когда неумелого или нерадивого могли не то обругать — кулаком поправить (да это еще отеческим наказанием было!). В такие моменты словно не слышал рекрут приказов командира и не исполнял их, а то и вовсе бежать пытался. Непослушание или побег карались гораздо более сурово — розгами. Розги хотя и были делом обычным, наказанием считались позорным.

Слышал Иван и о шпицрутенах, когда под хлесткими ударами гибких, тонких прутьев прогоняли провинившегося сквозь строй, а число тех ударов бывало до тысячи и более. После особо жестокого наказания за преступление закона — при нескольких тысячах ударов — выживали редко. Зачастую гроб бедняге готовили заранее, и стоял он здесь же, у всего строя на виду.

К августу месяцу если и не стала молодежь (а тогда это считалось обидным прозвищем) настоящими солдатами, но многому уже научилась. Батальон начали готовить к смотру, ожидался он в конце летних учений.

Еще семь потов сошло с Ивана. Наконец отправили батальон из Славянска, и вот не доходя до Бахмута, чуть южнее, расположилось воинство поротно в палатках, которые само же поставило верстах

в трех от ближайшего села. Задымили костры (дрова заготовили заранее и так же, как палатки, привезли с собой).

На позиции артиллеристы установили несколько пушек, помогали им солдаты резервных батальонов Тенгинского и Навагинского полков. Из пушек на учениях палили холостыми — приучали новичков к пушечному бою. Несколько раз под командованием офицеров ходили в атаки, палили из ружей (опять же холостыми), а потом бросались в штыки — место расположения противника обозначали кустарник да высокая трава. В колючем кустарнике, который велено было пройти сквозь, ободрались и исцарапались изрядно, до крови и без вражеских штыков.

За учебным боем, как заранее всем сказали, наблюдали командир резервной бригады полковник Румянцев и офицеры Штаба.

Обедом в лагере кормили сытнее, чем в казармах батальона. Может, так и задумали командиры — при каждодневных усиленных занятиях поддержать силы резервистов, а может, на глазах начальства воровать было не с руки.

В последние дни августа батальоны резерва в полной боевой выкладке, с офицерами во главе, прошли маршем перед высоким начальством, исполнили по команде равнение, отвечали, как положено, на приветствия. Здесь не дай Бог споткнуться, сбиться с шага, виноват один — накажут всех. В одной роте так и случилось, построили потом рекрутов в ряд, и по команде справа налево одарили солдатика друга друга зуботычинами, а унтер-офицер следил, чтоб били исправно, без лени, со всего плеча... Таким, слава Богу, «отеческим» наказанием окончилось для той роты обучение в резерве.

В конце августа пришел приказ: солдат из батальонов резерва отправить маршевыми ротами в полки Кавказского корпуса.

КАВКАЗСКАЯ ЛИНИЯ

Никогда не презирайте... неприятеля.
Преследуйте денно и ночью, пока истреблен не будет... Недорубленный лес снова вырастает.

А. Суворов

Первое... искусство есть в том, чтоб у сопротивных отнимать субсистенцию. Нет... денег, из чего возмутители будут вербовать чужестранных? И гультяев нечем будет кормить.

А. Суворов

Ни Иван, ни его товарищи молодые солдаты, которых в конце августа — сентябре 1850 года отправили в полки и батальоны 19-й пехотной дивизии, конечно, не знали — да и не могли знать, — что происходило верст на пятьсот южнее границ Харьковской и Екатеринославской губерний. Там, в бассейне реки Кубань и ее притоков, юго-восточнее Терека, в предгорьях Кавказского хребта уже больше трех десятилетий русские войска вели боевые действия против горцев.

Обратимся к истории и посмотрим, в общих чертах, как складывалась к началу пятидесятих годов XIX века обстановка на Кавказской линии.

К сожалению, многие заветы Александра Суворова к началу активных действий на Кавказе были основательно забыты. А напрасно!

Известный наш военный историк А.А. Керсновский делил полстолетнюю, того времени, Кавказскую войну на три периода.

Первый период (с 1816 по 1830 год) он называл Ермоловским, второй (с тридцатых по конец сороковых годов) считал «кро-

вавой и грозной порой мюридизма». В этот период, пишет историк, «Огненная проповедь Кази-Муллы и Шамиля владеет сердцами и шашками Чечни и Дагестана». Третий период Керсновский обозначил с начала пятидесятих годов до «замирения» края в 1865 году.

Нас в основном будут интересовать события на Кавказской линии начиная с 1850 года (по Керсновскому, это третий период войны), то есть с того времени, когда мой прадед, Иван Арефьев, прошагал около пятисот верст (от Славянска считая) и недели через три прибыл к месту дислокации воюющих полков.

Заглянем, однако, в историю чуть дальше и рассмотрим события, и в особенности характер ведения боевых действий, на Кавказе.

В 1816 году расположенные здесь войска были сведены в отдельный Кавказский корпус. Император Александр I, анализируя ситуацию, требовал от военачальников проявления к горцам «дружелюбия и снисходительности». Увы, такой подход воспринимался горцами как проявление слабости Русской армии. В итоге к 1817 году обстановка на Кавказской линии резко обострилась. Керсновский пишет: «Правому флангу линии угрожали закубанские черкесы, центру — кабардинцы, а против левого фланга за рекой Сунжей... чеченцы, опасность угрожала прежде всего от чеченцев...»

А далее отмечается, что весной 1818 года Ермолов «...рядом коротких ударов... привел в повиновение... местность между Терekom и Сунжей, построил крепость Грозную... на зимние квартиры стали по Тереку...». Здесь жили так называемые плоскостные, а южнее — срединные чеченцы, которые занимались земледелием, выращивая пшеницу.

Теперь к руководству были приняты указания Александра I об освоении завоеванных территорий: «...не распространяясь иначе,

как став твердою ногою и обеспечив занятое пространство от покушений неприятеля».

Во исполнение намеченного плана покорения Кавказа Ермолов и его генералы руководствовались правилом: не спускать горцам ни одного набега. Русские старались не начинать решительных боевых действий, не оборудовав в полной мере соответствующих баз и плацдармов. Поэтому существенную часть плана, который пытался реализовать Ермолов, составляла рубка просек и постройка дорог — топоры и заступы генерал отводил не меньшее значение, чем ружью.

К сожалению, солдаты не всегда успевали вовремя сменить топоры на ружья — видимо, плохо были они подготовлены к ближнему бою. Бывали случаи, когда не во время боевых действий, а застигнутые врасплох во время работы солдаты теряли сотни человек убитыми и ранеными. Стремительным налетам горцев, использовавшим густые заросли для внезапных атак, далеко не всегда могли противостоять выставленные пикеты русских войск.

В такой обстановке формировался Кавказский корпус, в который к 1833 году вошли 19-я, 20-я, 21-я пехотные дивизии и некоторые другие части.

К концу тридцатых годов правый фланг Кавказской линии упирался в Черноморье и захватывал Закубанье. Тогда же южнее реки Кубань заложили новые укрепления — Ново-Троицкое и Михайловское.

В 1839 году в Дагестане в битве при Ахульго был разбит вождь кавказских народов Шамиль. В 1840 году на правом фланге Кавказской линии по реке Лабе начала формироваться Лабинская линия укреплений, кордоны протянулись от Владикавказа к Моздоку.

Именно в это время Шамиль сформировал армию с единым руководством и четкой структурой управления. В 1842—1843 годах отмечены набеги горских отрядов на Кизляр и в направлении

Ставрополя, ими было захвачено укрепление Михайловское, где русский гарнизон погиб весь. Среди героев того сражения — солдат Архип Осипов, в последний момент он взорвал пороховые склады.

Увеличение численности русских войск не привело к ожидаемым победам — военные действия в горах требовали использования не крупных соединений, а мобильных, хорошо подготовленных к горным условиям частей. Генерал Нейдгардт, командовавший войсками на Кавказе, доносил Императору: «... Чем больше войск, тем больше затруднений и медлительности...»

Между тем численность русских войск на Кавказе к 1844 году достигала уже 150 000 человек.

В 1845 году новый Главнокомандующий, генерал-адъютант Николая I граф Воронцов, ситуацию переломить не смог, хотя и был взят оплот Шамиля аул Дарго. Те же армейские подразделения чуть позднее, во время продвижения в горах, попали в засаду — горы так и не стали союзниками Русской армии. Потери оказались велики: погибли три генерала, более 140 офицеров и более 2800 солдат (историк дает цифру 2831 — штабы требовали и получали точные цифры потерь).

Ничего не оставалось, как вернуться к тактике Ермолова. Вспомним его слова, сказанные за четверть века до того разгрома: «Лучше от Терека до Сунжи оставлю пустынные степи, нежели в тылу укреплений наших потерплю разбой». «Разбой» эти совершали чеченцы, они защищали свои дома, своих детей, свою землю, свою свободу, наконец; им не было никакого дела до геополитических интересов России, да и других государств, которые стремились воспользоваться ситуацией на Кавказе.

А русские офицеры все эти десятилетия складывали свои головы, сражались не по зову сердца, но, безусловно, будучи верны присяге и долгу. Что уж говорить о простых солдатах?

В 1846 году были сформированы новые кавказские полки: Дагестанский, Самурский, Ставропольский и Кубанский. И снова солдаты не только воевали. Как и их предшественники, врубались они в непроходимые чащи с топорами в руках и ружьями наготове. Во вспыхнувших перестрелках сходились врукопашную — штык против шашки, тесак против кинжала.

Кавказ постепенно становился российским: строились дороги, закладывались новые казачьи станицы — оплот русских рубежей наряду с регулярными войсками. Однако расширение государственных границ обходилось дорого: именно в этот период в одной из операций было потеряно 2500 солдат и 150 офицеров. Более никогда ни в одном деле на Кавказе таких потерь не случилось.

В 1850 году с одобрения Петербурга командование Кавказского корпуса решило основные силы бросить на покорение Чечни — здесь, казалось, лежал ключ к окончательному завоеванию Кавказа.

Но вернемся к оставленной нами 19-й пехотной дивизии.

Штаб ее располагался в городе Георгиевске. В 1850 году роты и отряды, сформированные из солдат батальонов Тенгинского, Навагинского, Ставропольского и Кубанского полков, размещались в крепости Усть-Лабинской, укреплении Темирговском, что на левом берегу реки Лабы, а также в станицах Урупская, Прочно-Окопская, Петропавловская, Михайловская, Константиновская, Некрасовская и в некоторых других.

В эти места за рекой Кубанью на Лабинскую линию, которая составляла часть Кавказской, и двигались маршевые роты для пополнения 19-й пехотной дивизии. Подразделения ее постоянно находились «в делах с неприятелем», как тогда писали в своих отчетах командиры.

Маршрутные листы этих рот мне не известны, но, судя по всему, путь их пролегал от Славянска через Бахмут, куда прибыли мо-

лодые солдаты уже на следующий день, а затем через реку Лугань до Матвеева Кургана и далее через Ростов-на-Дону.

Перешли вброд (а может, по мосту) речку Кавалеровку и направились к Тихорецкой.

За первые две недели отшагали верст двести пятьдесят, дневок не было, в селах и станицах останавливались только на ночевки.

Думаю, в начале пути на ночевке в какой-нибудь украинской хате отведал Иван — может быть, впервые — настоящего украинского борща, чеснок да томаты для которого принесла хозяйка с огорода, а сало достала из погреба. Точно ли так было или как иначе — не столь уж важно... Доподлинно знаю другое: пройдут десятилетия, осядет Иван на Украине, в городе Харькове, заведет семью, родятся у него дети. И я не понаслышке буду знать — сам пробовал — тамошние замечательные борщи и вареники, что готовили сестры моего отца, внучки Ивана Арефьева.

(Не мог предположить Иван, что через семьдесят лет в одной из этих кубанских станиц напишет свое последнее письмо домой его старший внук, прапорщик Белой армии Константин Арефьев. Письмо это доберется до Харькова, уже занятого красными, в последние месяцы Гражданской войны, когда «цветные» полки — Корниловский, Марковский, Дроздовский, захлебываясь кровью, еще бросались в отчаянные контратаки на Юге России.)

После Тихорецкой оставили за спиной еще верст сто пятьдесят, переправились через реку Кубань, а дальше на юг двинулись вдоль ее притока Лабы. Шли степями, потом гористой местностью, покрытой лесами. В степях северного Прикубанья, несмотря на сентябрь, было жарко, и, слава Богу, на ночевках удавалось искупаться, постирать пропотевшую рубаху.

Дальше на юг идти становилось все труднее, во влажном и жарком мареве лишь на привалах спасала тень от высоких деревьев. Когда двигались вдоль Лабы и переходили мелкие ее прито-

ки, рекруты бросались в речку на каждом привале. Иван, как и многие волжане, плавать умел. Унтер-офицеры просили таких, как он, присмотреть за неумехами. В воду их далеко не пускали: забрел до пупка, здесь и мойся.

Но вот чаще пошли дожди. Местные говорили, будто иногда тут так польет, что сена не накопишь, да и хлеб убрать — лови только день, а то и час.

Слышал Иван, а потом и сам убедился, что в этих краях болеют лихорадкой и косит эта болезнь людей больше в конце лета и осенью. Офицеры предупреждали: особенно липнет лихорадка к переселенцам из России, к молодым солдатам, поэтому для ночевок места выбирались повыше да посуше. Посылаемые вперед квартирьеры имели строгие указания: смотреть, дабы в станице не оказалось больных.

Когда располагались на ночевку, выставляли караулы: два-три молодых солдата шли в караул с ефрейтором, к ночи они менялись, чтобы до завтрака поспать и быть готовыми в дорогу.

Ближе к Кавказу, к местам боевых действий, и сами казаки несли службу исправно: шашка да ружье находились всегда под рукой, лошадей при нужде седлали без промедления.

В одной из станиц слышал Иван песню, что пел молодой казак:

Посвети-ка ты, заря, пока взойдет Батюшка Светел Месяц,
Чтоб видно было мне, молодцу, идти мне из неволюшки,
С южной дальней сторонушки —
С Большой Чечни, с большой Атаги.
Атагинцы собирались с алдадинцами,
Ханкалинцы собирались с алдадинцами...
Свою острую шашечку наголо понесу,
И разобьем мы силу неверную, ту силу чеченскую...

К исходу сентября 1850 года командиры полков Тенгинского, Навагинского, Ставропольского и Кубанского рапортовали начальнику 19-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Шилингу: «Из Резервной дивизии... поступило в сей полк... рекрутов... чело- век... зачислены рядовыми...» А прибывало в полки и в 1849, и в 1850, и в 1851 году по несколько сотен молодых солдат, иногда в отдельные полки до восьмисот и более. Знать, велики были по- тери. Тенгинский полк в предыдущем, 1849 году пополнился 832 рекрутами.

Пришли солдаты в крепость Усть-Лабинскую, где располагались тогда штабы Тенгинского и Навагинского полков. Здесь офи- церы сверили списки, распределили нижние чины по батальонам и ротам.

Всех осмотрел лекарь, затем отправили вновь прибывших мыться и стираться на реку Лабу; потом обедали и отдыхали до ут- ра.

На месте увидел Иван земляные укрепления, на них — пуш- ки и солдат гарнизона, что время от времени делали вылазки. Сол- даты, казаки, офицеры — все при оружии. Крепость Усть-Лабин- ская была тогда одним из форпостов России на правом фланге Кавказской линии, Лабинском ее участке, южнее Кубанской ли- нии, вдоль реки Лабы. Батальоны и роты интересующих нас пол- ков стояли, кроме того, на Урупской линии и в междуречье Лабы и Урупа, в станицах и укреплениях.

Крепость Усть-Лабинская (Усть-Лабинск) располагалась в месте впадения Лабы в Кубань, станица Тенгинская — на реке Лабе юго-восточнее, выше по течению в верстах пятидесяти; ук- репление Темирговское находилось на правом берегу Лабы, от станицы Тенгинской выше по течению верст на тридцать, а ста- ница Михайловская еще выше, в верстах пятидесяти. Станица Константиновская была ближе к верховью, в верстах сорока от Михайловской, Прочно-Окопская — по правому же берегу Лабы,

а станица Урупская — на реке Уруп, в верстах ста юго-западнее Ставрополя. Все эти станицы и укрепления позднее составляли Лабинский полковой округ, образуя на карте неправильный четырехугольник.

В одну из этих станиц, или укреплений, попал Иван Арефьев. (Были еще роты, что располагались в самом Усть-Лабинске для прикрытия штабов.) Здесь показал ему дядька-отделенный место в казарме, осмотрел мундирную одежду, потом спросил, откуда родом, хотя знал это из формулярного списка.

Сам говорил четко и отвечать приказывал громче да разборчивей, чтобы слышали солдаты той роты, куда определили моего прадеда.

И сразу нашлись земляки среди тех, кто служил в полку уже несколько лет. Кстати, в одном из дел 19-й дивизии обнаружено мною сиротливо лежащий единственный сохранившийся листок, где в списке нижних чинов почти половина — родом из Бузулукского, Алатырского, Саранского, Ставропольского уездов Симбирской губернии.

А вообще, многие, возрастом за тридцать лет и более, служили уже лет по десять, почти треть из них имели семьи, детей, и, как видно из документов, были переведены они ранее из других частей.

В роте Ивана служили солдаты, которые имели на рукавах нашивки в один и два ряда «за беспорочную службу»; у одного из них увидел он на мундире орден Святой Анны на красной ленте, сам орден позолоченный, и на нем крест красный. Этот знак отличия давался за долгосрочную службу. В полку награжденных орденом Святой Анны насчитывалось более сотни.

Второй раз пришлось Ивану привыкать к новой казарме, новым товарищам и командирам. Из своих, знакомых еще по рекрутской партии, в роту попало не более пяти человек.

Те, кто служил здесь не первый год, тоже приглядывались к молодым: с ними не только вместе жить и хлеб делить, но и вое-

вать бок о бок; не распознаешь, надежен ли твой новый товарищ, потом в деле может быть поздно, за такие ошибки и кровью платить приходилось.

А враг в любой момент может появиться за валом укреплений, на пути движения отрядов, во время рубки просек, а то и вовсе нагрянет неожиданно, обстреляет из засады или без лишнего шороха понудит сойтись врукопашную. Здесь нет линии фронта, потому нет и тыла, караулы и пикеты далеко не всегда спасают от внезапных атак горцев.

Идут в Штаб дивизии, в Штаб Войск Кавказской линии и Черномории рапорты командиров полков с представлением «Исторических сведений войсками, находившимися в походах и действиях с неприятелем», а также «Списки убитых и раненых в тех делах воинских чинов».

Через несколько дней после прибытия услышал Иван, как попала в засаду рота, что двигалась по весне из Моздока в одну из станиц. Давно ушел из полка в Штаб дивизии рапорт о понесенных потерях, где против фамилий солдат была сделана уже ставшая привычной запись: «Убитый горскими хищниками по пути из г. Моздока в станицу Магомет-Юртовскую», а солдаты помнили еще имена убитых и раненых.

Содержание таких рапортов и форма представления упомянутых «Исторических сведений...», как и многих других документов строгой отчетности, определялись соответствующими статьями Свода Военных Постановлений. В делах дивизий и полков всякий раз присутствует на это ссылка с указанием номера такой статьи.

Иван и его товарищи, нижние чины, этого, конечно, не знали. А для нас те сведения, действительно, являются историческими: на листах, что сохранились до наших дней, читаем мы фамилии солдат и офицеров, убитых и раненных, находим маршруты следования отрядов и армейских подразделений, которые выступали «для наказания непокорных горцев», названия станиц и укрепле-

ний, обозначения мест, где велись работы по строительству мостов, дорог и постоянно вспыхивали бои, лилась русская, чеченская, украинская, черкесская кровь...

Как уже упоминалось, служили в полку солдаты и гораздо старше Ивана, многие имели жен и детей, например, в одном из формулярных списков отмечено: «...У него жена Авдотья Васильевна, дочь Анна трех лет на родине...». Далеко осталась она, эта родина, и, когда приходила туда недобрая весть, что убит муж, отец, сын, наверняка не знали близкие, где, за что и с кем воевал солдат.

И если живут где-то правнуки той Ани, дай Бог им здоровья!

Тенгинский, Навагинский, другие полки 19-й, 20-й, 21-й пехотных дивизий навсегда вписаны в историю той Кавказской войны, в историю России. Широко известны имена многих генералов, но ведь были «в делах с неприятелем» еще и поручики, и майоры... А в большинстве своем — нижние чины, простые солдаты...

Вряд ли знал мой прадед, что в те времена, в 1840 году, служил в Тенгинском полку поручик Михаил Лермонтов, зато имя Архипа Осипова известно было всем солдатам упомянутых здесь полков и Ивану Арефьеву в том числе.

За подвиг при обороне Михайловского укрепления солдата Осипова навечно зачислили в списки Тенгинского полка. Это первый случай в истории Русской армии; в приказе Военного министра значилось: «...Для увековечения же памяти о достохвальном подвиге рядового Архипа Осипова, который семейства не имел, Его Императорское Величество Высочайше повелеть изволил сохранить навсегда имя его в списках 1-й гренадерской роты Тенгинского полка, считая его первым рядовым, и на всех переключках, при спросе этого имени, первому за ним рядовому отвечать: “Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении”».

Как ни тяжела казалась учеба в резервном батальоне, а что такое настоящая служба увидел Иван только здесь, в укрепленной

станции. Тут все должно было быть подогнано к месту и не в тягость — и одежда, и оружие, следить за этим приходилось самому неотступно, да не всегда это получалось.

Начал понимать Иван главное неудобство обмундировки; то, что слишком тесна она, замечалось на каждом шагу, особо при учебном бое, а как-то будет в бою настоящем? К тому же не предусмотрели на мундире карманы, короткие сапоги не защищали брюк от здешнего колючего кустарника, а когда шли дожди, то и от грязи.

Выручала, как всегда, шинель, за обшлага засовывали (да и опять же за голенища сапог) платок и кисет с табаком. Немногие монеты или еще какую дорогую вещьцу хранили за галстуком, в тряпице.

Немаловажным и для солдата, и для его командира был харч, потому как не должны во время боя или в каком другом серьезном деле смущать солдата мысли о котелке горячей каши. Нельзя сказать, что кормили солдат вдоволь, но с 1849 года, то есть с тех пор как попал Иван в рекруты, «повелено было отпускать ...всем строевым нижним чинам по семь фунтов мяса и 169 золотников соли в месяц...». На мясные порции по расчету выходило денежного довольствия около полутора копеек в день. И если по такому случаю в богатых губерниях приспособить чужую курицу грехом для солдата не считалось, то здесь, в станицах, об этом и думать не могли.

В 1850 году и далее, в 1851 и 1852 годах, «замирение» Кавказа, по свидетельству историков, пошло быстро, началом этому стало поражение, нанесенное Шамилю в Дагестане именно в 50-м году.

Посмотрим, как реально сказалось «замирение» на условиях несения службы в ротах и батальонах, в какой мере почувствовал его простой солдат.

По приказу офицеров фельдфебели и отделенные унтер-офицеры без усталости заставляли солдат заучивать те положения уставов, что всего важнее в бою. Им вновь и вновь разъясняли, что нужны: тишина во фрунте, тогда разобрать можно без ошибки все команды, понять их и скоро исполнить; храбрость, но и рассудительность, дабы причинить неприятелю наибольший вред и утратить его своими действиями. Внушали, что солдат должен быть терпелив, неприхотлив в пище — ее не всегда вовремя могут доставить к месту боя, не должен роптать и стойко сносить жару и холод. Тогда при нужде пройдет он в день и тридцать, и сорок верст, взойдет на снеговые горы.

Серьезное внимание уделялось караульной службе, в боевых условиях от правильного ее несения зависела жизнь самого солдата и жизни его товарищей, особенно здесь, на Кавказской линии, где отдельные укрепления располагались в окружении неприятеля и отсутствовал сплошной фронт.

Наставляли командиры, чтобы на ночевках в пути или при рубке леса, когда можно ожидать внезапных нападений, ружей сами не разбирали, «...не суетились бы и не шалели, а слушали бы и ждали команды начальника...».

Опытные солдаты знали: нападения врасплох, особенно ночные, что бывало нередко, могут подействовать на необстрелянного молодягу очень сильно — человек становится бестолковым, забывает все, чему учили. Поэтому о переделках, в которых приходилось бывать, рассказывали с умыслом, тут же и показывали, как стрелять, положив ружье в развилку дерева, на камень или укрывшись за кочку, в кустах...

Учили Ивана забираться на деревья, впрочем, это он умел с детства, правда, при полной амуниции с раскачки перебираться по веткам с одного дерева на другое получалось не сразу. На учениях перемахивали через изгороди, преодолевали прочие препятствия, чтобы с ходу изготавиться к стрельбе. Готовили новобран-

цев без промедления подниматься на крутые, отвесные склоны — для этого случая подходили укрепления станицы: солдаты взбирались на плечи товарищей, а потом на ремнях подтягивали оставшихся.

Но среди старослужащих встречались и такие, кто пытался помыкать молодыми, заставлял себе прислуживать, даже издевался и оскорблял, обзывал неучами, рохлями, бабами. Под тем или иным предлогом отслуживший несколько лет солдат мог предложить «молокососу» поменяться одеждой, другими вещами. В семье не без урода, говорили про них боевые унтер-офицеры. И еще считалось, что так могут вести себя только лентяи, нерадивые солдаты, пьяницы...

Знали, что эта публика под разными предложениями старалась выманить у молодого солдата деньги, если они у него были, вроде бы в долг... Или требовала угощения. Если новичок не очень поддавался на уговоры, то переходили к угрозам или, наоборот, предлагали покровительство и защиту.

Иван, как и многие другие, прошел эту «школу»; приходилось отвечать, что не телепень он, а Ванька, и что свою новую шинель не будет менять на хоть и «заговоренную от пуль», но дырявую, которую настойчиво предлагал ему мошенник.

Такие «шалости» и пороки бытовали в солдатской среде много лет назад. Не просто оказалось Ивану и большинству молодых солдат, или, как их называли, «молодяг», не сломаться, не показать слабинку, тогда уж точно солонка окажется служба...

И если те, кого дразнили мякинниками да овсяниками, давали отпор, может, в зачет подбитого глаза или раскровяненной губы, то их оставляли в покое. Забитые да безответные, слабаки для «забав» всегда находились в роте, казарме.

Постепенно в большинстве своем обвыклись новички и здесь; в казарме и на плацу, в работе и солдатской учебе прибавлялось выучки, выносливости и сноровки.

Переговорено было уже Иваном о многом со старыми солдатами-земляками, служившими на Кавказе с начала, с середины сороковых годов. Встретил тут Иван симбирцев из того же уезда, что и сам, попались и совсем уж соседи. Спрашивали его о домашнем житье-бытье, не слыхал ли чего о родне да соседях, самому по-свойски рассказывали о разных солдатских уловках, что помогают в службе.

Всем военным премудростям обучались на Кавказской линии солдаты считай что заново, но больше не уставам, а хитростям и приемам настоящего боя. Владению штыком учил унтер-офицер лет сорока, со Знаком Военного ордена — Крестом на мундире. Он не с чучелом приказывал биться, а с ним самим. Иван, как и другие, поначалу никак не решался направить отточенный штык в живого человека, пока не получил хорошую затрещину. После такой подначки изловчился и, как умел, резким выпадом послал штык унтеру в брюхо, а попал... в пустоту: наставник его чуть раньше сделал шаг в сторону и сразу же обозначил удар прикладом в Иванову голову, за ухом. Приказал повторить удар штыком и снова ушел от него.

Несколько раз сходилась старый боец с молодыми солдатами из Ивановой роты, неумелым указывал на их ошибки. Вдругорядь, отбросив ружье, унтер-офицер выдернул из ножен тесак и заставил идти на него со штыком; еще, защищаясь, учил, как на крайний случай ударом ноги выбить ружье из рук противника.

Особо разучивали приемы со штыком и прикладом против шашки; неловких доставал унтер ударом плашмя по плечу или ребрам, однако никого не увечил. Заставлял биться только всерьез, без лени и страха, учил не терять дыхания, угадывать движения противника.

Даже офицеры с интересом наблюдали такие поединки, и видно было, что к лихому бойцу относились они с уважением. А тот, повторяя суворовские наставления, приговаривал: «Коли один

раз! Бросай басурмана со штыка! Шашка на шею, отскокни шаг, ударь опять!»

Но больше приходилось Ивану махать топором, для крестьянских парней дело это хоть и привычное, а все равно нелегкое. Когда врубались они в густые заросли орешника, валили деревья, от пота намокали не только рубахи, но исподние штаны.

Тяжела была здесь служба и у солдат, и у офицеров. Имеются документы, из которых следует, что не только командование войсками Кавказского корпуса, но и Военный министр и даже император вполне представляли себе бытовые трудности и проблемы военнотружущих этих частей. Так, например, в «Рапорте Командующему войсками на Кавказской линии и Черномории исправляющего должность Помощника Начальника Главного Штаба войск на Кавказе находящихся» говорилось: «Господин Военный Министр уведомил Господина Главнокомандующего... что Государь Император во Всемиловнейшем внимании к трудам храбрых войск Кавказского корпуса Высочайше соизволил, согласно ходатайства Его Сиятельства Князя Михаила Семеновича, согласиться:

1. На производство рационов... на Кавказской линии... по 15 копеек серебром.

2. На довольствие таковыми рационами... г.г. Штаб и Обер-офицеров войск... резерва в укреплении Урус-Мартан, Воздвиженском и Ачхоевском и в укреплениях на реке Белой, в том внимании, что войска эти занимают передовые пункты, где чрезвычайная дороговизна на все предметы довольствия, и что они находятся во всегдашней готовности к наступательным движениям...

<...>

4. На довольствие по 2-й категории, а равно рационами и жалованьем по Грузинскому положению ...отрядов, занимающих ук-

репления на Лабинской линии и кои будут участвовать в перестройках сих укреплений... на передовых: Кисловодской, Чеченской и Кумыкской линиях и на сообщении оных с Тереком и Сунжею в том внимании, что войскам этим предстоят особые труды и участие в военных действиях...»

А такие действия велись практически постоянно, причем и большими соединениями, и отрядами в несколько десятков человек.

В первое дело Иван Арефьев попал уже 25—26 сентября 1850 года, когда по приказу командира дивизии был сформирован отряд «для наказания непокорных горцев». Выступили тогда из станицы Некрасовской, что всего лишь в верстах пятнадцати от Усть-Лабинской. Шли по левому берегу Лабы, затем повернули к югу, в междуречье Лабы и Белой. Тут-то и завязалась перестрелка, в результате которой кое-кто из новичков мог уже и не вернуться в казармы.

Стреляли по команде, Иван старался поспешать перезаряжать ружье, целился, но... противника в густых зарослях орешника не видел. Испугаться он и вовсе не успел, даже когда в ответ из кустов полетели пули.

После перестрелки горцы то ли отошли, то ли рассеялись, и дальнейшее их преследование командир отряда, по-видимому, признал бессмысленным. Своих раненых и убитых, слава Богу, не оказалось. Когда все закончилось, человек десять во главе с унтер-офицером послали осмотреть место засады.

Только теперь почувствовал Иван, как пот заливает глаза и как сильно тянет двадцатифунтовый ранец...

Потом была команда «Оправиться»; солдаты сняли ранцы, присели на траву, рядом положили ружья. Захотелось пить.

Вернулись посланные на разведку, унтер доложил командиру, что следов крови на земле и листьях не видали, значит, и та сторо-

на обошлась без потерь. Дальше берега одного из притоков Лабы не пошли, да и здесь не очень высовывались.

На ночь расставили караулы, расстелили шинели, ранцы приспособили под голову, однако спали беспокойно: ждали нападения. Но все обошлось, утром отряд повернул обратно.

Надвигалась осень, застучали дожди, чаще стали задувать холодные ветры, но работа не прерывалась: все так же расчищали просеки, рубили лес. Уже не так, как в первые недели, болели плечи, спина. А потом Иван и вовсе приспособился, притерпелся.

Стоял он и в дозорах, что выдвигались по сторонам от основной команды рубщиков. Старательно вглядывался в чащу, прислушивался к каждому шороху в кустах, ружье держал наготове, знал не понаслышке: проспичь, проворонишь нападение — самого зарежут и товарищи погибнут.

В ноябре прибыли еще две маршевые роты рекрутов, теперь уже Иван, когда поглядывал на молодых и необстрелянных солдат, хмурил брови и норовил их поучать. Правда, глупость эта быстро прошла.

К концу 1850 года для разбросанных по станицам и укреплениям Кавказской линии солдат стал исполняться приказ по Корпусу, где говорилось: «Государь Император в 9-й день июня 1848 г. Высочайше утвердить изволил окончательно для войск... новое обмундирование и снаряжение, а именно:

- 1) вместо овчинной шапки — папахи,
- 2) вместо мундиров — полукафтаны,
- 3) вместо зимних и летних панталон — зимние и летние шаровары,
- 4) сапоги с длинными голенищами из черной юхтовой кожи вместо третьей пары для войск, назначаемых в экспедиции,
- 5) вместо сумы патронной с перевязью — патронтаж черной юхтовой кожи, с местами на 60 патронов и к оному перевязь из белой юхтовой кожи, вычерненной по Егерскому образцу,

6) вместо портупей поясной — ремень с лопастью по особому образцу из белой юхтовой кожи, вычерненный воском по Егерскому образцу, с железной вороненой бляхой для застегивания,

7) вместо ранца телячьего — ранец из черной юхтовой кожи,

8) ремни к ранцу из белой юхтовой кожи по образцу ныне употребляемому и во всех войсках вычерненные воском по Егерскому образцу,

9) котелок железный с крышкою, полагаемый на трех человек, иметь оные на людях второй шеренги, на прочих же оставить ныне употребляемые манерки,

10) вместо тесака — саперный нож».

Особенно пришлись солдатам по душе сапоги с длинными голенищами, теперь защищали они штаны и ноги от колючек. А еще более — свободный, в отличие от тесного мундира, и потому удобный в носке и в бою полукафтан темно-зеленого цвета, с красной выпушкой по борту, на обшлагах и карманных клапанах.

Нож, тоже полагавшийся солдату, выдавался теперь с двухлезвийным клинком, клинок достигал сорока девяти сантиметров, медный эфес представлял собой рукоять с головкой и крестовиной, деревянные ножны с наконечником из латуни покрывала кожа, а весил нож чуть менее полутора килограмм и должен был быть удобнее в бою.

Несмотря на предзимье, а затем на зимние холода, солдаты не очень любили поддевать под шинель теплые набрюшники, они сковывали движения в плечах и поясе, мешали в дороге и в бою.

Иван, как и другие, тоже предпочитал мерзнуть: без набрюшника и штыком удобнее работать, да и целиться сподручнее — ружье у плеча как влитое.

Офицеры все это знали, но такую солдатскую вольность оставляли без внимания, баловством, по указанным причинам, не считали. Но когда нижние чины чаще стали простужаться, а некоторые и подолгу болеть, появился приказ начальника 19-й диви-

зии Шилинга за № 69. Привожу часть подлинного текста этого приказа, который характеризует, на мой взгляд, отнюдь не формальное отношение самого высокого воинского начальства к «сбережению здоровья» солдат:

«Несмотря на многократные подтверждения приказами его Сиятельства Господина Главногокомандующего Корпусом и других Начальников, г.г. Полковые Командиры... не только не смотрят лично сами, чтобы нижние чины непременно и постоянно имели на себе набрюшники, но и не обязывают строго наблюдать за весьма важным этим предметом г.г. батальонных и ротных командиров... при... осенем Инспекторском моем смотре полков вверенной мне дивизии ...я заметил, что многое число нижних чинов не носит набрюшников, что также было замечено и Дивизионным Доктором.

...Даю знать г.г. Полковым Командирам и частейным начальникам в последний раз, что если на будущее время я замечу нижних чинов не носящих на себе набрюшников, сохраняющих их здоровье, то я сделаю примерное взыскание как с того нижнего чина, на котором не будет набрюшника, так и с ротного его командира, фельдфебеля и капрального унтер-офицера, не досмотревшего этого...»

Приказ зачитали во всех ротах. Это действовало, солдаты стали надевать набрюшники, особо в ночные караулы. Фельдфебель пригрозил унтер-офицерам (не исключил и дядек), а те всем нижним чинам, что попадут они под розги, если приказа исполнять не будут. Результат не замедлил сказаться: простужаться и болеть стали меньше...

В те времена в верховьях Лабы и других рек, где приходилось Ивану участвовать в походах и экспедициях, рубить лес и отражать налеты горцев, стояли дремучие леса, в основном хвойные. Но довольно часто солдаты встречали здесь и кусты смородины, мали-

ны, крыжовника. Правда, глубокой осенью, когда новички уже постоянно участвовали в делах, ягод на кустах, конечно, не было.

Многочисленные солдатские отряды порядком распугали в лесах зубров и медведей, водившихся в тех местах в больших количествах. Однако иногда все же удавалось подстрелить и зубра, и дикую свинью. Эта живность, а также горные тетерева и индейки сразу попадала в солдатские котлы.

Гадюк солдаты не опасались, хотя встречали их тут предостаточно: надежно защищали новые высокие сапоги. Зато на привалах ухо нужно было держать остро, да и в станицах случалось от укусов змеи погибали овцы и собаки.

Строительство мостов, укреплений, рубка просек по документам назывались «государственными работами». Такие работы велись, например, у Темерговского укрепления, что вверх по Лабе в верстах семидесяти пяти от Усть-Лабинска. Строил Иван мост у станицы Тенгинской, позже часть его батальона перебросили на строительство моста через реку Кубань — там уже работали саперы.

Со временем Штаб Тенгинского полка, а с ним и рота охранения, переместился в город Владикавказ, туда же проследовал и Штаб Навагинского полка.

После одного из нападений горцев роты Навагинского полка атаковали и разрушили аул Самашки. Неподалеку навагинцы основали станицу, куда постепенно переселились кубанские казаки с семьями, всего за несколько месяцев перевезли туда до двухсот семей.

В целом, несмотря на стычки с горцами, имеющиеся потери ранеными и убитыми, следующий, 1851 год для полков 19-й пехотной дивизии считался относительно спокойным. Во всяком случае, в рапорте командира Тенгинского полка начальнику дивизии отмечалось:

«...Вашему Превосходительству представить честь имею копию с Исторического сведения об участии в походах и действиях частей Тенгинского пехотного полка в 1851 году, представленного мною в Инспекторский Департамент Военного Министерства при рапорте за №... причем докладываю Вашему Превосходительству, что особых подвигов офицерами и нижними чинами в течение прошлого года делаемо не было. *31 мая 1852 г. Крепость Владикавказ*».

А между тем строго документально отмечено участие полка в боевых действиях 3—4 января 1851 года в Большой Чечне. 5—7 января в районе «Шалинского окопа» роты тенгинцев перешли реку Аргун и вступили в схватку с отрядами горцев, а позднее в результате почти двухмесячных боев документы полка зафиксировали «поражение скопищ Шамиля с 9 по 25 февраля». Раненые и убитые были с обеих сторон.

Шел уже сентябрь 1851 года. Бои велись тогда на самых разных участках Кавказской линии. В центре ее Кубанский егерский полк атаковал в одном из сражений «скопища Магомет-Амина». Только за три дня боевых действий ранения получили два офицера этого полка и пятьдесят один нижний чин, десять солдат погибли.

Горцы постоянно нападали на передовые пикеты русских войск не только на реке Белой, но даже и на реке Кубань. В ответ по приказу командования, чтобы лишить неприятеля продовольствия, уничтожались посевы пшеницы и других культур.

Отряды Навагинского полка в 1851 году отражали атаки неприятеля и сами переходили в наступление в районах Шали, Аргун, Ачхой, аулов Катер-Юрт, Самашки, Гехи. Получается все же, что тяжелые бои Навагинский полк вел в течение всего года. В сражениях и стычках погибали офицеры, унтер-офицеры, десятки рядовых. В течение года полк понес такие потери: один штаб-офицер был убит и один ранен, пять обер-офицеров ранены, два

майора контужены, среди рядовых шесть убиты, восемьдесят три ранены, тридцать девять контужены.

Уже не раз видел Иван Арефьев смерть врагов и своих товарищей, давно научился перевязывать раны, привык к виду крови и раздробленных костей, к хриплому дыханию умирающих. Ранения зачастую бывали тяжелые — «пулю в грудь навывает, с раздроблением костей бедра, колена, плеча, подбородка».

Пока не кончится бой, раненым редко удавалось помочь. И умирали они, кто от потери крови, кто от болевого шока... Документы бесстрастно зафиксировали некоторые моменты трагических событий: на поле боя рядом оказались еще живой прапорщик Дмитрий Жилиховский с пулей в груди и убитый рядовой Сергей Архипов, контуженые поручик Лев Степанов и рядовой Василий Струков... Другие продолжали драться.

Стрелял, конечно же, и Иван, защищая жизнь свою и своих товарищей. А когда в одном из тех боев понял, что дело идет к рукопашной, стало вдруг ружье тяжелым и непослушным, предательская дрожь в руках так и не дала выцелить врага...

Неожиданно в нескольких шагах вырос перед ним всадник с шашкою наголо, прокричал что-то по-своему и бросил коня на пригорок, где стоял Иван. Вспомнил тогда солдат, как учил их капитан, командир роты, повторяя слова Александра Суворова: «Одна смерть в дуле, другая на штыке».

И впрямь: пуля в стволе, не истрачена, порох на месте... Иван нажал на курок, опытный всадник вздыбил коня, и пуля свалила его, а не горца, который тут же оказался на ногах.

Уходя от шашки, нырком шагнул Иван в сторону, припал на правую ногу, стволом отбил шашку, а потом стремительно послал вперед штык... Когда рванул назад ружье, услышал отделенного: «Ловко ты его».

Иван опустил на колени, приподнял голову бородатого чеченца: было видно, что они почти ровесники. Повезло Ивану тогда, что не сробел он.

Отделенный наклонился, снял с мертвого кинжал, обернулся к Ивану: «Твоя добыча». Тот ответил: «Возьми себе».

Дядька согласился сразу — не у всякого офицера такой есть, и засунул кинжал за пояс. «Пошли, уходим». «Похоронить бы надо...», — заикнулся было Иван. «Своих бы забрать... Поспешай, а то и мы здесь останемся», — услышал он в ответ.

За десять лет военных действий на Кавказе не в одном таком бою побывал мой прадед и раз остался жив и даже не ранен, значит в сражениях оказался стоек, а оружием и штыком владел умело.

Подобные многочисленные схватки представлены в истории дивизии сухим языком военных сводок.

Большое число раненых, характер ранений, высокая смертность из-за нехватки перевязочных материалов вынудили Штаб Войск Кавказской линии и Черномории обратить на это внимание. Начальнику 19-й пехотной дивизии исправляющий должность начальника отделения этого Штаба в 1851 году направляет следующий документ:

«...Назначено: при каждом батальоне содержать перевязочных средств на пять человек; каждому пятому солдату иметь при себе по одному бинту в четыре аршина, по одному компрессу и по горсти чистой мягкой корпии, на каждых двести человек рядовых иметь по два фунта крахмалу и квадратному аршину папки, для составления повязок, нужных при переломе костей...»

Вместе с этим Штаб требовал докладывать, сколько точно перевязочных материалов истрачено в дивизии за предыдущий период, чтобы на эту цифру в дальнейшем и опереться.

(Неистребимы чиновничьи методы планировать расходы на перспективу, исходя не из вероятных потребностей, а «от достигнутого»!)

Раненых и убитых старались выносить всегда, благо жерди для носилок да топоры находились под рукой. В укреплении или станице в специально отведенном бараке укладывали раненых на солому, если бинтов не хватало — а зачастую так оно и было, — использовали постиранную, уже подсохшую материю.

При операциях анестезию заменяла водка, ее давали раненому выпить кружку или больше, потом заставляли держать в зубах деревянную чурку, руки и ноги страдальца держали дюжие солдаты... Так доставали пули, сшивали разорванные сухожилия, собирали раздробленные кости. Лекарств не хватало, а вот квасу делалось вдвоём, им и поили метавшихся в горячке раненых.

Неудивительно, что увечных солдат, да и офицеров, перенесших такую операцию, было множество. Неправильно сросшиеся кости рук и ног оставляли людей инвалидами на всю жизнь.

Погибших полагалось хоронить с почестями: строили отделение или взвод, залпы салюта провожали воинов в последний путь, перед этим отпевал их священник. Офицеров иногда увозили хоронить на родину.

Убыль нижних чинов возмещалась быстро. Был случай, когда за какую-то провинность пригнали из Воронежской губернии целую роту солдат. Говорили потом, что отказались они стрелять в крестьян, которые сожгли помещичью усадьбу, а стражников встретили вилами да косами.

Роту эту пригнали без оружия, построили перед батальоном Кубанского полка, сечь не стали, но командир батальона сказал, что испкупить вину они смогут своей кровью.

Солдатам раздали ружья, порох, пули и послали брать аул, что стоял на высотах у реки Пишишь, а повел их поручик того же Кубанского егерского...

Аул взяли. Погибли почти все, многие в рукопашной схватке. Но большинство солдат полегли еще на крутом склоне. Раненного поручика принесли на носилках в батальон. Горцы не отступили — мужчины остались в ауле навсегда, женщины и малые дети ушли из этого места.

Даже простые солдаты, или, как называли их, «нижние чины», понимали, что горная война не задалась, а обещания генералов, которые те давали царю снова и снова, не исполнялись.

Кровушка между тем текла рекою... Вот и сложилась тогда солдатская песня:

Князь Воронцов наш похвалялся,
Хотел штурмом горы взять!
Мы штурмом горы проходили,
Разнесли врагам поклон!
Из-за гор, ворот индейских,
Шамиль с войском выходил,
Востро шашки наострил;
Навостримши Шамиль шашки,
Воронцова в гости ждал...

Война продолжалась. К началу пятидесятих годов в Тенгинском полку нижних чинов, награжденных Знаком отличия Военного ордена, насчитывалось уже 140 человек, имеющих Знаки Святой Анны за двадцатилетнюю беспорочную службу — 21 человек, и еще 14 солдат полка к этой награде представили.

Среди навагинцев нижних чинов, отмеченных Знаком отличия Военного ордена, было более ста, а представленных к Знаку ордена Святой Анны — более ста двадцати, кроме того, награду эту уже имели 15 солдат. Еще больше нижних чинов получили шевроны за шесть и двенадцать лет беспорочной службы. Документы го-

ворят, что в этих кавказских полках воевали опытные, знающих службу, храбрые солдаты и офицеры.

Боевые действия все интенсивней перемещались непосредственно в Чечню. У крепости Грозной и в районе Гехи горцы использовали не только ружья, но и пушки. Кстати, последние были вполне приспособлены к местным условиям, имели относительно небольшой вес и не уступали русским пушкам по дальности стрельбы.

Теперь в Русской армии формировались специальные, как они назывались, «чеченские» отряды. Например, один из них состоял из 1-го и 3-го батальонов Навагинского полка и представлял собой серьезную боевую единицу. В нем числилось: штаб-офицеров 4, обер-офицеров 31, унтер-офицеров 129, музыкантов 40, рядовых 1459 и даже 59 человек нестроевых.

Штаб 1-й бригады 19-й дивизии, куда входили Тенгинский и Навагинский полки, находился уже во Владикавказе. Батальоны Тенгинского полка тоже изменили дислокацию и размещались: 1-й — в станице Михайловской, 2-й, 3-й и 5-й — в крепости Владикавказ, 4-й — в станице Ардонской.

Батальоны Навагинского полка располагались в станицах: 1-й — Алхан-Юртовская, 2-й — Троицкая, 3-й — Слепцовская, 4-й — Асиновская, 5-й батальон базировался в крепости Владикавказ.

Роты обоих полков рассредоточились в станицах: Аллагорская, Назрановская, Самашки, Александровская, Котляревская, Асиновская, а также в укреплениях Закан-Юрт, Ачхой, Бумут и некоторых других.

Теперь что касается командующего состава. Командиром 19-й пехотной дивизии в 1852 году стал генерал-лейтенант Козловский, начальниками бригад были назначены генерал-майоры; в случае их отсутствия или болезни, обязанности возлагались на

командиров полков, в частности, одно время Тенгинский полк находился под началом полковника Оночина.

Батальонами командовали подполковники и даже полковники. В состав батальонов входили мушкетерские, егерские, гренадерские роты.

Посмотрим, какие записи сделаны в «Исторических сведениях об участии в походах и действиях Тенгинского полка за 1851 г.», документе, подписанном самим командиром полка и ранее нами уже упоминавшемся.

4-й батальон и еще две роты направлялись в Большую Чечню «для ведения зимних боевых действий», при этом в районе Шали части полка встретили упорное сопротивление горцев, которые умело использовали артиллерию. В том бою тенгинцы потеряли убитыми и ранеными несколько офицеров и солдат.

В результате «на соединение Чеченского отряда» — а скорее, на помощь ему — из Грозной выступил 1-й батальон полка.

Дело было в феврале. Отряд перешел реку Аргун и, пройдя более тридцати пяти верст, разбил бивак юго-западнее Чечен-Аула. Когда стемнело, разожгли костры; часть солдат легли ногами к костру, под головы пристроили ранцы, другие разместились по кругу, человек по десять — пятнадцать: голова на колени соседу. Так, согревая один другого, провели ночь. Караулы во главе с офицерами стояли настороже, пока не рассвело.

Поутру батальон выступил и, пройдя несколько верст, с ходу ввязался в бой. Атаку повел полковник Камферт, музыканты во главе с барабанщиками шли в первой шеренге. Увы, чеченская пуля почти сразу настигла полковника, среди музыкантов несколько человек погибли, были среди них и раненые.

Затем и 4-й батальон направился в Грозную «для содержания гарнизона».

Весной, в апреле, создается «летучий отряд» из рот 1-го батальона, и под команду генерал-майора князя Эристова он направ-

ляется к укреплению Надеждинскому. А уже в мае упорные бои завязались с Магомет-Амином. Выше отмечалось, что сражение это закончилось «поражением скопищ».

Бои также шли у Гехи, на реке Валерик, тенгинцы расчищали «подступы в нагорную Чечню». Из доклада командира полка узнаём, что «в жаркой перестрел с неприятелем сильно ранен был командир третьего батальона подполковник Кушелев», рядовых же ранено всего семь.

В то же время, гораздо севернее, на реке Белой, продолжали возводиться укрепления, там тоже велись боевые действия. Войска несли потери на всех участках Кавказской линии...

Характер и число потерь среди рядовых и офицеров, в том числе и штаб-офицеров, говорит, что последние в боях вели себя достойно, в атаку шли с нижними чинами в одних шеренгах, во всяком серьезном деле шпаге предпочитали ружье и штык.

Снизить людские потери стремились, соблюдая в делах максимальную осторожность, нельзя было давать неприятелю лишнюю возможность к нападению. При движении отрядов непредвиденная остановка в пути грозила бедою, поэтому сломанные повозки не ремонтировали, а выставляли на обочину, движение продолжалось; вообще, останавливаться без приказа строго запрещалось.

Бивак старались разбить на открытом месте, без промедления готовили пищу, как правило, похлебку с овощами, с собою возили ржаные сухари.

Управляясь с таким варевом, поминали солдаты «суп из топора», приговаривали, что с топором-то, пожалуй, наваристей. Да где ж найти бабку, что досыпала бы в котел крупы побольше или еще чего съедобного!

Конечно, когда стояли в крепости, в той же Грозной, было спокойнее, не торопясь ружья и амуницию чистили, одежду чинили, ходили в баню. Оставалось время и посидеть, поговорить; вспоминали убитых товарищей, раненых тож, о всяком воспомина-

ли, всякое случалось... Как-то в одном из аулов попался им дезертир, сбежал он из дивизии еще в 1848 году и все это время жил у горных чеченцев. Пока сидел беглый под караулом, расспрашивал его Иван о житье-бытье у басурманов.

Солдат тот рассказал, что сбежал от шпицрутенов — все равно, мол, был бы не жилец. Показывал Ивану нателный крестик — горцы его не отобрали, самого не били, насильно, значит, в свою веру не звали. Совсем уж с трудом верилось, что далеко в горах живут кучно другие беглые солдаты, срубили они деревянную церковь и ходят туда, а горцы тому не препятствуют.

Божился арестант, что чеченский вождь Шамиль за обиду тамошним русским своих строго велел наказывать; а кто из беглых захотел бы жениться на местной, тому тоже запрета нет, только веру надо принять мусульманскую.

Среди тех солдат есть и женатые, живут они теперь по горским законам, и дети ихние бегают по аулу — не отличишь от местных.

Знать, подумал Иван, чеченская и русская кровь не только в бою смешалась. Чудные дела... Выходит, когда подрастут эти ребяташки, если не замирился к тому времени, вроде как русские в русских палить станут. А их-то дети уж и вовсе не узнают про дедов, что родом были из российских деревень, с Волги да Днепра...

Солдата этого куда-то отправили, и больше Иван таких не встречал.

Если приходилось заходить в замиренные без боя аулы, знал Иван, что и здесь доброго взгляда не жди, но хотя виноватым себя ни в чем не считал, на местных не хмурился и обиды им никакой не чинил.

Приходилось покупать здесь на солдатские деньги хлебные лепешки, овощи, молоко; в жилища при этом солдаты не заходили, ожидали у каменной изгороди, пока вынесут им припасы.

По одному и даже по двое не ходили никогда — мало ли что. Бывало, пропадали солдаты — нет, речь не о тех, кто сам убежал.

Разное случалось... Однажды чеченцы двух солдат-растяп из того же Тенгинского полка умыкнули. Правда, начальство то ли через армянских купцов, то ли каких других кавказских жителей, выкупило солдат за деньги. Радовались они без меры, когда в полк вернулись, но такие уж были тощие, оборванные да грязные — смотреть страшно. Рассказали, что сидели они в яме, а еду, скорее объедки, проглотить которые можно только с большой голодухи, чеченцы бросали им сверху. Правда, бить не били и кресты нательные им оставили. Вроде бы сам Шамиль, слышал Иван, над пленными издеваться, а тем более убивать их, настрого запретил. Да уж все равно лучше не попадаться...

А пока война снова разгоралась, после 1853 года Шамиль начинает оказывать все более активное противодействие русским войскам.

Потери регулярной армии в Кавказской войне исчислялись не только ранеными и убитыми. В одной из ведомостей того же Тенгинского полка указывалось, что за год «убыло рядовых: от обыкновенных болезней — 74, скоропостижно — 6, от холеры — никто». И такие потери вполне соизмерялись с боевыми.

Лекарства в то время практически не применялись, да их и не было, хорошо, если оставалась возможность содержать больных в относительной чистоте, обеспечить их хорошей питьевой водой и пищей, которая способствовала бы выздоровлению. От холеры, как видно, береглись особо, и это давало свои результаты.

Известно, что хирург Н.И. Пирогов сообщил императору Александру II о плачевном состоянии медицины в войсках, чему он явился свидетелем в период Крымской кампании. В условиях боевых действий катастрофически не хватало лекарств, перевязочных средств, инструментов. Речь напрямую шла о воровстве.

Царь очень возмутился, был искренне огорчен. Можно даже предположить, что вызвал к докладу Военного министра, чиновни-

ков от медицины и прочих лиц к этому делу причастных. Но так как причастных оказалось много, сверху до низу, а конкретно виновных ни одного, сделать Император ничего не смог, на том все и кончилось.

Но не только Глава государства знал о творившемся в его армии, а и простые солдаты улавливали, как говорится, причинно-следственную связь между состоянием госпиталей и благосостоянием военных чиновников.

Страшно плохи лазареты,
Зато славные кареты у зрителей.
А спросите у любого, содержания небольшого:
«Как живете вы...»
«Хотя сами не богаты, на богатых мы женаты,
Этим и живем».
Настоящее мученье — только не для всех.
На бумаге все прекрасно,
А на деле — так ужасно, хоть не говори.

Грустная, не правда ли, история?

При всем том численность подразделений войск поддерживалась на штатном уровне. Так, в Тенгинском полку число рядовых колебалось от 4300 до 5200 человек, унтер-офицеров было около 450, музыкантов — до 180 человек, а еще нестроевых числом до 300 и денщиков более 100 при 120 офицерах.

Солдатские будни в Кавказской войне складывались не только из походов, боев, рубки леса и тому подобного. Командование, в том числе и на уровне начальников дивизий, проводило регулярные инспекции, уделяя особое внимание состоянию лазаретов, здоровью солдат, внутреннему управлению полков; проводились

финансовые проверки, само собой, проверялись оружие и боевой припас.

При осмотре «мундирной одежды» от рядовых требовали не только чистоты и аккуратности, но и знания на память сроков ее ношения, размер денежного содержания солдата, назначаемого казной; нижний чин должен был иметь при себе «арматуру (арматурный список)», где указывались его личные данные: какой губернии, уезда, когда взят рекрутом и когда переведен в полк и т.п.

Мой прадед Иван стоял, как и его товарищи, на вытяжку перед высоким начальством, отвечал на вопросы, предъявлял к осмотру ружье и амуницию, и если все складывалось удачно, то удостоивался похвалы командира роты. А если выходила с его стороны какая промашка, особенно при генеральском смотре, то мог схлопотать наказание, хорошо, если «отеческое». И так и сяк бывало в первые годы службы.

В делах строевой части Штаба 19-й дивизии при представлении «Исторических сведений» отмечается, что батальоны на отдых отводили поочередно — тогда уже в станицах и крепостях, казалось, могли солдаты и офицеры на время забыть о боях, отдохнуть.

Как отдыхал солдат... Да как и в первые месяцы службы: доставал из сундучка (или заплечного мешка, или ранца) уж изрядно потрепанную книжку, в который раз читал и перечитывал — а кто не умел, так слушал — волшебные сказки про животных и людей.

Иван слушал вместе с другими (не давалось пока ему чтение, да и времени особо не было осваивать это нелегкое дело), как читал вслух младший унтер-офицер повесть «о Еруслане Лазаревиче», о богатыре, что уже десяти лет от роду имел силу необычную. Побеждал Еруслан рати великие и однажды, в далеком царстве, наехал на место побоища, где лежала огромная человеческая голова. Была та голова живая и говорила, а под ней нашел герой меч заговоренный...

Нравилось солдатам слушать, как в Индийском царстве удалось Еруслану где удалюю, а где и хитростью добыть себе красавицу царевну, а затем и вторую, и третью. И были они одна другой краше. В здешних-то крепостях не то что с царевнами, с простыми бабами да девками туго приходилось.

Не знал Иван, да и сам грамотей, книжку читавший, что Еруслан по-настоящему Арслан, то есть в переводе с тюркского Лев, а вся повесть заимствована у персидского поэта Фирдоуси.

Да и столь уж это важно... Бесчисленное множество подобных устных и письменных, весьма вольных пересказов, переделок превратили сочинения других народов в подлинно русские по духу.

Грамотеев в ротах — раз-два и обчелся, поэтому и собирались вокруг читавшего охочие послушать, обсуждали потом, что взаправду, а что чисто выдумка.

Грамотный солдат, как показала Крымская война и еще продолжавшаяся после 1856 года Кавказская, становился условием обязательным в армии. С применением не только нового, постепенно приходившего в части нарезного оружия, но еще использовавшегося старого, когда слова «дистанция», «дальность», «таблица стрельбы» употреблялись в ротах и батальонах все чаще, солдату необходимо было знать четыре действия арифметики.

Однако на Кавказе, в условиях боевых действий, обучение рекрутов грамоте шло, конечно же, хуже, чем во внутренних округах. Роты и батальоны постоянно находились в делах, совершали марши и экспедиции, и при всем желании здесь офицерам было не до солдатской грамоты.

Считать, писать учились урывками и только те солдаты, которые сами того хотели. Иван читать уже пытался, книжки спрашивал с буквами покрупней, водил при этом по строчкам пальцем — тем самым помогал себе. Но времени на освоение этой науки почти не оставалось. Когда через месяц-другой брал он ту же книгу,

слова снова разбирались с трудом, приходилось начинать все сначала.

И даже в 1858 году, когда по приказу Военного министра велено было устроить школы для солдат «на каждом ротном дворе», на Кавказе, где-нибудь в окрестностях Грозной, Ачхоя, в Аргунском ущелье, не то что школы, самого-то ротного двора не существовало. Так и откладывалась опять Иванова учеба грамоте да арифметике на другие времена. Впрочем, как у многих солдат кавказских полков.

В 1853 году Командующий войсками направил Начальнику 19-й дивизии приказ о назначении части батальонов «к походу за Кавказ». При этом отмечалось, что «1-й, 4-й, 5-й батальоны Тенгинского полка, 2-й и 4-й батальоны Навагинского, 5-й батальон Кубанского егерского должны были выступить немедленно».

К приказу прилагалась подробная инструкция, которая требовала полной укомплектованности состава рот этих батальонов, и в частности унтер-офицерами. Давались также указания по части амуниции, оружия, боевого припаса.

Солдаты под присмотром офицеров и фельдфебелей готовились к походу тщательно. Дело шло к лету, и потому командир Навагинского полка обращается к начальнику дивизии с рапортом, где, исходя из опыта войны, испрашивает разрешения для солдат «иметь на себе обыкновенные холщовые мешки вместо форменных кожаных — это удобнее в походах, тем более в летний зной».

Начальник дивизии разрешение дал, что очень обрадовало солдат: они, крестьянские мужики и парни, давно между собой говорили, что с холщовым-то мешком сподручнее. Может, начальство и узнало об этом через ротных командиров.

Время шло, стычки и полномасштабные бои, перестрелки, вырубка просек продолжались. Некоторые роты Тенгинского полка вновь двинулись к Грозной, а Навагинского — к «Бумутскому укреплению», две роты отправили в районы южной Кубани «для

содействия жителям». Из мушкетерских и гренадерских рот между тем сформировали «Горно-Чеченский отряд». Алхан-Юрт и Старый Ачхой в течение лета и осени 1853 года упоминаются как места активных боевых действий.

Все геройские (и не очень) военные дела (и бытовые тоже) отражались в сводках, донесениях, рапортах полковых командиров высокому начальству. Рекруты же свое видение войны выливали в песни — находились по такому случаю среди солдат сочинители. Грустные, порой щемящие и тоскливые, песни эти отражали душевный настрой «солдатушек».

Запоем мы с горя песню про солдатское житье,
Про солдатское, братцы, житье, про походы про свои.
Нас на горку, братцы, выводили, во шеренгу становили.
На все стороны Богу молились,
С отцом, с матерью простились.
Нам приказы отдавали:
«Бейте, братцы, бейте, не робейте!»

Между тем переписка о «немедленном» выходе за Кавказ продолжалась до марта 1854 года. Наконец, 22 апреля выступили батальоны Навагинского полка, а затем, в мае, Тенгинского. С ними отправился и командир тенгинцев Оночин, о чем и доложил Начальнику дивизии.

Эти части позднее вступили на территорию Владикавказского военного округа, а Кубанский полк двинулся в направлении Тифлиса.

Перед походом пришли приказы об увольнении солдат, что отслужили двадцать пять лет, в отставку. Таких набралось немало, проводили их как положено: построили роты, солдаты взяли ружья «на караул», офицеры отдали заслуженным солдатам-«шеvronщикам» честь; несколько человек из них имели награды.

Потом строй распустили, Иван, как и другие, пошел проститься с отставниками — хорошо знал их всех в батальоне, и они его за четыре года тоже в делах повидали.

Уходил и отделенный унтер-офицер; по-разному складывалось, когда учил он уму-разуму молодых солдат, но обиды на него никто не таил. Иван остался сильно доволен, что дядька на прощание его приобнял и сказал негромко: «Будь жив».

Долго провожающие смотрели вслед повозкам, пока те не скрылись за уклоном дороги. Часть отставных возвращалась к семьям, но большинство уходило к неизвестному пристанищу, хотя в документах, которые получил каждый из них на руки, указано было, как положено, в какие места отправлялся теперь солдат.

Роты спешно пополнили. По представлению командира полка стал Иван ефрейтором, должен теперь наставлять молодых, помогать новому отделенному. Внешне он тоже преобразился, остепенился, возмужал. Лицо его давно прожег темный, с краснотой загар, уверенно и цепко глядели серые глаза, отрастил Иван усы, переходили они на щеку широкой полосой. Шел солдату двадцать пятый год...

В 1855 году откомандированные роты и батальоны Тенгинского и Навагинского полков, согласно приказа, наконец, вступили на территорию тогдашнего Владикавказского военного округа.

До Владикавказа около ста верст прошли горной дорогой. Крутые склоны и ущелья этих мест, высокие скалы даже для старослужащих были в диковинку, а молодое пополнение с русских равнин и вовсе приходило в изумление. От края узкой дороги, с которой время от времени срывались в пропасть камни, старались держаться подальше, в особо опасных местах лошадей брали под уздцы.

Когда замечали на крутых склонах овец, что издали виднелись серым горохом, просыпанным на зеленую скатерть лугов, удивлялись, что не скатываются они в ущелье.

Но особо глазеть по сторонам не приходилось — береглись осыпей и других опасных случайностей в незнакомой стороне.

Годом основания Владикавказа считается 1783 год, вырос он на месте осетинского аула Капсай, что означает «Горные ворота», и расположился по обоим берегам Терека на высоте порядка шестисот семидесяти метров над уровнем моря. В то время Владикавказ был крепостью и как бы замыкал вход в ущелье Терека. Поэтому город этот, как начальный пункт на Военно-Грузинской дороге, имел стратегическое значение — перекрывал единственный в Закавказье удобный подступ к Тифлису. Неслучайно здесь находились штабы дивизий, бригад и полков войск Кавказского корпуса.

Россия уделяла Владикавказу и Осетии в целом очень серьезное внимание, в частности, большие усилия направлялись на распространение здесь православия. Еще в 1836 году, то есть лет за двадцать до описываемых событий, во Владикавказе открыли духовное училище; в целях просвещения и налаживания более тесных отношений с местным населением делались переводы книг на осетинское наречие с использованием букв «русской гражданской графики».

Пребывание во Владикавказе и вообще на территории Осетии солдаты восприняли как отдых, хотя находиться в казармах, постоянно на глазах у высокого начальства, тоже было не сахар.

Однажды послали Арефьева в Штаб батальона, где у писарей обязали его взять какие-то бумаги да десяток свечей, еще мешок с рогожами на складе и всякой мелочи для ротного начальства.

По такому случаю прихватил он с собой недавнего рекрута из Саратовской губернии, что служил теперь в его же отделении. По дороге обратно повстречался им подполковник Туманов, их командир батальона, а с ним поручик.

Как положено, стал Иван во фрунт, ожидая командира, приложил правую руку к козырьку фуражки, да и молодяге скомандовал тихонько, чтобы отдал честь.

Подполковник почти прошел уж, да вдруг развернулся к солдатам; поручик остановился чуть поодаль. «Что же это, порядка не знаете... Как следует приветствовать офицеров...» — спросил он сердито.

Иван растерялся, потом чуть скосил глаза влево, на своего товарища. Тот, вопреки правил, бросил мешок на землю в грязь, сдернул фуражку с головы. Волосы, то ли от страха, то ли заломленные неудачно надетой фуражкою, торчали рыбьим плавником.

Поручик, глядя на все это и покусывая губы, едва сдерживал смех. А когда подполковник двинулся дальше, смешливый поручик, возрастом не старше Ивана, приказал Арефьеву доложить об этом случае командиру роты и отделенному, а провинившемуся солдату сказал: «Ну и балда же ты, братец».

Пришли в роту, доложил Иван по команде, как офицер велел, а сам со злости треснул напарника, который подвел его, по затылку.

Но на этом дело не закончилось, подполковник был человеком строгим, солдат своих, в том числе Ивана Арефьева, знал в лицо. И 8 марта 1856 года издал приказ по батальону, в нем говорилось: «...Нижние чины, имея в руках или на плечах ношу или же бумаги, при встрече с офицерами снимают фуражки, равно же и папахи, и делают фронт, ротным командирам строго за этим порядком следить, чтобы унтер-офицеры и старые солдаты внушали рекрутам, как должны в этом случае поступать. Старые солдаты должны за это отвечать».

Приказ зачитали в ротах, а отделенный приказал Ивану по такому случаю учить молодягу уму-разуму, да присматривать за ним.

Выбрал Иван из напиленных бревен одно, длиною в аршин и толщиной вершков пять-шесть, приказал неудалому взять его на плечо и идти рядом с собою. Дядька, изображая офицера, двинулся им навстречу, и, когда оставалось между ними шагов десять, дал Иван молодяге команду стать во фронт.

...Урок повторили раз десять, короткое бревно казалось воспитуемому уже целой лесиною, но усвоил он порядок теперь крепко.

Хотя в приказе никаких фамилий не указывалось, в роте все знали, кто провинившийся. Список с того приказа батальонный писарь отдал Ивану на память, за что требовал косушку. Долго еще бумага эта лежала в сундучке, а потом куда-то затерялась.

Молодого же, со слов офицера, прозвали Балдою. Впрочем, прозвища имели многие; один солдат, ростом под два аршина и восемь вершков, не попавший в Гвардию, видать, из-за тонкой кости, имел еще и длинную шею, а потому получил прозвище Гусь. Да на такие вещи никто и не обижался, причины обижаться и поважнее бывали.

Приказ по батальону вышел в 1856 году, и только в 1862 году изменили порядок приветствия офицеров нижними чинами, и не зависел он от того, несут солдаты что-либо в руках или нет. В приказе по Военному ведомству говорилось: «...с введением в войсках новой шапки всем без исключения нижним чинам отдавать честь старшим, не снимая шапок, а прикладывая руку к козырьку».

Но это еще когда будет, а пока солдат должен помнить твердо, когда снимать головной убор, а когда нет.

В 1856 году Тенгинский и Навагинский полки влились в состав 20-й дивизии, в нее же входили Куринский и Кабардинский пехотные полки, а в 19-ю дивизию — Крымский и Севастопольский.

Для солдат, однако, ничего не изменилось: большинство ротных и батальонных командиров остались прежними, горцы про-

должали защищаться, смело и решительно, а русскому человеку куда ни глянь — все те же горы и леса.

В 1857—1858 годах Кавказская война, казалось, действительно шла к концу. Часть полков, в том числе полки и 20-й дивизии, вели боевые действия на северных склонах Кавказских гор, проходили знакомыми лесными просеками и проложенными уже дорогами.

В новых станицах, что вырастали на месте разрушенных аулов или неподалеку от них, ставили деревянные церкви; сюда и ходили солдаты, сами по себе и с командой. Командиры и полковой священник строго следили за посещением нижними чинами церковных служб и соблюдением ими православных обрядов. Примером может служить приказ начальника бригады: «С настоящего Великого поста командирам блюсти строго, чтобы все воинские чины непременно чтобы повели со своими ротами, а бригадному священнику предписываю по окончании Великого поста представить списки поротно всех воинских чинов с их женами, делая отметки против не исполнивших по каким-либо Законным причинам».

Насколько мне известно, Иван Арефьев с детства был человеком глубоко верующим, поэтому нет никаких оснований полагать, что мог он уклоняться от присутствия на церковной службе и нарушать иные православные традиции. Так что появление упомянутого приказа для него ничего не меняло.

В 1857 году во главе объединенных сил 20-й и 21-й пехотных и гренадерской дивизий поставили генерала Евдокимова, бывшего начальника 2-й бригады 19-й дивизии. Полки продвигались теперь в самые отдаленные, дикие места Чечни; поднимались солдаты на горные склоны, высотой до сотен саженей, спускались в ущелья, перебирались через горные потоки, используя веревки и подручные средства, и снова врубались в густые заросли орешника.

К началу 1859 года, после поражения в Аргунском ущелье и Малой Чечне, войска Шамиля отошли к аулу Ведень. Во второй

половине марта аул атаковали батальоны Тенгинского и Навагинского полков вместе с другими частями.

К тому времени носил уже Иван над обшлагом полукафтана и шинели нашивку желтой гарусной тесьмы — «за беспорочную выслугу» шести лет и одну узкую ефрейторскую нашивку поперек погон. Сам теперь мог кого угодно научить и штыковому бою, и прицельной стрельбе, и немалым хитростям горной войны, и некоторым солдатским премудростям. Не стыло уже сердце, когда сходилась врукопашную, однако помирать не торопился, на рожон без причины не лез.

И когда дана была команда их роте к штурму чеченской крепости, перекрестился, без промедления поднялся и беглым шагом пошел вперед под пули.

Две недели отчаянно защищались воины Шамиля; чужих не щадили и себя в том бою не жалели. Убитых и раненых, пока не кончилось сражение, никто не считал.

Две недели атаковали аул русские роты... Когда закончился последний бой, понял Иван, что сидит у разбитой каменной стены, на коленях ружье с погнутым дулом и разбитым в щепы прикладом, кафтан и рубаха разорваны в локуты, шинели и мохнатой шапки на нем вовсе нет; голова, руки, грудь — все в присохших уже кровавых корках, болят кости, саднит кожа. Вроде, даже и не ранен — видно, и сейчас хранил его Бог.

Перед глазами все стояли отблески пожаров на шашках горцев да на отточенном на вершок жале собственного штыка. Здесь, наверху, стало уже тихо, а где-то внизу еще слышались крики и выстрелы — это Шамиль с последними защитниками крепости, большей частью ранеными, прорывался на восток, в дагестанские горы.

В конце лета 1859 года, в августе, солдаты Ширванского и Апшеронского полков 21-й дивизии штурмовали отвесные скалы

горы Гуниб, где находился Шамиль и около шести сотен его воинов. Сдался Шамиль.

Приказ генерала Барятинского, руководившего операцией, через несколько дней после последнего боя был зачитан в частях 20-й дивизии; в нем говорилось: «Шамиль взят, поздравляю Кавказскую армию».

Иван Арефьев вместе с другими тогда, в сентябре 1859 года, встретил эти слова громким «ура!».

Но пройдет еще несколько долгих лет, прежде чем в мае 1864-го в церквах отслужат молебен по случаю окончания полувековой войны, хотя империя гораздо раньше официально утвердила свои притязания на завоеванные территории, внося в топонимику новые названия. В 1861 году Высочайше было повелено: «Все пространство, находящееся к северу от Главного хребта Кавказских гор, заключающее в себе как две области — Терскую и Кубанскую, так и Ставропольскую губернию, именовать впредь Северным Кавказом».

За годы Кавказской войны Русская армия приобрела новые качества. Вот что писал об этом А.А. Керсновский:

«В чащах чеченских лесов и на раскаленных дагестанских утесах, в молниеносных рукопашных схватках с отчаянно храбрым противником и в изнурительных напряжениях прокладки дорог и расчистки просек, крепла воля, закалялись характеры, создавались легендарные боевые традиции, вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчиненных».

Боевые отличия за Кавказскую кампанию получили полки трех пехотных дивизий — 19-й, 20-й и 21-й:

— 74-й пехотный Ставропольский и 76-й пехотный Кубанский полки — Знаки на шапки за Западный Кавказ (1864);

— 77-й пехотный Тенгинский полк — Георгиевское знамя за Андию (Ведень) 1859 г., Знаки на шапки за Чечню (1857–1859);

— 78-й пехотный Навагинский полк — Георгиевское знамя за Ахульго (1839), Андию и Дарго (1845—1846), Знаки на шапки за Чечню и Дагестан;

— 79-й пехотный Куринский полк — Георгиевское знамя за Ахульго (1839), Андию и Дарго (1845—1846), Знаки на шапки за Чечню и Дагестан;

— 81-й пехотный Апшеронский полк — Георгиевское знамя за Ахульго (1839), Андию и Дарго (1845), Гуниб (1859), Георгиевские трубы за Восточный Кавказ (1859), Знаки на шапки за Чечню (1857);

— 82-й пехотный Дагестанский полк — Георгиевское знамя за Салты (1847) и переход у Сагрытло (1859), Знаки на шапки за отличия (с 1849 г. по 1859 г.);

— 84-й пехотный Ширванский полк — Георгиевское знамя за Гуниб (1859), Георгиевские рожки за Западный Кавказ (1864).

Прадед гордился и наградами полка, и знаками, которыми наградили солдата — ведь их давали за доблесть и верность присяге.

Окончилась Кавказская война, но продолжалась для Ивана Арефьева служба.

К ПОЛЬЗЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ

Во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всех случаях касаться может.

Присяга

«Попал я в такие края, где плеснешь с крыльца воду из кружки, а падет на снег кусок льда», — вспоминал мой прадед.

Слова Ивана Арефьевича о том, что попал он (заметим, попал, а не служил) в такие места, где лютуют страшные морозы, дали направление дальнейшим моим поискам.

Первой пришла мысль, что за проступок сослали его в Сибирь. Но тут же мысль эту и отбросил: знаки воинских солдатских отличий, о которых я знал и которые носил прадед до самой смерти, исключали такой поворот событий.

Тогда, может быть, реорганизация частей Русской армии в период конца пятидесятых — первой половины шестидесятых годов XIX века (на этот счет имелись документы)...

И я предпринял поиски архивных источников о целевом формировании войск (возможно, такие существовали) Восточной и Западной Сибири.

Что же это за места в России, где холода столь жестоки, что остались в памяти солдата, так много повидавшего... Казалось бы, удивить его уже ничем нельзя было, а он и десятки лет спустя рассказывал о них детям и внукам.

Документы, указывающие на укрепление сибирских гарнизонов, я нашел. В них упоминались Енисейская губерния, Верхне-

ленск и, наконец, Якутск. Анализ этих материалов, в совокупности с другими, касающимися формирования новых полков и дивизий, позволил выстроить цепочку событий, могущих действительно привести Ивана Арефьева в Сибирь.

Но обо всем по порядку...

18 февраля 1855 года скоропостижно умер император Николай I, на престол взошел Александр II, второй уже русский царь, при котором жил Иван, и второй, которому он присягал.

С именем Александра II, как известно, связаны широкомасштабные реформы во многих областях государственного управления и, конечно, в армии. Преобразования, безусловно, касались не только высших чиновников (гражданских и военных), но и широких слоев российского общества, в том числе и простого солдата.

Еще в 1857 году появились так называемые «наставления»; эти своего рода пособия обобщали боевой опыт и способствовали формированию методов планового обучения солдат по единым критериям. Например, существовало «Наставление по употреблению в бою штыка и приклада». В нем, в частности, предусматривалось обучение рукопашному бою в парах и при наличии защитных приспособлений: масок, нагрудников, перчаток. В наставлении приводились схемы нанесения ударов при нападении и защите.

Это и другие подобные руководства в первую очередь поступали в войска резерва и в войска центральных губерний страны. Такой подход объяснялся необходимостью: готовить не имеющих боевого опыта солдат пехоты к боевым действиям в современных условиях.

К тому же все шире применялось нарезное оружие. Справедливо считалось, что теперь, когда стрелковые цепи заменили устаревшие сомкнутые линии и колонны, в рукопашном бою солдат уже не чувствовал локтя товарища и должен был действовать самостоятельно, без оглядки. В новых условиях требовалось, чтобы

пехотинец, «храбрый, хладнокровный и сметливый, хорошо знакомый с основными правилами употребления штыка», сам находил тот способ действия, который позволил бы ему одержать верх в конкретной ситуации.

Собственно, так ведь и действовали Иван и его товарищи на Кавказской войне, к тому давно приучили их и местные условия, и внезапные схватки с горцами.

Осмысленный опыт Крымской и Кавказской войн виден в этих наставлениях.

В 1859 году появилось «Наставление для образования стрелков». Целью этого наставления было обучение стрельбе из нарезных ружей при дальности до тысячи шагов и более. В батальонах кавказских полков уже использовалось нарезное оружие, однако и после 1860 года практического преимущества солдаты Русской армии от этого не получили.

Когда в горном Дагестане впервые рядом с Иваном упал раненый, которого взял на мушку воин Шамиля шагов с пятисот-шестисот, офицеры, да и сами солдаты, сразу угадали нарезной ствол. Противник получал вполне современные английские ружья через посредство Турции и отдельных перекупщиков.

В начале шестидесятых годов пришло новое «Наставление для стрелкового образования пехоты...», но офицеры и унтер-офицеры кавказских дивизий «наставляли» молодых солдат гораздо раньше, непосредственно в бою. Стреляли из переделанных в нарезные шестилинейных ружей стоя, с колена и лежа.

В период с 1855 по 1861 год Военным министерством и Главным Штабом издавалось много приказов и циркуляров, регулировавших условия службы, предоставление отпусков и увольнение в отставку для нижних чинов армии.

Но вот 17 февраля 1861 года появился документ, касающийся всех и каждого в России. 5 марта, в Прощенное воскресенье, в обеих столицах был объявлен и по церквам прочитан царский

Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости и соответствующие его положения.

Солдаты действующей армии узнали об этом событии к середине марта; крестьяне в армейской форме услышали, что «...крепостное право на крестьян, водворенных на помещичьих землях, и на дворовых людей отменяется навсегда... Крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляются права состояния свободных сельских обывателей... Во всех случаях, когда добровольные соглашения между помещиком и крестьянами не состоятся, надел крестьян землею и отправление ими повинностей производится на точном основании местных положений».

Земельные наделы, которые выделялись даром, «на точном основании положений», потом называли «нищенскими», или «сиротскими», прокормиться с них было невозможно.

И все же главное заключалось в том, что не мог теперь помещик продавать крестьян, делать распоряжения по их семейным делам.

Пока служил мой прадед, там, за пределами армейских частей, создавались сельские общества, волостные правления, нарождалась новая, *свободная* жизнь...

Узнать бы, услышать, что думали, говорили о том наши прадеды, посмотреть бы глазами Ивана Арефьева на все происходившее...

С этих пор в армии шпицрутены практически не применялись. Но оставались еще розги, и наказание ими назначалось по решению командира части; впрочем, в боевых условиях — только за трусость и неисполнение команды.

Словом, при новом императоре солдаты Русской армии почувствовали иное к себе отношение, особенно после того, как в 1863 году Высочайшим приказом отменили «прогоняние сквозь строй и шпицрутены». Сделал это Александр II, «желая явить новый при-

мер отеческой заботливости о благосостоянии армии и в видах возвышения нравственного духа нижних чинов».

Впрочем, и раньше иногда бывало, что между офицерами одной части возникали споры и даже конфликты «вследствие различных взглядов их на обращение с нижними чинами». В полк, где служил Иван, из Отдельного гренадерского корпуса перевели нескольких молодых офицеров, так как они «не соглашались мириться с жестоким обращением» с солдатами в своем полку. На взгляд же высокого начальства «шум был поднят ими напрасно... по пустякам».

Примечательно, что в конце пятидесятих годов XIX века в военных учебных заведениях уже появлялись ростки нового, некоторые воспитатели и преподаватели старались привить будущим офицерам Русской армии уважительное отношение к нижним чинам. Часть молодых офицеров сами определялись в этих вопросах, не дожидаясь императорских указов, видели в рядовом боевого товарища. За такого поручика или подпоручика солдат готов был идти в огонь и воду.

Русские офицеры, воспитанники военных училищ и кадетских корпусов, в основном, конечно, дворянского происхождения, являлись примерами поразительного порой «вольнодумства».

В Секретную часть Военного министерства поступала следующая информация:

— в 1861 году — об оказавшемся у воспитанника Владимирского Киевского кадетского корпуса «воззвании в пользу Польши»;

— в 1862 году — о преступных действиях прикомандированного к Владимирскому Киевскому кадетскому корпусу подполковника (разбрасывал прокламации, призывая солдат не стрелять в непокорных крестьян);

— о панихиде, заказанной офицерами Николаевской академии Генерального Штаба по расстрелянным офицерам в г. Варшаве;

— о преподавателе 2-го кадетского корпуса, штабс-капитане Лейб-Гвардии Павловского полка (отчислен из корпуса за знакомство с литераторами Писаревым и Благосветловым)...

И это лишь небольшой срез с подобных обстоятельств, которые в какой-то степени характеризуют русское офицерство, не все, конечно, но определенную его часть. Мы не даем здесь политических оценок, нас интересует другой аспект: такие офицеры, безусловно, видели в солдате не просто нижний чин, а в первую очередь личность, человека...

С общими переменами в обществе и армии несколько улучшился и солдатский быт: с 1859 года выдавали Ивану две пары сапог с двумя парами подметок к ним, на шитье таких сапог шло 15 копеек, на прибор 30 копеек и на чернение сапог 10 копеек — всего 55 копеек сверх амуничных денег.

(Помню, до пятидесятых годов XX века моему отцу, офицеру Советской армии, к новым сапогам тоже всегда выдавали пару подметок из добротной коричневой кожи, черненной по ребру; когда приходило время, отец относил сапоги в мастерскую, иногда же эти подметки доставались мне.)

С 1857 года отменили так называемые порционные деньги, их заменили приварочными, сумма их зависела от стоимости продуктов в месте дислокации войск; скажем, здесь, на Кавказе, принималась во внимание дороговизна, и на солдата причиталось теперь по 3,3 копейки в день, то есть по 12 рублей серебром в год, в три раза больше, чем раньше.

Император повелел: «Не стесняясь огромной прибавкой, которая необходима... для продовольствия вполне достаточного войскам, нуждающимся в пособии, отпускать столько добавочных денег, чтобы солдаты всегда и всюду были сыты». Такие добавки могли составлять до 6 копеек серебром в день, по тем временам — очень большие деньги.

Иван, как и другие солдаты, теперь ел почти всегда досыта, хотя воровали в армии по-прежнему — тут что-либо поделать не мог никто, даже царь.

И еще новшество: после 1862 года нижним чинам, уволенным во временный отпуск, разрешалось вступать в брак, «не испрашивая на то разрешения начальства». Да только в воюющих полках временный отпуск практически никто не получал...

Впрочем, специально для нижних чинов Кавказской армии, поступивших на службу до 8 сентября 1859 года, установили теперь пятнадцатилетний срок службы для выхода в отставку; Иван мог воспользоваться этим правом уже в 1865 году.

В 1862 году были созданы Варшавский, Виленский, Киевский и Одесский военные округа, а в 1864 году — Петербургский, Московский, Казанский, Рижский, Финляндский и Харьковский. К этому периоду в Российской армии насчитывалось 32 дивизии, 29 из них — четырехполкового состава. Несколько ранее, с 1858 года, начались серьезные подвижки в реформировании дивизий и полков; резервные батальоны ряда дивизий, в том числе 19-й, 20-й и 21-й, преобразовали в сводные резервные полки.

В 1863 году 20-я дивизия располагалась в Терской области. Батальоны 77-го Тенгинского полка стояли в станицах Кембилевская, Метлы, Галашевская и Сунженская, батальоны 78-го Навагинского полка — в крепости Воздвиженской и станице Аргунской. Батальонам 79-го Куринского полка отводилось укрепление Ведень, а 80-го Кабардинского — укрепление Хасав-Юрт и станица Николаевская.

Отсюда и переводились нижние чины в резервные части, а затем во вновь организуемые полки и дивизии.

В конце лета 1862 года реорганизации подвергли батальоны 20-й и 21-й пехотных дивизий, при этом были образованы новые резервные полки. В том же году резервная Кавказская дивизия

возвратилась на постоянные квартиры в Россию, в частности, резервный батальон Тенгинского полка расположился в Славяно-сербске, а Навагинского — в селе Святодмитровском, Харьковского уезда.

В 1863 году резервные пехотные полки стали действующими, получили новые наименования и соответствующие номера. (Напомним, что общая нумерация полков, которая сохранялась до 1918 года, введена в 1856 году.) Эти новые полки и образовали новые пехотные дивизии, с 23-й по 34-ю.

В 1864 году в Российской армии появилось еще тринадцать пехотных дивизий (номера с 35-й по 40-ю), формировались они в том числе и из батальонов Кавказской резервной дивизии.

Кроме того, «не мало времени потребовалось на уравнивание людей в частях войск по срокам службы, так как во вновь сформированных войсках было очень много солдат последних наборов...». Поэтому в 1864 году для уравнивания нижних чинов по срокам службы переведены из одних частей в другие более одиннадцати тысяч старослужащих.

Последнее обстоятельство отмечалось во Всеподданнейшем отчете Военного министерства, а также в приказах Военного министра за 1864 год.

Полностью формирование дивизий заняло около семи месяцев, и фактически последний этап завершился только к весне 1864 года. В армии насчитывалось теперь 1336 тысяч нижних чинов.

Таким образом, вновь образованные полки и дивизии, как уже отмечалось, пополнились за счет рядового состава Кавказских дивизий. Именно последнее обстоятельство будет нас в дальнейшем интересовать.

Определим теперь, в какие воинские части попал Иван для прохождения дальнейшей службы.

Наш поиск требует совмещения двух обстоятельств: службы солдата Арефьева в полках, которые квартировали бы в городе

Харькове, как мы помним, в период с 1872—1873 годов и до ухода Ивана в отставку в 1875 году, и вместе с тем наличия их в округе, откуда направлялись команды в Восточную Сибирь. Причем полки эти должны были находиться в соответствующем округе в тот период времени, когда команды там формировались.

Согласно Квартирным расписаниям, в период с 1872 года в Харьковском военном округе стояло несколько дивизий, более двух десятков полков, но в самом Харькове и его окрестностях размещались тогда только 121-й Пензенский и 122-й Тамбовский пехотные полки, что входили в 31-ю пехотную дивизию.

Вернемся к документу «Об укомплектовании войск Западного и Восточного сибирских военных округов...». Главный Штаб Военного министерства в 1867 году определил «назначить в этом году на укомплектование... войск Западного и Восточного сибирских военных округов... нижних чинов из Варшавского,.. Виленского,.. Петербургского,.. Московского,.. Казанского... военных округов».

А ранее, в 1863 году, вновь созданные полки, Пензенский и Тамбовский, вошли в состав 31-й пехотной дивизии, которая теперь, в 1867 году, размещалась, наряду с другими дивизиями, в Виленском военном округе.

Уже не менее трех лет прошло с тех пор, как несколько десятков нижних чинов перевели из 20-й дивизии в резервные полки, а затем — в 31-ю дивизию, и среди них Иван, ко времени формирования «сибирских» команд, служил он в 121-м Пензенском пехотном полку.

Виленский округ располагался на западе империи, западнее было только Балтийское море да Варшавский военный округ, севернее — Петербургский округ, а на востоке — Харьковский. Виленский военный округ включал в себя Литву, Эстонию и Белоруссию.

Согласно Квартирным расписаниям, к 1866 году 121-й Пензенский полк, его батальоны и роты размещались в городе Бобруйске; батальоны и роты 122-го Тамбовского полка — в городах Несвиже, Пинске и в селе Тимковичи.

Таким образом, эти воинские части как бы образовали четырехугольник в центральной и юго-западной части округа, причем Несвиж находился в западном его углу, Бобруйск — в восточном, Пинск — в южном, а Тимковичи — чуть южнее линии Несвиж—Бобруйск. Расстояние между расположениями батальонов Тамбовского полка достигало 150 верст и более.

Бобруйск, самый молодой и самый крупный из перечисленных населенных пунктов, был основан в XVII веке и, по существу, представлял собой крепость на реке Березине. В шестидесятых же годах стал он уездным городом Минской губернии.

Окруженный болотами и лесами Несвиж, известный с XII века, относился к той же губернии.

Что касается Пинска, то город этот на реке Пине, притоке Припяти, упоминался еще в XI веке. Также окруженный болотами, многочисленными реками и речушками, часто выходившими из берегов, находился он практически на границе с царством Польским.

Через большое село Тимковичи проходила дорога на Польшу.

В этих краях солдаты Русской армии могли видеть великолепные замки и монастыри. В здешних городах на грязных немощеных улицах православные храмы соседствовали с костелами и синагогами, а рядом с крепкими кирпичными постройками стояли неказистые деревянные дома. В то время большинство тамошнего городского населения составляли евреи — торговцы, шинкари. Конечно, был люд и неимущий, иногда просто оборванцы встречались. Называли здесь евреев жидами, что, впрочем, в Белоруссии и Западной Украине не несло уничижительного оттенка, куда более обидным звучало «кацап» для русского или «хохол»

для малоросса. В местечках Западной Украины слово «жид» и вообще сохранялось как самоназвание вплоть до начала XX века.

Села и деревни населяли в основном белорусы. А что касается коренных жителей Пинска, то некоторые исследователи относили их даже к «малорусскому племени».

Торговля хлебом и солью, лесные промыслы (лес сплавлялся из Припяти в Вислу), кожевенное дело, изготовление деревянной посуды, пчеловодство в Полесье, рыбная ловля и охота в окрестностях Пинска столетиями определяли жизнь и быт местных жителей.

Многое здесь поначалу вызывало удивление солдата: барашковые шапки и соломенные шляпы мужиков, высокие замысловатые головные уборы женщин, ермолки и крашенные бороды евреев — в одном городе католики, иудеи, православные...

Вскоре после перевода сюда стало известно Ивану о приказе Военного министра № 191, где говорилось: «В 12-й день июля 1864 года Высочайше повелено: в ознаменование достославных подвигов, совершенных войсками Кавказской армии, а также и в воздание храбрости и неутомимых трудов, понесенных войсками в течение борьбы за Кавказ, — нижних чинов, служивших в Кавказской армии до 1864 года и поступивших на службу до 8 сентября 1859 года, увольнять в отставку по прослужении 15-ти лет».

В 1865 году исполнились 15 лет службы Ивана Арефьева в Российской армии, получил он второй шеврон за беспорочную службу и заслужил, соответственно, право на отставку.

В то же время за отказ от отставки установлены были следующие награды и отличия:

«а) серебряная медаль на анненской ленте с надписью “за усердие”;

б) шеврон из золотого галуна;

в) прибавочное содержание в первое трехлетие в размере одного оклада, во второе — двух окладов, в третье — трех и в четвертое — четырех окладов, если оклады сии не превышали 34 р. 28 $\frac{1}{2}$ к., а в противном случае по сему последнему».

Отметим, что право на сохранение медали принадлежало только тем, кто пробыл добровольно в армии не менее трех лет.

В целом, служба в Виленском округе шла не в пример спокойней, чем на Кавказе; и если не осилил Иван в должной мере грамоту и арифметику до перевода, то именно здесь довершил он свое «начальное» образование.

К тому же присвоение унтер-офицерского звания за беспорочную службу еще в 1857 году было обусловлено умением читать, писать и считать. Звание это присвоили солдату в Виленском округе по списку, утвержденному начальником 31-й дивизии. В роте полагалось иметь, согласно вакансиям, двух взводных унтер-офицеров, мой прадед тогда значился отделенным.

Между тем понятно, что давно уже считался Иван Арефьев «старым солдатом», имел боевой опыт и знания, которые мог использовать он для воспитания и обучения рекрутов.

Кстати, общий срок службы до увольнения в отставку нижним чином, поступившим на службу до 8 сентября 1859 года, был установлен теперь в 20 лет, а поступившим после этого срока — 15; в бессрочный отпуск первые увольнялись через 15 лет, вторые — через 12 лет.

Да и сама служба во второй половине шестидесятых годов резко отличалась от той, что пришлось хлебнуть рекрутам сороковых, пятидесятых годов. Между прочим, к этому времени Военный министр принял решение «образование рекрут в мирное время... производить в самих войсках; с выступлением же их в поход... в запасных или резервных батальонах...».

Учитывая все эти обстоятельства, и предложил командир роты Ивану остаться на сверхсрочную службу, то есть отказаться до-

бровольно от отставки. Иван Арефьев, как мы знаем достоверно, согласие дал.

Причин для такого решения было, вероятно, несколько: к тому времени служба уже не тяготила, связь его с семьей, скорее всего, утратилась и новой семьей стала семья солдатская, да и установленных льготы, награды и жалованье сыграли свою роль.

Так что дополнительно к двум шеvronам за беспорочную службу носил теперь Иван за отказ от отставки шеvron из золотого галуна углом вверх, повыше обшлага мундира, на груди медаль на Анненской ленте, награды за участие в боевых действиях на Кавказе и унтер-офицерские погоны.

Возможно, на решение солдата остаться на сверхсрочную повлияли и изменения, которые происходили в армии во второй половине шестидесятых годов, — к вопросам быта и учебы нижних чинов военное руководство не относились уже как к чему-то третьестепенному. Нельзя не заметить и некоторые новые особенности подхода к обучению в армии.

В одном из трудов, посвященных этому периоду российской истории, говорится, что установление обязательного обучения нижних чинов грамоте и отпуск денег на покупку учебных пособий, бесспорно, может быть отнесено к числу важнейших улучшений по военной части.

Вместе с тем отметим далее ситуацию, напрямую отражающую положение, в котором находились, в частности, солдаты Пензенского и Тамбовского полков. Недостаток офицеров, а также и разбросанность части войск по широким квартирам затрудняли полное применение «означенного», вследствие чего часть нижних чинов не могла быть обучена грамоте. Но, несмотря на это, жесткое требование обучения всех нижних чинов (да и предоставление к тому соответствующих средств) положительно сказалось на распространении грамотности в армии. Военное министерство имело

теперь возможность возвращать Государству, взамен необученных рекрутов, «значительную массу» грамотных нижних чинов.

С 1867 года под общим контролем Военного ведомства принимается двухгодичный курс обучения нижних чинов грамоте и арифметике. В 1868 году повелено отпускать всем войскам на каждого рядового 10 копеек в год на приобретение учебных пособий.

В обязанности унтер-офицера Ивана Арефьева входило теперь помогать ротным офицерам приучать (а если необходимо, то и заставлять) молодых солдат к грамоте. К тому времени он и сам мог читать рекрутам книжки с незамысловатым сюжетом, выбирал те из них, что, по его мнению, поинтересней, да и попроще. Вполне подходили для этого случая, например, лубочные «Забавные листы. Повесть о Бове Королевиче». Кстати — надо же! — был это изначально белорусский перевод с итальянского, который затем перевели на русский язык. Ставшие, благодаря А.С. Пушкину, «своими» короли Гвидон с Додоном, царь Салтан и множество других персонажей повстречались русскому человеку впервые именно в «Забавных листах».

Для Бовы, что «побивает... метлой... пятнадцать тысяч войска», побеждает в поединках богатырей и, между прочим, отказывается принять «веру латинскую» ради женитьбы на царевне, в итоге все заканчивается хорошо: получает он царство, где живет счастливо с женой и сыновьями. О чем еще мечтать солдату, сидя посреди пинских болот...

...Конечно, по-прежнему основное время уходило у солдат на строевые занятия, обучение стрельбе и штыковому бою, опять же на изучение уставов. Всему, что сам знал и умел, Иван Арефьев старался научить новобранцев. Не давал роздыху ни себе, ни им — очень хотелось унтер-офицеру, чтобы в его отделении не осталось лодырей да неучей. Потому и рассказывал он молодым

рекрутам, как в Кавказскую войну солоно приходилось бестолковым да ленивым и тем, кто плохо владел оружием.

Старый солдат, Арефьев, как и было принято, пользовался теперь большей личной свободой, мог чаще покидать роту, да и время наступило мирное. В воскресенье, начистив еще раз пуговицы на мундире, прихватывал Иван кулек конфет, а то и бутылку водки, купленную в шинке, и отправлялся на окраину города; здесь в небольшом домике поджидала его хозяйка — муж ее так и не вернулся после Дунайской кампании. (Познакомились они на рынке, где торговала женщина деревянной посудой и ягодой.) К приходу гостя стояли уже на столе сковорода с жареной картошкой да миска с медом.

И все же непривычно казалось здесь солдату. Почти полтора десятка лет провел он в боях и походах, и теперь такая жизнь, ровная да спокойная, не то чтобы тяготила, но стала приедаться — считай, порядком уж отдохнул за три-то года в тихих этих местах.

Самыми жестокими испытаниями были тут, пожалуй, сражения с тучами комаров, что атаковали солдат в летние месяцы. Особенно туго приходилось на учениях. В костры нарочно бросали сырые дрова — только густой дым мог разогнать зудящих кровопийц. Да только ненадолго это помогало.

Как-то в самом начале июня 1867 года отправился Иван по поручению командира роты в Штаб полка. Случилось так, что в тот день приехал в Бобруйск из 16-й пехотной дивизии поручик Домбровский. Направили его сюда, чтобы отобрал он опытных и надежных унтер-офицеров для сопровождения команды, формируемой из нижних чинов 16-й, 26-й и 27-й дивизий, для пополнения сибирских гарнизонов.

У штаба полка встретился ему Иван. Арефьев, увидев поручика, как положено, приветствовал его. Офицер сразу обратил внимание на солдата, на его выправку, знаки отличий.

Иван узнал офицера: в 1859 году совсем молодым подпоручиком тот был переведен в Тенгинский полк из Гренадерской дивизии.

Домбровский спросил фамилию солдата, вспомнил его, стал задавать вопросы: давно ли здесь, есть ли кто еще из 20-й дивизии... Иван отвечал охотно, не забыл он, что офицер никому обид не чинил, при вылазках всегда шел в первой шеренге с ружьем в руках.

Припомнил Иван поручику, как тяжело ранен был тот в одной из стычек в Нагорном Дагестане, думали даже, что не жилец уж молодой офицер.

Домбровский на это ответил: мол, пролежал в госпиталях два месяца, потом получил отпуск на полгода для долечивания. Уехал сначала к родителям в Дрогобыч, а потом «водичку пил в Трускавце... вроде, помогло».

Иван рассказал, что сюда переведен из 20-й дивизии, а служит с ним вместе Тимофей Евдокимов, тот самый, что раненного Домбровского перевязал и горцам лежавшего без сознания подпоручика не отдал. При этом самого солдата ранили в плечо, за это получил он Знак Военного ордена — солдатский Крест.

Ничего этого, оказалось, офицер не знал, не знал и имени своего спасителя, а как попал в 63-й Углицкий полк — так спросить и не у кого было.

Сказал Домбровский Ивану, зачем приехал он в 31-ю дивизию, пояснил, что все сопровождающие вернутся обратно в свои полки и за время пути будет положено им двойное содержание, а возможно, и отпуск. Предложил он унтер-офицеру, которому в полной мере доверял, отправиться с ним, а также позвать в дальнюю дорогу и Евдокимова. Сказал еще, что поохотимся, мол, там на медведей, и пошутил: «Если далеко заберемся, то и белых медведей повидаем». А потом объяснил, что белые медведи живут у северных льдов, вдвое побольше бурых будут и очень уж ловкие:

когда на морского зверя — нерпу охотятся, так чтоб на снегу их не заметили, нос свой черный лапой прикрывают, хитрюги.

Иван войну припомнил: когда в поиск ходили, то рожу себе сажей иной раз мазали — так лунной ночью сподручнее и в непогоду с десяти шагов уж не видать...

Нашел Иван Евдокимова, привел его, как просил Домбровский, к штабу. Обнял офицер своего спасителя, поблагодарил тепло, пожал руку — к слову сказать, случай для того времени редкий.

Отметить надо, что кроме тех отличий, что были и на рукаве Иванова мундира, носил Тимофей еще золотой шеврон из галуна — за добровольный отказ от производства в офицеры.

Теперь уже им обоим предложил Домбровский сходить с командой Виленского округа за Уральские горы, путями, которыми ходил когда-то Ермак, и дальше к Лене-реке...

Если бы кто другой предложил солдатам добровольно покинуть эти тихие, красивые места, скорее всего, отказались бы они, а тут дали свое согласие. Тем более что предстояло пройти и по родной Волге — не был там Иван без малого почти двадцать лет. Да и Тимофей своих навещал давно уж, сразу после ранения; после того отпуска спустя время родились у него парень с девкой, сразу двое...

Встрече солдат с Домбровским предшествовали следующие обстоятельства.

В 1867 году для местных военных команд Сибири предусматривались новые штаты, согласно приказам Военного министра за номерами 281 и 285, причем в Восточной Сибири кроме того предписывалось сформировать восемь новых команд.

В ходе поисков в РГВИА материалов о формировании войск Восточной Сибири я узнал, что большинство дел, которые могли бы касаться этого вопроса, к сожалению, уничтожено «на основа-

нии отборочного списка... от 15.05.48 г.», причем подлинный этот список подписал некто «старший архивный технический сотрудник» Е.

Тем не менее поиски мои продолжились и, как показано выше, дали результаты. Вначале найдены были материалы «О комплектовании войск Западного и Восточного Сибирских военных округов...», а затем и документы «О сверхкомплекте войск Западного Сибирского военного округа и об отправке их в войска Восточного Сибирского военного округа».

В те времена нижние чины переводились в войска сибирских округов в том числе и за проступки, например, «за произнесение дерзких выражений против Императорской фамилии». Направляли туда и солдат, «отступившихся от православия». Но к нашему поиску такие случаи прямого отношения не имеют.

Наконец попадаете мне дело Главного Штаба Военного министерства «Об укомплектовании местных команд в Восточном Сибирском Военном округе», и практически сразу нахожу я искомый документ. Направлен он был «Его Сиятельству Графу Федору Логиновичу Гейдену» за подписью Командующего Войсками Восточного Сибирского военного округа в конце апреля 1867 года, а 2 мая лежал уже на столе Начальника Главного Штаба.

В документе отмечалось:

«Рапортом от 18.01. с. г. за № 124 я просил господина Военного Министра об исходатайствовании законного утверждения предположений Военно-Окружного Совета Восточно-Сибирского военного округа относительно увеличения команд Иркутской и Енисейской губерний.

...Я просил о командировании кадра из старослужащих чинов полевых войск, расположенных во внутренних губерниях России.

Выбор людей... полагаю полезным произвести на тех же основаниях, на которых он производился в 1865 году...

Предоставление этого выбора ближайшим командирам частей войск весьма легко может привести к тому, что назначенные в местные войска Восточной Сибири чины не вполне будут удовлетворять действительным требованиям.

При той громадности расстояния, какое придется проследовать... всякий человек слабого сложения или не безупречной нравственности..., не дойдя до места назначения... оставлен будет в одном из попутных госпиталей, делаясь невольной жертвой суровости Сибирского климата, в последующем же потребует еще особого надзора за собой.

...по примеру 1865 года считаю необходимым просить Ваше Сиятельство... не отказать в командировании с этой же целью полковника Клейна.

Штаб-офицер этот... исполнением последнее время обязанностей Иркутского Губернского Воинского начальника вполне ознакомился с теми местными особенностями, которыми обуславливается несение гарнизонной службы в Иркутской и Енисейской губерниях...»

В докладе по Главному Штабу, оперативно представленному руководству, предписывалось «назначить в этом году на укомплектование войск Восточной Сибири... нижних чинов из военных округов:

- Варшавского (6-я и 7-я пехотные дивизии),
- Виленского (16-я, 26-я и 27-я пехотные дивизии),
- Петербургского (22-я и 24-я пехотные дивизии),
- Московского (33-я и 35-я пехотные дивизии),
- Казанского (2-я пехотная дивизия)».

Здесь же, соглашаясь с мнением Командующего войсками Восточного Сибирского округа, чиновники одного из департаментов Военного министерства подчеркивали: «...но для службы в Восточной Сибири необходимо выбирать людей вполне здоровых

и крепкого телосложения, дабы они были в состоянии переносить суровость Сибирского климата».

Как видим, 31-я дивизия не упоминается в этом документе, но в телеграмме об офицерах сопровождения, которым, кстати, предлагалось выдавать годовой оклад жалования и двойные прогоны, вообще не расписывались номера дивизий, откуда они должны быть командированы, то есть вопрос этот решался в округе.

Вместе с тем в найденных мной материалах значилось: «...в сопровождение нижних чинов, направляемых в Сибирские округа, наряду с офицерами, направлять унтер-офицеров».

Это во-первых. А во-вторых, как видно из документов, не удавалось в ряде случаев сформировать и сами команды из нижних чинов только упомянутых выше дивизий. Тогда и появились такие, например, доклады Военному министерству: «...ввиду недостатка унтер-офицеров в 6-й, 7-й ...пехотных дивизиях выделяли их из...» — и далее упоминались четыре-пять других дивизий. Видимо, это было делом обычным, и решалось оно на уровне командования округов и начальниками дивизий.

Вернемся, однако, к докладу по Главному Штабу от 15 мая 1867 года, который определял состав команд, порядок их формирования и следования к местам назначения. При укомплектовании местных команд в Восточном Сибирском военном округе Военным советом сделано представление Главному Штабу об увеличении штата этих команд:

«...сверх существующих 10 местных команд... сформировать вновь 8 местных команд в пунктах:

- в Енисейской губернии — одну,
- на Троицком Солеваренном заводе, в Иркутской губернии — 6, именно в гг. Балаганское, Верхоленске, в Братском остроге и на заводах Александровском, Иркутском и Устькутском солеваренном,
- в Якутской области — один (в г. Якутске).

Во всех 18 местных командах по новому штату иметь:

Обер-офицеров	—	36	Рядовых	—	2210
Фельдфебелей	—	18	Писарей	—	23
Унтер-офицеров	—	198	Фельдшеров	—	18
Барабанщиков	—	18	Цирюльников	—	18
Горнистов	—	5	Денщиков	—	36.

Согласно сему... прибавить 18 обер-офицеров, 1336 нижних чинов, в числе коих 119 унтер-офицеров, 13 музыкантов (барабанщиков и горнистов), 1160 рядовых, 12 писарей, 18 фельдшеров, 8 цирюльников и на все вообще команды 3-х оружейников и 3-х оружейных мастеров.

...Нижних чинов назначать из прослуживших не менее трех лет и проявивших желание служить в Сибири, хорошего поведения и вообще со всеми условиями для службы в местных войсках.

...Женатым нижним чинам, назначенным на укомплектование местных команд Восточно-Сибирского Военного Округа в видах скорейшего заселения того края, разрешить брать с собою свои семейства, дозволять взимание для них особых подвод.

А. Маршевые команды без оружия и амуниции до Нижнего Новгорода следуют по железной дороге при своих офицерах.

Б. Далее до Перми сплавом по рекам Волге и Каме на компанийских пароходах, эшелонами.

В. От Перми до Тюмени 4-мя эшелонами обыкновенным походным порядком.

Г. От Тюмени до Томска сплавом по рекам Туре, Тоболу, Иртышу, Оби.

Д. От Томска до пределов Восточной Сибири до города Ачинска порядком, указанным в пункте В.

Е. По Восточной Сибири по распоряжению Командующего войсками Восточной Сибири тем порядком, какой он признает более удобным.

Во время пути нижним чинам производить следующее довольствие:

- а) по железной дороге — на общем основании,
- б) по Волге и Каме — кормовыми деньгами по 8 коп. в сутки на человека.

Далее довольствовать кормовыми деньгами для команд, не имеющих штатного устройства.

По Сибири кормовыми деньгами и винными порциями по рекрутскому положению».

Позже, в сентябре, когда обозы были уже в пути, появился приказ по Военному ведомству, где в силу возникших с формированием команд трудностей предписывалось, в отличие от приведенного выше документа, «...допускать комплектование местных команд Восточно-Сибирского военного округа не одними старослужащими нижними чинами, также и молодыми солдатами, не прослужившими трех лет, ровно рекрутами, окончившими образование в резервных батальонах и других частях».

Теперь уже вряд ли могли командиры полков и дивизий в полной мере исполнять указание о назначении в команды солдат, только «проявивших желание служить в Сибири, хорошего поведения».

Вернемся, однако, в Виленский военный округ, где назначенные офицеры сопровождения уже подбирали надежных унтер-офицеров, которые могли бы справляться на протяжении длительного и трудного пути с возложенными на них задачами.

А задачи эти оказались непростыми.

Во-первых, помощь офицерам в организации движения по установленному маршруту с достаточно жесткими контрольными сроками прибытия в пункты следования. Нарушение сроков, например, из-за замерзания рек, сезонной непроходимости дорог или иных подобных обстоятельств могло привести вообще к срыву движения команды.

Во-вторых, хотя в тексте рапорта на имя Гейдена упоминается, что не желательны для отправления в Сибирь люди «не безупречной нравственности», понятно, что каким бы ни был отбор, «ближайшие командиры частей войск» постараются при малейшей возможности избавиться именно от таких солдат.

Следовательно, поддержание дисциплины в подобранной таким образом команде, которая к тому же должна следовать через места достаточно глухие, также целиком ложилось на немногочисленных офицеров и унтер-офицеров сопровождения.

В-третьих — это вопросы снабжения, организации транспорта, квартирные и денежные, наконец, охраны — ведь с оружием следуют только сопровождающие.

Из Виленского округа необходимо было сопровождать команду из 360 нижних чинов, среди них 41 унтер-офицер и порядка 10 человек с семьями. В качестве сопровождающих отобрали восемь унтер-офицеров и среди них Иван Арефьев.

Когда завершили все формальности, отобранные в дивизиях солдаты отправились походным порядком в Вильно, где располагался Штаб военного округа. Там провели смотр состояния здоровья и внешнего вида всех нижних чинов, включая сопровождающих, однако положенные в таких случаях вопросы на предмет выявления жалоб и претензий представителями командования почему-то не задавались.

Иван стоял в строю, вспоминал, как прощался с товарищами в полку, особо с солдатами своего отделения. Время возвращения никому известно не было, одно ясно: уходят они с Евдокимовым не на один месяц.

Ротные и батальонные командиры их-то как раз отпускать не хотели, но список, представленный за подписью полковника Клейна, никто корректировать не решился. Остальные унтер-офицеры отбирались Домбровским в других полках, все они отслужили более десяти лет, были среди них участники и Крымской кампании.

В Вильно команда, уже в полном сборе, окончательно подготовилась в дорогу: офицеры сверили списки, сделали необходимые запасы продовольствия, здесь же решился вопрос и с транспортом. На все это ушло несколько дней.

Вильно расположился на реке Вилии, на месте впадения в нее реки Вилейки, еще в XIV веке; жителей в нем насчитывалось тогда не более восьмидесяти тысяч. В XIX веке этот губернский город чем-то походил на белорусские города: то же соседство православных храмов с католическими соборами и еврейскими синагогами, то же поразительное величие и красота старинных построек на грязных немощеных улицах, запущенные дворы.

Перед походом Иван с Тимофеем отстояли утреннюю службу в Пятницкой церкви. После службы, выйдя из-под сводов храма, солдаты еще раз перекрестились, надели фуражки и, по совету Домбровского, отправились прогуляться по городу. Между прочим, постояли у старинного собора Пречистой Богородицы (только через год он будет освящен как православный) и уж потом зашагали к казармам.

На следующий день в шесть утра после построения и переключки, докладов офицеров команда Виленского военного округа двинулась в путь...

Вдогонку этой и другим командам послана была телеграфом Юза телеграмма за подписью генерал-фельдмаршала графа Берга, где среди прочего отмечалось: «...офицерам сопровождения выдать годовой оклад жалованья и двойные прогоны».

Видимо, вопрос содержания унтер-офицеров сопровождения решался другим циркуляром, мне неизвестным, но думаю, что в части оклада жалованья нечто подобное все-таки определялось.

Из содержания упомянутой телеграммы можно также предположить, что время в пути рассчитывалось длиною в год.

Приведем еще выдержки из предписания Военного министерства, которое требовало неукоснительного исполнения: «Военный

министр, озаботившись соответственным выбором укомплектования команд..., приказал, чтобы назначенные на укомплектование чины были осмотрены на пути следования в С.-Петербурге, Москве, Казани..., причем больные или не соответствующие не посылались бы далее, а заменялись бы другими, из ближайших к назначенным пунктам полевых войск».

Документ этот подписал собственноручно Начальник Главного Штаба.

Отсюда, между прочим, следует, что такая замена могла производиться отнюдь не в соответствии с желаниями нижних чинов. Да об этом тогда и не говорилось.

Офицеры, направленные в Восточный Сибирский военный округ не в качестве сопровождающих, а для дальнейшего там прохождения службы, отбывали, скорее всего, в иные сроки и независимо от движения команд.

Часть из них находились в отпусках, а часть наверняка писали рапорты, где излагали причины, которые, как они считали, делали новое назначение совершенно невозможным.

В пути следования ответственность за всевозможные происшествия возлагалась на сопровождающих, что, как уже отмечалось, предусматривалось изначально.

Итак, команду Виленского округа возглавляли поручики Домбровский и Зинович с приданными им унтер-офицерами сопровождения в количестве восьми человек. А еще были с ними: один писарь, один цирюльник, барабанщик без барабана да оружейный мастер.

В четыре вагона третьего класса эшелона, прибывшего в Вильно, уже погрузились около трехсот нижних чинов из Варшавского округа; для солдат Виленского округа предусматривалось такое же количество вагонов на триста шестьдесят человек. Ко всему привычные, солдаты кое-как разместились, и поезд тронулся в Санкт-Петербург. Особых хлопот дорога сопровождаю-

щим не доставила; несколько раз Домбровский и Зинович прошли по вагонам, которые занимали солдаты; сами они и два фельдшера ехали вторым классом.

Спать Ивану пришлось сидя, некоторые устроились между лавками. Проводник показал, куда ходить по нужде, где брать воду.

Как и большинство, Иван ехал поездом впервые. Пыхтение и шипение паровоза, стук колес, гудки, дым и копоть да еще и теснота — что здесь хорошего! Поразила солдат скорость — верст сорок в час, они и думать не могли, что возможно так быстро ездить. Пока было светло, те, кто мог протиснуться к окнам высотой в аршин, таращились на пробегающие мимо картины.

В Петербург приехали очень рано, при свечах, за окнами едва светало. Построились командами, отдельно нижние чины Виленского округа, отдельно — Варшавского. В казармы отправились куда-то в район Карповки, неподалеку находились еще казармы — Гренадерские, построенные гораздо раньше.

Отсюда солдат не выпускали, здесь они ели и спали, здесь в бане дорожную пыль смыли. Потом (было это, как говорят документы, 23 июня) устроили трем командам, включая петербургскую, смотр. Смотр проводил Начальник местных войск Петербургского военного округа.

Стоя в строю, видел Иван генерал-майора, придирчиво оглядывавшего каждого. Задавал он нижним чинам и офицерам вопросы, потом, считай, каждому десятому приказал предъявить скатанные шинели. Когда стал генерал вызывать офицеров по списку, выяснилось, что нет на плацу поручика Зиновича...

Замечаний было высказано много. Обнаружилось, что солдаты дивизии, откуда командирован и Зинович, шинели имели негодные — видно, свои, 1867 года выдачи, распоряжением командиров оставили в ротах. Заменяли же их старьем, совсем изношенным, да еще без пуговиц. Отметили и другие недостатки, о которых Зинович не мог не знать. Вероятно, в дивизии исправить положение

ние либо не смог, либо не захотел, и неслучайно поэтому решил он начальству на глаза не показываться.

Домбровский же в шинельных скатках, конечно, ничего заметить не мог, да и проверять солдат из дивизии другого офицера казалось ему неловко. Теперь все нарекания приходилось выслушивать ему.

Как и другие сопровождающие, Иван все это понимал, обидно ему стало за своего командира, тем более что солдатам 16-й дивизии никаких замечаний на смотре не предъявили и жалоб от них не услышали, а внешний вид и обмундирование солдат удостоили даже особой похвалы.

Хотя из казарм не выпускали, все же несколько человек после смотра ушли в самовольную отлучку и вернулись только утром следующего дня, а один вовсе не возвратился и числился теперь в бегах. Трех к утреннему построению обнаружили пьяными, один из них оказался из команды Виленского округа. Десять человек за самовольную отлучку и пьянство и двоих по болезни оставили в Петербурге.

25 июня команды, теперь уже трех округов, погрузились в поезд и отправились в Москву, куда и прибыли на следующий день без приключений.

Красивое здание Николаевского вокзала солдаты увидели только со стороны — разгружался эшелон недалеко от вагонного депо. Как водится, после переклички проследовали строем вдоль путей и, оставив вокзал по левую сторону, направились частью в Покровские, частью в Хамовнические казармы.

В Москве повторилось все то же, что и в Петербурге, с той лишь разницей, что обошлось без беглецов и пьяниц — из казарм солдат не выпускали. Кое-как привели в порядок мундиры, частично заменили шинели, нарекания на которые были еще в Петербурге, однако там по каким-то причинам вопрос этот не решился. Провели еще один смотр.

Через два дня поезд с командами четырех уже округов, включая Московский, отходил с Нижегородского вокзала.

Деревянное здание Нижегородского вокзала выглядело совсем неказистым по сравнению с Николаевским. Располагалось оно тогда за чертой города, на той территории, что занимает сейчас Курский вокзал, выстроенный значительно позднее.

Некоторая, небольшая часть солдат ехала с семьями, таковые были из Виленского, а теперь и из Московского округа.

Тем временем в Военное министерство поступил рапорт Начальника местных войск Санкт-Петербурга «Об осмотре маршевых команд..., следующих в Сибирь», где, в частности, отмечалось:

«23 июня мною лично осмотрены... нижние чины... многие люди одеты не опрятно, мундиры поношены и шинели старые, особенно из нижних чинов, выделенных из 27-й дивизии и из 23-го Низовского полка 6-й дивизии, не выданы мундиры на 67-й год нижним чинам 30-го Полтавского, 27-го Витебского, 25-го Смоленского, 28-го Полоцкого полков.

Не выдано шапок в 13-м Нижегородском, отобраны пуговицы с мундиров и шапок у нижних чинов 27-го, 25-го, 28-го полков. У унтер-офицеров и нижних чинов 32-го Кременчугского, 21-го Муромского полков отобраны пуговицы с мундиров, пантолонов и шапок...

В 106-м Уфимском полку, 16-й, 23-й, 14-й пехотных и 1-й Гренадерской дивизиях вид людей добрый и здоровый, мундиры в порядке...»

В рапорте также отмечались жалобы солдат на невыдачу им собственных денег, причем один из них не досчитался 14 рублей и 40 копеек... Что это — обыкновенное разгильдяйство начальствующего состава полков и дивизий, воровство или непрофессионализм...

Наверное, и то, и другое, и третье...

А ведь приказами Военного министра, циркулярами за высокими подписями, казалось бы, все предусмотрено, необходимо

только четко исполнять полученные указания в роте, полку, дивизии, наконец! Одно дело для солдата сносить вполне оправданные лишения военной службы и совсем другое — терпеть трудности по вине командировавших их в дальние гарнизоны горе-командиров.

Офицеры и унтер-офицеры сопровождения это хорошо понимали, знали, что накопленные обиды в команде, собранной из разных полков, в долгой дороге могут иметь последствия. Поэтому Домбровский, пока поезд катил в Нижний Новгород, побеседовал со своими унтер-офицерами, а потом и с солдатами 16-й дивизии. Люди подобрались там, конечно, разные, но дисциплину соблюдали, некоторых поручик знал с 65-го года. Одеты и обуты они в своих полках были по форме, значит и обиды особой на командиров держать не могли.

Теперь, считал он, в команде Виленского округа наберется человек тридцать, на которых можно положиться, да и другие солдаты его дивизии не должны подвести.

А это немаловажно, поскольку Зинович обязанностями своими зачастую пренебрегал и, хотя служил уже не первый год, по всей видимости, человеком оказался не вполне надежным.

В Нижний прибыли 1 июля...

Губернский город растянулся вдоль речных берегов в месте слияния Оки с Волгой, разбросался по высоким — десяти и более саженьей — окрестным холмам. Основателем его считают Велико-го князя Георгия Всеволодовича, в Преображенском соборе, наряду с древнейшей иконой Святого Спаса, хранили и его шапку.

Основными достопримечательностями Нижнего Новгорода — кроме, конечно, знаменитой ярмарки — были соборы и монастыри; некоторые из них строились еще в XIII, XIV веках (также как и Кремль, возведенный при Великом князе Василии, где позже поставили памятник Минину), однако законченный вид приобрели они к началу XVI века.

Выйдя с вокзала, сопровождающие зашагали по Московской улице, оставляя слева ярмарку, которая уже через месяц-полтора должна заполниться товарами, свеженными сюда купцами со всех городов и весей.

Свернули на плашкоутный (наплавной) мост и перешли на другой берег Оки. Команда проследовала по Волжской набережной к Красным казармам. Здесь в течение трех дней жили солдаты, ожидая подряда с одной из пароходных компаний, чьи суда ходили по Волге и Каме, пополняли припасы в дорогу, приводили, по возможности, одежду в порядок.

Сводили солдат очередком в церковь Святого Георгия, что располагалась неподалеку; многие ставили свечи за здоровье своих близких, а кто и за упокой, просили для себя помощи и удачи в трудном пути...

Иван и Тимофей в очередь с другими сопровождающими прогулялись по городу, посмотрели Кремль, потом мимо купеческих домов и торговых зданий прошли по Покровской улице — счистай, через весь город, насквозь.

Еще успели солдаты, как положено, сходить в баню, свой же цирюльник почти всех побрил и постриг. Сопровождающих унтер-офицеров обработал особенно аккуратно, за что получил в ладонь от каждого по монетке.

Теперь, согласно предписанию, до Перми предстояло отправиться на «компанейских пароходах» сначала по Волге, с остановкой в Казани, а потом по Каме.

Расстояние до Казани водным путем составляло около четырехсот верст, для судоходства наиболее благоприятными считались май—июнь месяцы, когда благодаря высокой воде безопасными становились многочисленные в другое время мели и перекааты, расположенные зачастую и вблизи фарватера.

Впрочем, Волга наиболее полноводна именно после впадения в нее Оки, а июль только начинался, так что вряд ли следовало ожидать каких-либо неприятностей до конца сплава.

В то время пароходства «По Волге», «Кавказ и Меркурий», «Самолет», «Дружина» были самыми крупными в Волжском бассейне; их суда, в том числе товарно-пассажирские, буксирные пароходы и баржи вполне подходили для транспортировки солдат эшелонами. Центральные конторы первых трех находились в Петербурге, там и оформило Военное ведомство заведомо, в соответствии с маршрутом движения, надлежащие документы.

Здесь, в Нижнем, зафрахтовали на конкретные сроки буксирные пароходы, а также необходимое количество барж. Утром 4 июля в одной из двадцати пристаней, что тянулись на несколько верст по правому берегу Волги, команда Домбровского и Зиновича грузилась на две баржи из четырех, которые брал на буксир колесный пароход.

Баржа, куда определили вместе с командой Ивана, оказалась сажень тридцать длиною, в трюме везли какие-то товары, солдат же разместили на палубе.

Плыли днем и ночью, по обе стороны бакены обозначали фарватер, ночью справа — красными фонарями, слева — белыми, сами крашены были в такие же цвета.

В пути миновали многочисленные острова. Грелись солдаты на солнышке, мягкая волна плескалась, шлепала о борта; справа, как водится, берег возвышался крутизной, иногда высотой до семидесяти сажень, левый, пологий, уходил вдаль болотной зеленью. Местами русло реки достигало семисот и более сажень, а то вдруг сужалось до ста. Тогда фарватер прижимался к крутым обрывам совсем близко.

Пароходы, колесные и винтовые, но больше парусники, баржи и барки чередою плыли навстречу, судов на бичевой тяге (конной или людской) не встречали: бурлаки оставались только в вер-

ховьях Волги. Перевозили по реке хлеб, соль, рыбу — миллионы пудов груза, тысячи пассажиров.

Причаливали в Васильуральске, Чебоксарах, еще где-то; малые пристани оставляли позади каждые десять-пятнадцать верст, к ним не подходили. А где подходили, с барж снимали товар, грузили другой; солдат при этом на берег отпускали редко, да и то под присмотром. В верстах ста от Казани миновали знаменитый Урановский пережат, матросы говорили, что в мелководье в этом месте можно и не пройти.

Через четыре дня пришли в город Казань. Здесь к эшелону присоединилась команда солдат 2-й пехотной дивизии, всего чуть более ста человек; был ли у них проведен смотр, Иван не знал, обшего же смотра не проводилось.

Оставалось пройти по Волге еще верст восемьдесят, а потом по Каме порядка 750 верст.

Пока же баржа вторые сутки стояла в затоне. Домбровский, прежде чем отправиться в город, приказал фельдшеру всех осмотреть. Иван с Тимофеем выкликали солдат по спискам, основательно проверяли состояние обмундирования, запасы продовольствия...

Команду дальше причала не пускали, солдаты местного гарнизона несли здесь охрану. Когда Тимофей попытался объяснить фельдфебелю, что они с Иваном сопровождающие, это никак не подействовало на служивых, и десяток солдат продолжали стоять как стояли с ружьями в руках.

Глядя на Евдокимова, Иван понял: тот не на шутку разозлился и сейчас думает, то ли казанских пустить с причала по реке, то ли наплевать и вернуться на баржу.

Все решилось само собой: неожиданно быстро вернулся Домбровский и сказал, что времени гулять нет, команда сейчас же отправляется дальше. Пароходик-тягач запыхтел, и спорить с местными стало уже не о чем.

За двое суток в баню так и не попали, решили, что помоются в июльской воде теперь при следующей остановке, благо мылом запаслись загодя. Когда вернулись на баржу, Тимофей раскурил трубку и стал выговаривать Ивану: вишь, подумали, небось, что мы с тобой в бега собрались, вот и не пускали. Посмеялись оба, и злость прошла.

Солнце жарило по-прежнему, плыли в вышине редкие облака.

На Каме уже реже встречались пассажирские суда, зато в десятки раз больше было буксиров, что тащили баржи с хлебом, солью и железом; строительный лес и дрова шли по реке в плотках, тянулись они на сотни саженьей.

Плыли в Пермь через Чистополь, Нижне-Камск, Сарапуль, по-прежнему за сутки уходили верст на сто.

В Чистополь пришли на вторые сутки, здесь, на левом берегу, задержались до позднего вечера. Партиями, человек по пятьдесят, отправляли команду купаться на мелководье, постирать исподнее. У местных прикупили потом солдаты свежей рыбы, сварили уху, обедали и отдыхали.

Ближе к ночи двинулись дальше на восток, поутру солнце вставало по носу и обходило баржу справа.

Заканчивалась вторая неделя сплава, даже те солдаты, что больших рек раньше не видели, уже пообвыкли, ртов не разевали, глядя по сторонам, а, разомлев на солнце, сидели или лежали на дощатой палубе.

Иван, расстелив шинель, растянулся на ней и смотрел в небо под равномерное покачивание баржи. Шум и возню по левому борту слышал, когда начал уже подремывать. Протиснувшись сквозь толпу солдат, увидел, что стоят друг против друга набычившись Ерофей Мельников и Николай Антипов. Заметил Иван в ру-

ке Антипова лезвие, вершков пяти. Мельников в поисках какой-нибудь железяки шарил в ящике с инструментом.

Шагнул Иван к драчунам, но его опередил Тимофей. Оттолкнул Ерофея в сторону, нарочито не спеша обернулся к Антипову: «Ножик-то брось...»

Редко кто решился бы пойти против Евдокимова, про таких, как он, говорили: в плечах сажень. Да и что не раз бывал Тимофей в делах, солдаты тоже знали.

Однако смуглый лицом Антипов, чем-то смахивающий на цыгана, всей повадкой выказывал умелого бойца и слушать унтер-офицера не хотел. Лезвия не спрятал, а наоборот, предложил «народ потешить» и кивком указал Тимофею на нож, что висел у того на поясе под левой рукой.

Солдаты слегка подались назад, освобождая место. Иван медленно стал заходить Антипову за спину. Тимофей же спокойно стоял на прежнем месте, без страха отвечал, что не на гулянке, мол, чтобы тешиться. А потом неожиданно глянул противнику за левое плечо и громко крикнул: «Не тронь, я сам!»

На мгновенье лишь скосил Колька глаза, тут же крутанул ему Тимофей руку; упал тот на колени, а нож отлетел в сторону.

Тимофей поднял клинок, провел пальцем по лезвию и попросил Антипова отдать ему чехол, «чтоб нож не затупился», пообещал вернуть, когда тот остынет.

Колька молча достал ножны из толстой кожи. Тимофей сунул в них нож и спрятал за голенище, отвел Ивана в сторону: «Плохо, однако, что Варька-то, жена Мельникова, сама к Николаю приклоняется, черт бы ее драл! Теперь неизвестно, как все завяжется. Антипова бы в другую команду сплавить, так не возьмет никто...»

Случай этот имел неожиданное продолжение некоторое время спустя, когда прошли еще тысячу верст пути... А пока оставалось внимательно приглядывать за обоими солдатами — дальше бортов ведь не разведешь.

Иван с Мельниковым разговаривал, присоветовал, что мог, но тот лишь молча сверлил глазами палубу. На том и разошлись. Оба понимали: со своей бабой Ерофею самому разбираться.

Плывет пароход, шлепает колесами, тащит баржи против течения, теперь к северу, до города Перми — конечного пункта пути на Каме. Пришли туда в конце второй недели июля; притащил баржи буксир, построенный лет пять назад, кстати, на пермском заводе.

Расстояние от Перми до Тюмени в шестьсот девятнадцать верст планировалось покрыть за сорок дней при двадцати девяти переходах на маршруте, на дневки, таким образом, оставалось дней десять; дорогу предстояло осилить «обычным походным порядком». Четыре эшелона сформировали по военным округам, только солдат из Казанского округа присоединили к команде Варшавского и этим все эшелоны практически уравнили.

Как всегда в таких случаях, готовились основательно, наняли подводы для перевозки семей и запасов, что брали с собой в дорогу, и, конечно, подводы для офицеров сопровождения.

Домбровский и Зинович почти все время проводили у чиновников Губернского воинского начальника. Арефьев и Евдокимов, другие унтер-офицеры еще и еще раз проверяли состояние одежды и обуви солдат, всех постарались разместить в казармах местных войск. Однако кое-кому все-таки пришлось остаться тут же, в порту, где, казалось, все пропиталось солью, которую грузили на баржи мешками.

В город ходить было некогда — торопились выступить как можно скорее, успели побывать только в бане и в ближайшей церкви. Эшелон Виленского округа отправился в Тюмень 20 июля.

От Перми шли на юго-восток. Через четыре дня в районе Кунгура переправились через реку Ирень, здесь в ближайших двух селах отдыхали три дня.

После отдыха через Сылвинский кряж двинулись дальше, останавливались только на ночевки. Пройдя еще около ста восьмидесяти верст по Сибирскому тракту, подошли к реке Чусовой.

Для переправы выбрали подходящее место, не стесненное утесами, которые высились по берегам реки, покрытые густым хвойным лесом, в основном елью.

Через Чусовую — в этом месте ширина ее не превышала двадцати саженьей — переправлялись на плотках, на них же загоняли повозки и лошадей.

Августовские дни стояли жаркие. Уработались все на переправе, однако отдых в четыре дня предстоял лишь в Екатеринбурге, здесь разрешили только искупаться.

Иван и другие сопровождающие разделись, но оставались на берегу — следили за солдатами, плескавшимися в реке, пускали их в воду человек по пятьдесят разом.

И тут, на Чусовой, случилась беда: то ли плохо умел плавать солдат, то ли судорога его схватила, стал он сильно бить руками по воде, потом закричал... Кто рядом был, испугался — а может, растерялся — и, вместо того чтобы помочь, шарахнулся в сторону.

С берега сначала не разобрались, что происходит на реке, а когда Иван и еще двое унтер-офицеров бросились в воду, когда подплыли к месту, где барахтался солдат, тот уже ушел под воду. Спасать утопающего кинулись и офицеры, стали нырять ниже по течению... Вытащили все же, но поздно: захлебнулся человек...

Фельдшер долго пытался вернуть ему дыхание: опрокинул лицом вниз, старался вытолкнуть воду из легких, но все оказалось напрасно.

Тогда в журнале сделал Зинович запись: «...августа, купаясь, утонул... Сергей Боярский, труп... был найден в реке..., но приня-

тыми мерами лекаря Карпенко, Боярскому жизнь осталась не возвращенной...»

Боярского похоронили на берегу, поставили, как водится, крест.

Команда двинулась дальше и через три дня прибыла в Екатеринбург. Крупный уездный город считался тогда столицей Урала, и совсем недавно законодательно перевели его из военно-горного ведомства в гражданское.

Сто пятьдесят лет назад строил здесь генерал Генин силами солдат Тобольского полка медеплавильные и металлургические заводы. Потом солдаты, вместе с семьями, приписанные к этим же заводам, обязывались служить по тридцать — тридцать пять лет у плавильных печей.

Жестокость наказаний приписанных к заводам людей в те и последующие годы была такова, что повешение без пыток принималось зачастую беглецом или иным провинившимся чуть ли не с благодарностью.

Вернемся, однако, в год 1867-й.

Отдыхали команды четыре дня, отмывались, приводили себя в порядок. Зинович с несколькими солдатами побывал в церкви, заказал заупокойную службу: видно, винил себя за смерть Боярского, в одной роте служил с ним.

В городе, жителей которого насчитывалось тогда тысяч тридцать и почти четверть из них — мастеровые, видел Иван много заводских строений. Понравился, однако, Екатеринбург ему своими садами да красивыми домами. Зашли Иван с Тимофеем на базар, купили они кое-что по мелочи.

Отдохнув, оставили команды Екатеринбург, предстояло пройти им еще верст триста. На четыре дня остановились в Пышме, потом неделю были в дороге и, как предписано, на сороковой день, в конце августа, подошли к Тюмени.

Тюмень, уездный город Тобольской губернии, стоял на берегах реки Туры, а название взял он от реки Тюменьки, которая впадала в Туру. Жителей в городе было тогда около тринадцати тысяч. На этом месте до второй половины XVI века стоял татарский городок Чинги-Тур, напоминанием о нем служили вал и ров у места, что называли Царевым Городищем.

Известно, что через Тобольск проходил Сибирский тракт, шли по нему люди, переправлялись товары, главным образом, хлеб. Отсюда же по рекам Туре, Тоболу, Иртышу и Оби ходили до Томска суда с грузами. Кстати, этот же маршрут бороздил и самый большой в те годы во всей Сибири пароход под названием «Сибиряк». Потом еще семьдесят пять лет, до начала сороковых годов XX века, перевозил он по Оби и ее притокам людей и грузы.

В Тюмени пришлось оставить заболевших в пути солдат. Иван отвез их на двух телегах в местный лазарет, передал лекарю список и другие документы на больных, а на руки получил бумагу с печатью для офицеров сопровождения.

Тогда же пригнали в город партию каторжных, принял их тюремный замок, одних надолго, других, что пойдут дальше, на несколько дней. Шли они под охраной конвойной команды, которая сменялась от этапа к этапу. Каторжане прикованы были наручниками к одной длинной металлической цепи, тянувшейся между рядами. Позади партии на телегах везли больных и немощных, среди них видел Иван несколько женщин, закутанных в сермягу.

Через два дня погрузились опять на баржи, тащил их буксир товарищества «Широков и К°». Начались дожди, задули холодные ветры. Солдаты разместились в трюмах, на палубу выходили теперь редко — глотнуть свежего воздуха или покурить. На высокие берега из красной глины, что проплывали мимо, где в пятидесяти, а где и в ста саженьях от путешественников, почти никто и не глядел: зябко, да и сплав всем уже приелся.

По Туре, Тоболу тянул буксир баржи по течению на север. За сутки проходили по сто двадцать верст и более, в Иртыш вошли на четвертый день.

В губернском Тобольске пробыли пол дня. Тамошние жители рассказывали, что когда-то здесь, в столице Сибирского царства, жил царь Кучум со своей женой. Именно по этим местам много лет назад прошел Ермак; на Иртыше, в верстах семидесяти от Тобольска, он и погиб. Ермакову Заводь показали потом матросы, что служили на барже.

Дома в Тобольске стояли все сплошь деревянные, Кремль же выстроили из белого камня, на правом берегу, и виден он был издалека — еще с баржи приметили его солдаты.

Сопровождал Иван Домбровского в город, много повстречали они там военных — офицеров и нижних чинов. В торговом ряду купил Иван себе и Тимофею меховые рукавицы — в запас: к тому времени начинались уже утренние заморозки, предвестники близких сибирских холодов.

От Тобольска по Иртышу (ширина русла его здесь достигала пятисот саженей) отмахали шестьсот верст, до впадения в Обь. К концу второй недели сентября, через пять дней пути, вошли в Обь. Навигация приближалась к концу, река могла стать уже в середине октября. Поэтому торопились многочисленные суда, плыли вверх и вниз по течению, везли товары, пассажиров, ка-торжные этапы в Сибирь.

Дня через три пришли в Сургут, а еще через пять дней пути — в Нарым. На одном из причалов с соседней баржи услышал Иван слова заунывной арестантской песни:

Ах, ты до-о-ля, моя до-о-ля,
До-о-ля-до-о-люшка моя...
Ах, заче-е-м же, злая до-о-ля,
До Си-би-и-ри до-о-вела...

Не за пья-а-нство и буй-а-нство,
И не за но-о-чной разбой
Стороны ро-о-дной ли-и-шился —
За крестья-а-нский мир честной.

Год в ту по-о-ру был го-о-л-о-одный:
Стали подать со-би-и-рать,
И после-е-днюю скоти-и-ну
За бесце-е-нок прода-а-вать...

В Томске, конечном пункте водного пути, были только к концу сентября. Город, основанный когда-то на татарских землях у реки Томи, стоял на большом Сибирском тракте. Еще «в 1804 году назначен он ...губернским» в Средней Сибири. Теперь число ссыльных в Томске и людей военного звания сравнивалось между собою, и достигали те и другие числом четырех тысяч.

В городе команды направили в казармы, а частично разместили у обывателей.

Здесь стали готовиться к дальнему пути по Сибирскому тракту. До Ачинска предстояло следовать всем вместе походным порядком, подготовка к тому шла основательная: раздавали оружие, боевой припас и амуницию; изношенное обмундирование и обувь, по мере возможности, заменяли на новые, сшитые в Томском же уезде.

Иван для себя решил и солдатам присоветовал: старые сапоги, если удастся, починить, а новые взять размером побольше, чтобы надевались на толстый носок и теплые портянки. Впрочем, ясно было: без валенок так и так не обойтись.

Больше всего возни оказалось с пуговицами: на новых шинелях они почему-то отсутствовали, пришлось перешивать со старых. У кого-то пуговиц и вовсе не нашлось, так тем разрешалось пришивать не форменные, а какие найдутся, на крайний случай — выстругивать деревянные палочки с желобком для прихвата к шинели суровой

ниткой. Унтер-офицеры за всем этим следили строго, и на четвертый день солдаты готовы были в дорогу.

Только теперь доложили Тимофей с Иваном, что в команде все в порядке, с едой и ночлегом устроено как положено, и отпросились в город.

Побродив по близлежащим улицам, унтеры по хлипкому мосту через грязную речку Ушайку, что разделяла Томск на две части, направились в нижнюю часть города.

Шли неухоженными улицами, миновали какой-то пустырь, потом овраг; ближе к окраине зачавкала под ногами грязь. Стенело, кое-где засветились уже огоньки в окнах домов.

Когда свернули еще раз, оказались на кривой дороге, проросшей по бокам уж и вовсе никудышными избами. Здесь даже собаки не лаяли, не было и палисадов...

Остановились оглядеться и решили повернуть обратно. В стороне слышались шаги, солдаты обернулись.

Женщина шла не спеша. Теплый жакет, перетянутый в талии, длинная юбка... Из-под низко повязанного платка удалось разглядеть только нос да глаза — не поймешь, то ли девка, то ли баба. И годов сколько, не разберешь: может и двадцать, а может и все тридцать с гаком.

Оглядела она обоих внимательно, потом спросила: «Ищите чего, служивые...» «Ищем, где согреться да в баньке попариться», — отвечал Тимофей. «А что на зуб положить, у нас и самих найдется», — добавил Иван.

Еще раз взглянула на них женщина: «В ту избу заходите, баньки-то не будет — нет ее у меня, а печку истоплю, согретьесь...» — и указала на скособоченную избу с одним окошком, крытую старой, почерневшей уже соломой.

Договорились, что пока топит их новая знакомая печь — а назвалась она Настей, — пройдут солдаты окраину до конца, глянут на окрестные места, а после и вернуться.

Прошлись, поглядели вокруг... Места глухие, да за плечами как-никак оружие и сами люди тертые.

Дом, что указала Настя, сначала обошли кругом: несколько жердей — другой ограды не заметили, из трубы дым идет, крыльца нет — только две ступени, рубленные в толстом бревне, за домом то ли огород, то ли сорная трава сама по себе растет — не видать...

Решились зайти в избу. «С фронта да с тыла нету неприятеля», — пошутил Иван. «Тогда зайдем к обывателю», — подхватил его напарник.

Ступили они в темные сени, тут же отворилась дверь в небольшую комнату: свет лучины падал на короткую лавку, на которой стояло ведро с водой; уцепившись ручкой за край, плавал в нем деревянный ковшик.

«Проходите», — позвала гостей Настя. Была она одета в кофту и все в ту же, что и на улице, юбку, платка совсем не сняла, а опустила его на плечи. Теперь видно стало, что лет ей двадцать с небольшим.

Половину комнаты занимала печь, из всей мебели только стол, два табурета да лавка; в углу лежанка, поверх лоскутного одеяла покрытая то ли тулупом, то ли салопом.

Прошли солдаты, разделись, шинели бросили на лежанку, ружья поставили в угол, ремни с ножами перестегнули на кафтаны.

Хозяйка при этом говорила: «Сначала подумала я, что наших принесло, местных, а потом вижу: знаки на шапках другие, да и шинели вроде не похожи на наших-то, потому сама и позвала; много тут по избам, особливо по нашему краю, без спроса шастают».

Достала Настя печеной картошки и квашеной капусты, Иван с Тихоном сыпанули на стол солдатские припасы: сала шмат и хлеба буханку да водки полбутылки поставили.

Неожиданно открылась дверь, и из сеней в комнату вошли один за другим — легки на помине! — пятеро стражников. Ростом особо выделялся второй из вошедших. «Точно Гусь», — подумал Иван.

«Погрелись, солдатики, теперь наш черед», — оглядев избу, сказал первый вошедший и подмигнул хозяйке.

Иван остался сидеть как сидел, а Тимофей поднялся, шагнул гостю навстречу: «Вишь, мы здесь уже к столу позваны, другую избу ищите...»

В ответ махнул стражник, что был в плечах не плоше Тимофея, кулаком. Увернулся Тимофей, и сам достал нападавшего под коленку сапогом. Охнул тот и опустился на пол.

Иван, сидевший боком к двери, поднялся, но тут же обхватил его сзади длинный, прижал руки; другой стражник ударил Арефьева в ухо. Звон в голове солдат перетерпел, откинул голову резко назад, но даже до подбородка длинному не достал. Тогда обвис он на руках и обеими ногами в тяжелых сапогах двинул второму обидчику в брюхо. Тот только икнул тяжело и повалился на пол.

Изловчившись, схватил мой прадед тяжелый табурет, на котором сидел до того, и над плечом послал его назад. Обрез верхней доски как раз попал длинному в лоб.

Тимофей в то время отправил за печку одного из нападавших, еще одного мордой приложил к раскаленной заслонке печи. На том и кончилась свара: стражники остыли и без задержки отправились за дверь, видать, к другому огоньку...

Отряхнувшись и отдышавшись, подсел Иван к столу, аккуратно настругал сало, хлеб порезал на гладком обрезке чисто струганной доски, что лежала на столе. Хозяйке понравился, видно, острый солдатский нож — взяла она его поглядеть поближе.

Посидели, выпили водки. Настюха не отказывалась, пила вровень с гостями, после третьей чарки раскраснелась, скинула

платок, но на разговор: из каких мест сюда попала да чем занимается — не отозвалась, молчала все больше.

А затем, то ли в ответ, то ли просто к месту, потихоньку стала выводить слова песни:

В шахте батюшку убило,
Друга порох разорвал.
И осталась я без мила,
Как былинка без воды.
Штегер три рубля дарил мне,
Я с презрением не взяла.
Мово Ванечку я помню,
Осталась ему верна...

Тут поглядела она на Ивана и пропела:

Как я долго ни грустила,
Все же Ваню позабыла.
Пришел Гриша молодой,
Полюбился мне другой...

...Утром зашел Иван Арефьев в тюремный лазарет, куда раньше удалось пристроить двоих солдат из команды; выяснил, что придется их здесь пока оставить.

Неподалеку собирали в дорогу каторжный этап, и среди стражников увидел Иван вчерашних знакомых. У одного из них из-под края шапки виднелась белая тряпица.

Длинный — а это был он — тоже узнал вчерашнего своего супротивника. Подошел к Арефьеву, протянул неожиданно руку: «Ты на меня обиды не таи, а я на тебя зла не держу... На службу эту собачью тоже не вдруг попал, до того в Брянском полку служил, может слышал...» «Приходилось», — отвечал Иван. «А с каторжны-

ми, — продолжал стражник, — что мужики, что бабы — не вяжись. Этим здесь дом родной, чуть что — на нож или кистень нарвешься. Ну, бывай...» — и пошел к своим.

В первую неделю октября двинулись команды обычным походным порядком в сторону Ачинска. Болотистая местность, труднопроходимые дороги сильно осложняли путь, особенно сейчас, холодной осенью.

Здесь услышали солдаты слово «тайга», воочию увидели непроходимые леса, что стеной тянулись вдоль Сибирского тракта. На сотни, сотни верст вокруг только тайга...

Дней через десять преодолели реку Кия и остановились, вконец измотанные, в двух деревнях, что одна от другой в верстах пяти.

После первой же ночевки не досчитались Антипова и жены солдата Мельникова. Видно, давно уж сговорились они, лишь случай выбирали. Искать беглецов даже и не пытались: кругом тайга, шагнул с дороги — и нет тебя. Только говорили между собой солдаты, что не лето сейчас — пропасть недолго.

Деревенские же, наоборот, когда об этом узнали, удивления не выказали: угадывали, что те либо к бродягам прибьются, либо скит какой найдут, начнут промышлять охотой, а то, глядишь, и купцов на дорогах трясти — такое в этих местах не в диковинку.

Ушел Антипов с ружьем и боевым припасом в тридцать унитарных патронов. Из дома, где ночевал, с собой, кроме вещевого мешка, прихватил хозяйский топор, женщина своего тоже не забыла — словом, изготовились они вполне основательно.

Сам Мельников теперь особо не переживал — или виду не показывал, — сказал что-то вроде того: мол, баба с возу — кобыле легче.

Записали в журнал случай побега, указали при этом, в скольких верстах от Томска это случилось и на какой день пути.

По дороге в Ачинск тайга иногда как бы отступала от тракта, ближе к Чулыму чаще стали открываться степные пространства, здесь холодные осенние ветры задували еще сильнее.

В Ачинск пришли в конце октября. Давно уже дожди, а иногда и мокрый снег провожали команды, не просыхали дорога и солдатские шинели, вязли в грязи сапоги и колеса телег.

Ачинск был тогда уездным городом Енисейской губернии, а жителей имел всего тысяч пять. Здесь оставили до выздоровления еще нескольких заболевших, сдать их пришлось в больницу для переселенцев. Заменить выбывших солдат другим кадром, как предписывалось, в этих краях не представлялось возможным.

В Ачинске команды предстояло подготовить к дальнейшему пути в два эшелона: один из них направлялся в Енисейскую и Иркутскую губернии, а другой — в Якутск. Причем часть первого эшелона для образования новой команды должна остаться в Братске, а другая после Братского острога, до которого еще нужно было пройти более пятисот верст, направится к югу и потом также разделится: три этапа уйдут в Александровск, Балаганск, Верхолениск, четвертый же проследует от Александровского завода несколько сот верст к юго-востоку, в Иркутск.

Второй эшелон, числом в двести восемьдесят человек, должен дойти до Усть-Кута для образования двух команд: усть-кутской и якутской.

Расчеты показывали (исходя из новых штатов), что, например, организация команды в Якутске требовала направить в город: сто двадцать строевых нижних чинов, одного фельдфебеля, одного фельдшера, одного цирюльника, одного горниста, одного барабанщика, одиннадцать унтер-офицеров. Их ждал путь протяженностью без малого две тысячи верст. В Якутск же должны были прибыть для прохождения службы и два обер-офицера.

От Ачинска до Братского острога — 600 верст осеннего бездорожья, от Братска до Усть-Кута — еще 500 верст.

До Братска добрались уже в начале декабря. Телеги, нагруженные поклажей, вязли в снеговой каше, поэтому в дороге пришлось сменить их на сани. По зимнику шли тяжело, Иван вспомнил даже свою рекрутскую партию зимой 1850 года.

Отсюда два десятка солдат во главе с Домбровским — первый эшелон — отправились на Усть-Кутский солеваренный завод; к ним добавилось столько же человек из якутской команды, для этого подрядили с десятков саней.

Остальным предстояло проследовать до Усть-Кута походным порядком, а следующая до Якутска основная часть команды — сто двадцать человек — оставались дожидаться начала навигации на Лене и потом сплавом прибыть к месту назначения.

На санях в сутки проезжали теперь верст шестьдесят и более, в Усть-Кут вошли в середине декабря. Двадцать человек во главе с фельдфебелем поставили, согласно предписанию, на солеваренный завод.

В то время отбывали здесь каторгу разные люди, в том числе многие участники Польского восстания 1863 года. Скорее всего, Домбровскому было об этом известно, а что думал он, как относился в душе к несчастным полякам, знать нам не дано.

По распоряжению Командующего войсками Восточного Сибирского округа первая часть якутской команды без промедления двинулась дальше. Для этого подрядили местных ямщиков с пятью санями, запряжкой в две лошади каждая.

Зимник, что проходил большей частью по льду реки Лены, уже с октября месяца служил единственной дорогой до Якутска и к тому же обустроенной сорока станциями.

Огромное пространство в верховьях и среднем течении Лены от Иркутска до Якутска заселялось русскими людьми очень медленно, хотя еще в XVII веке енисейские и красноярские казаки докладывали царю о присоединении к Русскому государству тех или иных земель края. Остроги и зимовья, в том числе Якутский острог, оставались с тех пор опорными пунктами для дальнейшего за-

селения Восточной Сибири. Покорение жителей этих мест сопровождалось скорым обложением их ясаком (натуральным налогом), в первую очередь, соболем.

Русские первопроходцы прошли до мест, где был основан потом Верхоянск — «полюс холода». На север, к дельте Лены, и далее на восток казаки прокладывали путь промышленникам и просто переселенцам. Особую категорию переселенцев составляли тогда ленские ямщики, которые без малого два столетия обеспечивали «транспортом», а затем и почтовой связью весь Иркутско-Якутский тракт.

С конца XVIII века тракт планомерно и целенаправленно начали заселять русскими крестьянами, называли их «переведенцами». В одной из работ, посвященных «государевым ямщикам», приводятся следующие данные: «Переведенцы рекрутировались из ссыльных крестьян и взятых в зачет рекрутов..., но основное население тракта составляли крестьяне, сосланные за совершенные ими “предерзостные поступки”... власти ...придумывали все что угодно... чтобы сослать в ямщики...»

Еще в 1772 году были приняты активные меры, направленные на организацию на Лене пассажирского движения и почтовой гоньбы. Исследователи отмечают при этом, что «родоначальники почтовых ямщиков... представляли собой отборный элемент недозвольных, сосланных за непокорность воле своих господ... А шли они... пешие, иные в кандалах, с женами и детьми... из центральных губерний России».

Иркутско-Ленский тракт, протяженностью более 2500 верст, действовал исправно и в зимние морозы, и в летние месяцы (кстати, наиболее неудобные для передвижения из-за состояния дорог). Н.Г. Чернышевский, отбывавший после гражданской казни в 1863 году каторгу в Нерчинске, а затем ссылку в Вилюйске, писал: «Проезд от Иркутска до Якутска — тяжелое и рискованное предприятие, труднее, чем путешествие по внутренней Африке».

Теперь мы имеем определенное представление о тех обстоятельствах, в которых оказалась команда солдат, двигавшаяся в декабре 1867 года по Ленскому тракту, и в их числе мой прадед Иван Арефьев.

Как уже отмечалось, преодолеть предстояло около 2000 верст, минуя Витимский и Олекминский округа. Население поселков, образованных иногда тремя-пятью избами, составляло тогда всего несколько сотен человек, и были это в основном семьи ямщиков.

Первый отрезок пути, порядка шестисот пятидесяти верст, протянулся от Усть-Кута до станции Курейская, расположившейся непосредственно на Иркутско-Якутском тракте. В декабре температура воздуха здесь по нынешним замерам достигает сорока пяти градусов, а иногда и более, в XIX веке вряд ли было теплее.

Путь лежал на северо-восток, вдоль Лены, в основном по льду, покрытому снегом. Лошадей меняли на станциях, как правило, через двадцать-тридцать верст. Выезжали утром затемно, на ночлег останавливались часа через три-четыре после захода солнца.

Лошадей запрягали в сани от одной до трех, в зависимости от чина пассажира. Для солдат нашей команды поставили пару, это определялось тем, что в кибитке ехали четыре человека да еще имелась небольшая поклажа, размещавшаяся в специальной «накладушке».

Кибитка, обшитая холстом, кое-как защищала от ветра и снега, но не от стужи. В пути накрывались тулупами, не различая званий, плотнее прижимались друг к другу.

Двигались со скоростью чуть более десяти верст в час, в день проходили до ста верст. Тайга вокруг стояла засыпанная снегом и потому казалась совсем уж непроходимой.

От ночевки до ночевки делали три остановки. Около полудня обедали на станции, грелись у печей, и снова перепряженные ло-

шади, уже с другим ямщиком, уносили чередою пятерку саней к другой станции.

Домбровский ехал в первых санях, Иван — в последних; разрыв с впереди идущими составлял порой две-три станции, а иногда из-за нехватки лошадей, готовых в дорогу, отставал Иван на целые сутки.

На седьмой день первые сани, а затем вторые и третьи добрались до станции Курейская, что на правом берегу Лены. Иван со своими солдатами попали туда на восьмой день.

Уже попривыкнув к местным обычаям, попросили они на станции по куску водки и по кругу щей. Морозы стояли такие, что водку действительно оттаивали в тепле.

Следующий раз заночевали в поселке Витимском, что расположился на левом берегу Лены, при впадении в нее притока Витим. Здесь для служивых истопили баню.

Попариться в такой мороз — удовольствие, да и польза ни с чем не сравнимая. Правда, окунаться в снег по обычаю никто не думал: отморозить можно в таком случае не только пальцы...

Еще через неделю пути обоз добрался до станции Каменская, она относилась уже к Олекминскому округу. Мороз крепчал; Рождество встретили здесь, на почтовой станции.

В дороге нечего и думать о том, чтобы соблюдать пост, да и разрешалось по церковным канонам тем, кто в пути, отойти от православных обычаев. Только в сочельник уже в Каменской, все само собой получилось как положено, а до первой звезды и даже при звездном во весь горизонт небе, были еще в дороге.

Разместились наши путешественники в трех домах из пяти, что стояли на берегу. Местные жители по обычаю угостили прибывших моченой пшеницей с медом, потом солдаты как следует подкрепились, а затем уж и на отдых залегли.

Заметил Иван, что ямщики здесь хоть и носят русские фамилии — Козлов, Иванов, Тарасов, а лицом и ростом больше смахи-

вают на якутов, да и по-русски говорят некоторые из них так, что с трудом разобрать можно. Объяснялось все, однако, просто: давно в этих краях мужики русские женились на якутках, смешивалась при этом не только кровь, смешивались и языки, обычаи, менялись привычки и традиции, становился иным сам образ жизни таких семей.

Вызывали удивление у солдат и лошади, которых запрягали сибиряки в сани: ростом они были меньше обычного, окрас имели белый или серый и заметно приуставали в пути, если расстояние между станциями превышало двадцать верст...

До Якутска оставалось около девятисот верст; двигались, как и раньше, на северо-восток. Мороз не отпускал никак.

От Каменской до Дельгийской сто пятьдесят верст прошли с пятью сменами лошадей. Последние сани прибыли на станцию только к полуночи. Разделись, до утра успели у горячей печи только сосульки отодрать с бороды и усов и отогреться, а на заре снова пустились в путь.

На вторые сутки прибыли в Олекминск. В городе, основанном более двухсот лет назад, отдыхали сутки; попарились в бане. Отсюда в Иркутск отправил Домбровский почтой рапорт о движении команды.

Последние шестьсот верст прошли за неделю, задержались только в Синской. На станции стояло с десяток крепких рубленых домов, выстроенных прикрепленными к станку (станции) ямщиками; впрочем, такие же дома, с большими русскими печами, прочно сколоченными столами и лавками, видел Иван на всем пути следования.

Сразу после Синской по правому берегу Лены более чем на тридцать верст протянулись скалы — Ленские Столбы. Путешественники завидели их издалека, да вот глядеть долго по сторонам не было уже мочи: мерзли, казалось, даже глаза.

Ямщики же, как видно, приспособились к такому климату, отличались выносливостью, да и долголетием выделялись. Видел Иван не раз восьмидесятилетних, крепких еще стариков, которые передали свои обязанности гоньбы по тракту внукам и правнукам, а сами продолжали трудиться по хозяйству.

Десяток станций, что расположены на последнем участке тракта между Синской и Якутском, миновали за двое суток. Оставив позади двести верст, ямщики доставили команду на Якутскую городскую станцию в середине января 1868 года.

На подъезде к месту назначения, когда миновали ряд заснеженных островов, где пролежала санная дорога, увидели солдаты на левом берегу Лены большое село: вдоль колеи и протоптанных в снегу дорожек стояли деревянные дома на высоких фундаментах да юрты. Это и был Якутск.

Якутск к тому времени, после череды изменений своего статуса (назначали его то областным, то вновь уездным городом), стал областным городом, и управлял им гражданский губернатор.

Поставленная Военным ведомством России государственная задача организации новых команд в Восточной Сибири и укрепления уже существующих вступила в завершающую стадию. Принятые организационные меры, решение, в основном, вопросов финансирования передислокации воинского контингента, а главное — подбор людей, и в первую очередь нижних чинов Российской армии, которые исполняли приказ, несмотря ни на какие трудности и препятствия, позволили добиться нужного результата.

Последние обстоятельства убеждают: мы можем гордиться своими предками, верными долгу и присяге.

В Якутске прибывшим сюда воинским чинам предстояло не просто дожидаться остальных солдатских эшелонов, но принять участие в поиске и подготовке для них жилья, решить вопросы снабжения всем необходимым для нормального прохождения

здесь дальнейшей службы нижних чинов и офицеров новой команды.

На городской станции разгрузились и пошли, в первую очередь, согреться у жарко горящих печей. Сбросили шинели, сняли шапки, размотали шарфы...

Домбровский позаботился, чтобы всех покормили, при этом с солдатами сел за один стол. Потом узнал дорогу к канцелярии губернатора, позвал с собой Ивана, и вдвоем вышли они на улицу.

Хотя было едва за полдень, при ясном небе солнце быстро уходило за горизонт.

На площади в центре Якутска, неподалеку от большого торгового здания, в одном из домов располагались чиновники губернского ведомства, а в другом размещался казачий старшина и его канцелярия, состоявшая, впрочем, как потом оказалось, из одного писаря. Наряд Иркутского казачьего полка в несколько десятков человек нес службу в тех краях уже много лет.

Зашли сначала в присутственное место, здесь увидели сторожа, добросовестно подкармливавшего пихтовыми поленьями две большие печи. В комнате за большим деревянным столом расположился чиновник в меховой душегрейке, из-под которой выглядывали воротник и рукава с форменными пуговицами.

Выяснилось, что имел он уже почту из Иркутска о скором прибытии первой партии из команды регулярных войск. К этому, оказалось, он был вполне готов. Чиновник кликнул сторожа и назвал ему дома обывателей, куда следовало определить на жительство и кормление солдат. А «господина офицера рад будет обустроить у себя купец и промышленник Козьма Мезенцев»; находилась он сейчас вместе с сыном в верховьях Алдана, «но поручика ждут его сестра и матушка».

Казачьего старшину уже не застали, поэтому вместе со сторожем отправились сразу на станцию.

До темноты развел он на постой солдат, а потом сопроводил офицера в один из немногих в городе каменных домов с обширным подворьем.

Иван с Тимофеем разместились у хозяина по фамилии Назаров. Имел он в лице много примет от своей матери-якутки — и по виду широких скул, и по разрезу глаз. На русском при этом говорил вполне сносно, что, как потом выяснилось, здесь бывает далеко не всегда.

За долгие три последние недели солдаты после бани впервые спали только в исподнем, на вполне удобных лежанках в согретой почти до самого утра избе.

Душой и телом отдыхал Иван после трудного пути. В снежные метели — слава Богу, не частые в декабре и январе — приходилось солдатам толкать сани, увязающие в глубоком снегу, поднимаясь со льда реки к станциям, что располагались на крутом берегу Лены, помогать лошадям на взгорьях. И наоборот, на крутых спусках к реке придерживали они кибитку и лошадь, осторожно сводили вторую, ямщик припрягал ее уже внизу, на льду тракта.

Летом путь этот, по воспоминаниям современников, был еще более трудным и опасным. Вот как описывает те места Дмитрий Васильевич Хитров (к 1868 году он уже более двадцати лет служил священником в Преображенской церкви города Якутска): «Страшно и опасно ехать в этот ледяной край... беспредельные пространства тающих болот и грязей, над которыми кишат комары, оводы..., проливные дожди... опаснее для спутника, чем зимние жестокие морозы. И летом, и зимой в здешних местах много случаев неожиданной смерти. Слава Богу, даровавшему нам силы и крепость к перенесению трудов и хранившему нас невредимыми».

На следующий день повидался Домбровский со старшиной казачьего наряда и передал выписку из приказа по Военному ведомству от сентября 1867 года, что догнала команду в пути.

Один из пунктов этого приказа гласил: «Из существующего ...расхода казаков... оставить в своей силе только: от Иркутского полка — 130, от Енисейского — 80 для служебных обязанностей при Окружном Штабе и при местных этапных командах...

Весь остальной затем наряд казаков, получающих содержание от Военного министерства, прекратить, исполнив это немедленно по прибытии в Восточную Сибирь нижних чинов, назначенных на усиление местных команд».

Времени, однако, на такие преобразования у якутского казачьего наряда было предостаточно: раньше конца мая появление нижних чинов местной команды в полном составе никак не представлялось возможным из-за известных сроков вскрытия Лены ото льда.

Впрочем, связанные с этим вопросы улаживать предстояло откомандированному сюда на службу начальнику новой Якутской команды. Прибытие офицера ожидалось в конце января — начале февраля. Известно, что полицейские задачи, как в самом Якутске, так и в области, казаки исполняли еще долгое время.

Кстати, в приложении к упомянутому приказу назначили размеры «жалованья нижним чинам в год: ...фельдшеру — 33 руб. 60 коп., фельдфебелю — 10 руб. 55 коп., унтер-офицерам — 4 руб. 05 коп., барабанщикам и горнистам — 2 руб. 85 коп., рядовым и цирюльникам — 2 руб. 10 коп.... и все прочие довольствия, определенные нижним чинам Якутской, Киренской и Устькутской команд...».

За время пребывания в городе узнал Иван о некоторых обычаях местных якутов; многие из них, хотя и приняли православие, в том числе и стараниями священника Дмитрия Хитрова, продолжали почитать своих богов и исполняли при этом соответствующие обряды. Поклонялись они духам, которые, по их поверьям, обитали в воде и камне, а то вселялись и в какого-нибудь зверя; злые и добрые духи, по верованиям якутов, могли жить и на небе.

Кажодневные заботы для Ивана не были здесь слишком обременительными: после нескольких дней отдыха, когда Домбровский оговорил с чиновниками место расположения будущей казармы воинской команды, облазили Иван с Тимофеем все вокруг, опросили жителей соседних домов, не заливадается ли то место весенними водами, прикидывали, сколько камня уйдет на фундамент и сколько нужно будет заготовить леса.

Солдатами поручили заниматься, в основном, унтер-офицеру постоянной якутской команды; поэтому в трескучие морозы Иван с Тимофеем, оставаясь с удовольствием в избе, по привычке уже приводили в порядок мундирную одежду, амуницию, чистили ружья.

А еще с охотой приняли они на себя задачу подносить каждое утро в дом дрова, топить печь да расчищать дорожки к крыльцу, сараю и хлеву, при этом наметали вокруг и без того высокие сугробы.

Водою жители здесь запасались заранее: нарезали лед из реки, хранили его, засыпая опилками, сколько могли, до самого лета, в теплое время на нем же сохраняли продукты.

Зимой лед дробили, заносили в избы, чтобы домашнее тепло ставало его в воду, а при необходимости отправляли в чугушках в печь.

В те январские дни морозы были необычными даже для этих мест; если бы имелся тогда у солдата термометр, намерил бы он мороза далеко за шестьдесят градусов.

Как-то утром вышел Иван на двор, прихватил из ведра, что стояло в сенях, ковшик воды, чтобы умыться хоть наскоро. Когда вышел на крыльцо, пристроил ковш понадежнее на перила. Мороз, к счастью, без ветра, сквозь полушубок и меховые носки пробирал до костей. Все же надо было плеснуть в лицо несколько горстей воды, и, прежде чем отойти по малой нужде, Иван скользнул

взглядом по ровному зеркалу воды. На его глазах вода затуманилась и... превратилась в лед.

Глазам своим не поверив, сунул Иван палец в воду и наткнулся на твердую поверхность ледышки. Поднял он ковшик и перевернул его — вода осталась в посудине.

Иван вернулся в избу и рассказал о случившемся Тимофею. Тот недоверчиво заглянул в ковш и, прищурясь, спросил, не поморозил ли его товарищ еще чего. Потом оставили этот разговор и стали разбирать, чей черед идти за дровами да топить порядком выстуженную избу...

Но даже в такие сильнейшие морозы не прекращалась жизнь в тех местах: до Якутска и дальше, до Верхоянска, возили ямщики людей и почту; многие их пассажиры из купцов и промышленников именно теперь, до февральских и мартовских вьюг, старались закончить свои дела, требующие срочных поездок. Весенние же ростепели, когда дороги становились непроезжими, могли им серьезно помешать — навигация на Лене в районе Якутска открывалась не раньше второй половины мая.

На следующий день мороз, казалось, не уменьшился. Однако, когда утром Тимофей нарочно вышел на двор с ковшом, вода как была в нем налита, так и осталась водою, только хрупкой корочкой покрылась...

Иван еще пару раз пытался заморозить воду в ковше: оставлял на короткое время на крыльце, даже дул на нее тайком, но потом эту затею бросил. А случай необычный в памяти остался.

Хоть и коротки были зимние дни, тянулись они медленно.

Однако ж минула, наконец, последняя неделя января, наступил февраль.

Тимофей попал в рекруты на два года позже Ивана, но тоже, как участник Кавказской войны, имел право на отставку и к 1 января этого, 1868 года выслужил нужный срок. Отказываться от

отставки он не собирался — ждала семья, с которой в последние годы, как наладилась почта, переписку вел постоянно: писал о себе, узнавал новости из дома.

Последнее письмо домой отправил Тимофей из Перми, ответа, правда не ожидал. Своим сообщил, что напишет теперь скоро. Всего детей у него было трое: старшая дочь семнадцати лет, уже невеста, двоим младшим исполнилось по восемь. Так что торопился Евдокимов возвратиться в свою часть: небось, там уже документы об отставке готовы.

В один из дней начала февраля возился Иван при утренних сумерках у печки, когда в избу вошел Домбровский. Поздоровался, скинул тулуп. Солдаты, хотя и удивились такому неожиданному появлению, стоя, как положено, приветствовали офицера и стали ждать, какие будут распоряжения.

Домбровский сообщил, что вчера вечером из Иркутска прибыл капитан, назначенный начальником Якутской местной команды, и теперь, дня через два-три, можно собираться в обратную дорогу — к тому времени он передаст новому начальнику дела и как положено все документы оформит.

Перед отъездом зашли солдаты в Преображенскую церковь, засветили свечи, постояли перед иконами да попросили у святого Николая удачи в дорогу. В тот день священника Дмитрия Васильевича Хитрова в Якутске не было: в Благовещенске-на-Амуре под именем Дионисия 9 февраля 1868 года принимал он сан епископа Якутского. Событие это еще раз подтверждает, насколько важное значение придавалось тогда Якутской области, ее обустройству, заселению и становлению как административного государственно-го образования.

Накануне отъезда купец Мезенцев, у которого жил Домбровский — а теперь, видимо, надолго поселился новый начальник местной команды, — устроил обед. Сам он вернулся в Якутск всего несколько дней назад, но теперь снова спешно собирался в Томск.

Ивана с Тимофеем угощали в просторной кухне черноглазые скуластые девушки — дочери ямщиков с ближайших станций, вели они у купца хозяйство. Солдаты уплетали за обе щеки рыбные и мясные закуски, не отказались и от белого вина.

Девушки были складные да веселые. Впервые тогда подумалось Ивану, что вот хорошо бы по такому случаю здесь и задержаться, и без особого ущерба для службы.

Однако Домбровский наказал им быть с рассветом готовыми в дорогу и добавил, что купец пожелал ехать с ними. Офицера Мезенцев позвал в кибитку, что подрядил сам, а Иван с Тимофеем должны отправиться второй запряжкой, на всем пути стараясь не отставать.

Уходя, солдаты, как удалось, девок тепло поблагодарили, а потом между собой решили, что купец не зря к ним пристроился: видно, с каким товаром едет или с деньгами немалыми.

Наутро у дома Мезенцева ожидали их уже санные кибитки, в одну поместились Домбровский с Мезенцевым, багажную накладку заполнили их вещами, однако черный саквояж с металлическими полосками у замка поставил купец у себя в ногах.

Офицера пришли проводить капитан и казачий старшина, с солдатами Иван и Тимофей простились еще с вечера.

Проезжали те же станции, что и по прибытии сюда, только в обратном порядке: Покровскую, Синскую, Олекминскую, Батамайскую... Февральские метели сопровождали путников более тысячи верст.

В марте чуть потеплело, но на засыпанном снегом тракте лошади уставали быстро, иногда едва добирались до очередного поселка.

Все же в апреле, после ранней в том году Пасхи, миновали Братск, не доезжая Ачинска, стали на колеса. Двигаться теперь по размытой таежной дороге стало и вовсе невозможно и лошадям, и людям.

В Ачинске задержались на неделю, спешить служивым людям вроде было некуда — от Томска предстояло идти по сибирским рекам сплавом, а это становилось возможным лишь с началом навигации. Выяснилось, что Обь, Тобол, Иртыш очищаются ото льда во второй половине апреля, а то и в начале мая.

Остановился купец у своих родственников, офицера устроил там же; солдат определили неподалеку, то ли к какой-то дальней родне купца, то ли к его компаньону. Отъедались да отдыхали всласть, в бане домово́й парились.

В середине апреля направились к Томску — рассчитывали добраться до города по весенней распутице недели за две; Сибирский тракт пролегал здесь по болотистым и таежным местам, потому не баловал путешественников.

Ночевать останавливались в придорожных поселках. На четвертый или пятый день, когда в одном из приглянувшихся домов сели к столу, хозяин, угощая проезжих, между прочим говорил: «И раньше тут всякое бывало, а теперь шалить стали без меры, купцов не раз уж прибирали... Говорят, человек с десятка будет, душегубов этих. А за главного у них солдат, что ли, беглый, еще баба с ними... Слышал, с кистенем ловчей управляется, чем с веретеном».

Иван с Тимофеем переглянулись, но в ответ ничего не сказали, продолжали хлебать горячие щи.

Утром первой двуконной запряжкой двинулись в путь солдаты, за ними на тройке — Домбровский с Мезенцевым.

Часа через три за поворотом дороги увидели сначала лошадь, а затем и телегу, которая стояла поперек пути. Лошадь жевала сено, горкой торчавшее над краем телеги, оглобли были опущены на землю.

Место вокруг глухое, тайга подступает к дороге вплотную, да еще густой подлесок поднимается на сажень. Обе повозки остановились, Иван с Тимофеем молча зарядили ружья и вышли из

своей кибитки. Домбровский последовал за ними, ямщикам велел крепче одерживать лошадей, чтоб не понесли на случай стрельбы.

Тимофей приглядывал за лесом по правой руке, офицер взял под наблюдение участок чуть позади, Иван двигался не спеша к телеге и не упускал из виду заросли слева.

В телеге, оказалось, лежал на спине мужик, в бороде его застряли несколько сухих травинок, глаза прикрыты — вроде, спит. Однако видно было, как едва заметно подрагивали у него веки, под правой же рукой бородатого усматривался топор.

Иван ткнул мужика стволом в ухо: «Вылазь, приехали...» Тот поднялся, молча ступил на землю, огляделся и остался стоять спиной к телеге.

Между тем подошел Тимофей, отвел лошадь в сторону, не опуская ружья, поддал плечом телегу и сдвинул ее на обочину, потом махнул ямщикам. Кибитки одна за другой проследовали мимо. Из второй выглядывал напуганный купец, крестился...

Иван обернулся к мужику: «Притомился, небось, ожидаючи...»

Тот зыркнул исподлобья: «Тебя-то как раз не ждали...», затем устремил взгляд на тройку, где сидел купец.

Может, и опасался теперь разбойник неосторожной дурости своих товарищей, что притаились неподалеку в лесу, но вида не выказывал. А те, видно, рисковать тоже не стали.

Тимофей запрыгнул в свою кибитку, Домбровский сидел уже рядом с купцом, Иван пристроился тут же на облучке, ружье меж колен поставил. Ямщики поторопили лошадей.

В Томске распрощались с купцом, отвалил он солдатам по десяти рублей, а поручика долго благодарил да звал при случае заезжать в гости, хотя бы и сюда, в Томск, где у него тоже свой дом имелся.

Через пару дней отправились на пароходе по Оби — как раз открылась навигация — дальше, до Тюмени. Домбровский взял

каюту во втором классе, солдаты разместились в третьем. В пути были с неделю.

От Тюмени до Перми подряжал Домбровский повозки и лошадей — за счет Военного министерства, расплачивался специальными контрамарками. Те же шестьсот с небольшим верст по сухой уже дороге без всяких приключений одолели к середине мая. По такой погоде шинели едва набрасывали на плечи и то, разве что, к вечеру.

В Перми задержались для оформления казенных бумаг на приобретение билетов, отсюда пароходом Общества «Кавказ и Меркурий» отправились по высокой воде к Нижнему Новгороду; через восемь суток, совсем уже теплым летним днем вошли в Волгу.

Пассажиры третьего класса топтались на палубе — готовились к высадке в Казани, хотя времени до прибытия было предостаточно.

В толпе никто толком не заметил, как какой-то мальчонка перевалился через борт, только вскрикнуть успел... Разбаловались ребятишки не в меру, по палубе бегали, толкались... Видно, мать не доглядела...

Сдернул сапоги Тимофей да прыгнул с борта, за ним в воду ушел матрос. Пароход начал резко стопорить машину, и развернуло его боком против течения. Люди на палубе заматались, загомонили, закричала женщина.

Увидел Иван, как через минуту вынырнул матрос, держа перед собой за рубаху пацаненка, перехватил его половчее и поплыл к пароходу.

Тимохи все не было. Глядел Иван на воду сначала без тревоги — ведь на реке же, на Волге вырос его самый близкий товарищ.

Шло время, не отходили от борта пассажиры...

Но не отдавала река Тимофея. Иван стал было сапоги снимать, но подошел к нему матрос в мокрой робе, который мальчишку вытащил, положил руку на плечо: «Погоди, солдат, теперь уж не сможешь: видать, под колесо он попал, по течению теперь его сажень на сто оттянуло».

Заметался Иван, но человека два-три удержали его...

Поник солдат, тоскливо глядел на воду... Может, впервые с того дня, как уходил из родного дома, покатила по Ивановой щеке слеза, застряла в усах. Подошла к нему мамка баловника, низко поклонилась: «Прости, солдат, за друга-то, прости, ради Христа...»

Поднялся на палубу Домбровский, увидел людей у борта. «Что тут, Иван Арефич...» Тот махнул рукой в сторону кормы: «Евдокимыч... вот...» — и замолчал.

Поручик оглядел толпу, увидел испуганного мальчишку, мокрого матроса и все понял. Постоял еще, без какой-либо надежды вглядываясь в темную воду, а когда пароход вновь зашлепал колесом, снял фуражку, перекрестился: «Пусть земля ему... — и запылуся: — Царство ему Небесное, вечный покой...»

Перекрестился и Иван.

Пароход пошел дальше.

А Тимофея, может, прибило дня через три к берегу, и если нашли утопленника люди, то похоронили его, и коли не размокли в кармане солдатские бумаги, то через месяц-другой попал в полк бланк с печатью от местного пристава, а потом недобрая весть дошла и до дома покойного.

Может случилось так, что и не нашли Тимоху, застряло тело где-то в камышах, и тогда растащили его раки да рыбы...

А перед глазами у Ивана все Тимофей: то грустный, то веселый, то суровый да строгий — и таким случалось видеть его иногда... Терял Иван и раньше товарищей, так то в бою случалось...

Из Нижнего отправил Домбровский письмо жене Евдокимова, а потом, против правил, отдал его награды Ивану — чтоб хранил, а при первом же случае передал в семью Тимофея, сколько бы времени ни прошло...

По прибытии в округ, задержался Домбровский в Вильно, попрощался с Иваном совсем по-товарищески, обещал не забывать. А тот отправился в свою часть.

В июле 1868 года издан был приказ по полку: «...унтер-офицера Арефьева Ивана Арефьевича считать прибывшим из командировки... поставить на все виды довольствия».

Через несколько дней принял Иван под свою команду отделение, познакомился с новичками, переговорил — уже не в первый раз — и со старослужащими, которых хорошо знал раньше, рассказал о долгом пути на Лену и обратно.

Евдокимова искренне жалели солдаты и офицеры, да ведь как судьба распорядится, никому знать не дано... В каких только делах не бывал Тимофей, все жив оставался, а тут... Своя же река прибрала.

Воскресным днем, чуть освободившись, поспешил Иван навестить старую знакомую — в торговом ряду ее не увидел, вот и отправился к дому.

Не успел на крыльцо подняться, как хозяйка сама вышла — видно, в окне еще заметила его. Хотел солдат шагнуть на порог, да помедлил, поглядел внимательнее на женщину...

В дом между тем она не звала. Стала сбивчиво говорить, что вот уж целый уж год как нет его, думала и вовсе не дождется...

Все понял Иван, расстегнул мундир, достал из-за пазухи шакуру черной лисы, что вез в подарок, кинул бывшей зазнобе на плечи; сверкнули у нее на груди рыжие глаза-бусинки да белый кончик пушистого, отливающего серебром хвоста зверя.

Четко повернулся солдат через левое плечо и пошел прочь.

Как и другие офицеры сопровождения, Домбровский в течение 1868 года писал отчеты и справки. А переписка о выплате командированным положенного жалования в полной мере продолжалась, судя по известным мне документам, до февраля 1870 года. Это и неудивительно — денег в Военном министерстве, как всегда, не хватало. Иллюстрацией сказанному может служить такой пример: вологодский губернатор сообщал «Господину Военному Министру», что по поводу запрашиваемого от него отчета, он отнесся в Министерство финансов «о прекращении переписки о предоставлении отчетных сведений об использовании в расходах 10 928 руб. 80 коп., отпущенных в 1855 году (!) на содержание Ополчения» губернии.

Это ополчение, хотя и было причастно к Крымской кампании, но, как известно, роли почти никакой не сыграло, по большей части и не дошло до театра военных действий. Однако товарищ Министра финансов продолжает настаивать на «сношении по сему предмету, согласно Устава Минфина, с Государственным Контролем..., коему при обсуждении сего дела необходимо иметь в виду удостоверения, что деньги употреблены соответственно прямому их назначению и что министры, по ведомству которых относятся произведенные расходы, находят их соответствующими прямой надобности...»

При этом Министр внутренних дел (к его ведомству и относились произведенные расходы) «сообщил, что поскольку нет никаких подробностей относительно употребления означенных денег, то не представляется возможным составить заключение о правильности или не правильности вышеупомянутому расходу..., все дела об ополчении переданы губернаторам и находятся в их канцеляриях...» (!)

Круг замкнулся, а денег как не было, так и нет. Ну а тогда вступает в силу известный закон: нельзя в одном месте прибавить,

чтобы в другом (офицерском кармане) не убавилось бы. Десять тысяч с лишком пропавших рублей — это только в одной губернии необъятной Российской империи.

18 июля 1868 года Высочайше повелено перевести 31-ю пехотную дивизию в полном составе из Виленского в Харьковский военный округ.

«18 августа Тамбовский полк выступил из города Несвижа, Минской губернии, в город Корочу, куда и прибыл 21 октября, пробыв в пути 65 дней и пройдя $966 \frac{1}{4}$ верст в 47 переходов...»

Вслед за Тамбовским, двинулся без промедления Пензенский полк из города Бобруйска, Минской губернии, в город Курск...

ДЯДЬКА

Хороший унтер-офицер... должен уметь управляться с людьми, уметь распоряжаться, знать свои обязанности, соблюдать строгость и беспристрастность к подчиненным.

Из приказа воинского начальника

Это были по большей части корневики, столпы роты... серьезные, молчаливые,... но все, что делалось в роте хорошего, делалось с их ведома.

А. Погоский

Все полки 31-й пехотной дивизии получили новые квартиры в Харьковском военном округе к исходу 1868 года. Штаб дивизии разместился в городе Курске.

Штаб 121-го полка и стрелковую роту развернули там же; батальоны Пензенского полка расположились соответственно: 1-й в городе Щигры, 2-й — в селе Любичское, 3-й — в селе Дьяково.

Штаб 122-го полка и стрелковую роту расквартировали в городе Короча; батальоны Тамбовского полка стали соответственно: 1-й в городе Новый Оскол, 2-й — в селе Михайловка, 3-й — в селе Коринек.

Роты и батальоны, за исключением, пожалуй, тех, что стояли в Курске, разместились не в казармах, а в домах обывателей; в селах же солдат распределили исключительно по избам. Постепенно на новом месте упорядочилась работа штабов от дивизии до батальона, наладились вопросы питания и учебы.

После Рождественских праздников 1869 года жизнь воинских частей и вовсе вошла в привычную для Ивана Арефьева и его товарищей колею.

Напомним, что Харьковский военный округ был образован еще в 1864 году и закреплён «Положением о военно-окружных управлениях»; в него вошли губернии: Курская, Орловская, Черниговская, Харьковская и Воронежская. В таком виде округ просуществовал до 1881 года; после его упразднения большая часть губерний отошла к Киевскому округу, а часть — Орловская и Воронежская — к Московскому. Все регулярные войска округа делились на два разряда: войска полевые (или подвижные) и войска местные. Нас, естественно, будут интересовать войска полевые.

К 1869 году система округов в достаточной мере уже позволила провести реорганизацию Военного министерства и устранить излишнюю централизацию, в результате был создан Главный Штаб.

В январе 1869 года новую структуру Военного министерства определяло Положение, по которому управление войсками в полной мере возлагалось на Военного министра, однако в рамках военных округов решение многих вопросов находилось в ведении Начальника округа, назначаемого Верховным Командованием, то есть царем.

Значимым этапом этого периода стала судебная реформа, в результате которой были созданы военно-окружные суды, дела нижних чинов рассматривались при этом полковыми судами, а утверждались командирами полков.

Службы нижних чинов непосредственно касался новый Устав о наказаниях: уголовные наказания предусматривали смертную казнь, ссылку на каторжные работы и заключение в крепость; исправительные наказания включали пребывание в исправительных ротах, тюремное заключение, лишение нашивок за беспорочную службу и, соответственно, перевод в категорию штрафных.

В связи с перевооружением пехоты в 1869 году полки начали получать первые винтовки Бердана калибром 4,2 линии, но в целом перевооружение затянулось на долгие годы; до 1875 года,

то есть до ухода Ивана Арефьева в отставку, в ротах в большинстве случаев оставались привычные 6-линейные нарезные ружья.

Начатое ранее обучение солдат индивидуальным методам ведения боевых действий находило теперь все более широкое распространение. Высоко ценились грамотные унтер-офицеры, которые могли обучать солдат по современным методикам, соответствовавшим требованиям новой тактики применения войск вообще, и пехоты в частности.

Ивану вновь предложили остаться еще на три года сверхсрочной службы; он и в этот раз написал рапорт о добровольном отказе от отставки, на рукаве мундира унтер-офицера появилась еще одна нашивка из золотого галуна.

Причины были те же, что и раньше: иной семьи, кроме армейской, он не завел. Отметим, что Иван Арефьев мог считать свое положение вполне достойным — двадцать и более лет, по воспоминаниям современников, служили после начала реформ, как правило, только взводные унтер-офицеры.

Напомним, что срок действительной службы с 1868 года устанавливался в 10 лет; за предшествовавшие годы численность армии резко сократилась и в 1869 году составила около семисот тысяч человек.

При таких обстоятельствах полковые и батальонные командиры, видя в унтер-офицерах достаточно грамотных и умелых воспитателей молодых солдат, предлагали им добровольный отказ от отставки.

В соответствии с новыми идеями, которые настойчиво внедрялись в жизнь, обучение уставам, строю, стрельбе, рукопашному бою считалось необходимым проводить только личным примером, это и являлось основной задачей унтер-офицеров.

А опыта Ивану Арефьеву было не занимать, таких служаков в Русской армии после увольнения в отставку большей их части

оставалось едва несколько тысяч, в полку — человек десять-пятнадцать.

Курск, где размещались Штаб 31-й пехотной дивизии и Штаб 121-го Пензенского полка, губернским городом стал в 1779 году, то есть без малого сто лет назад. Число жителей перевалило уже за пятьдесят тысяч; дома обыватели строили почти сплошь из дерева, каменные принадлежали только дворянам да купцам. Весной город густо расцветал яблоневыми садами, особенно по берегам реки Тускори, за рекою зеленели поля и леса.

Роту Ивана перевели непосредственно в Курск; с удовольствием проходил он в первый раз по тихому, спокойному городу.

Так совпало, что в 1869 году, сразу после прихода пензенцев, в центре Курска разбили сквер, и теперь теплыми летними вечерами играл здесь полковой оркестр. В таком месте даже военные марши звучали по-особому мирно. Гулял мой прадед между беседками, останавливался, слушал...

Музыканты уже давно заметили Ивана; когда оркестр отдыхал, Иван подходил, здоровался. Среди музыкантов двое-трое были из тех, кого еще рекрутами обучал Иван солдатской науке на плацу и в казарме, когда полк стоял в Белоруссии.

Зимой в сквере, который постоянно расширялся, залили коток, осветили его фонарями. Сюда приходили гимназисты, студенты... Иван, глядя на них, свои забавы вспоминал. Коньков, конечно, деревенские ребята не имели, но зато с горок катались они лихо, на дощечках да облитых водой промороженных рогожах.

Прошел 1870 год, 1871-й незаметно заступил... Двадцать с лишком лет уже отслужил Иван Царю и Отечеству. Носил он теперь поперек погон три узкие нашивки, а также золотые галуны на воротнике и обшлагах рукавов мундира по званию унтер-офицера, шеврон из золотого галуна за восемнадцатилетнюю беспорочную

службу выше локтя углом вверх, а также два шеврона узкого золотого галуна над обшлагом — за второй отказ от отставки.

Еще полагалось моему прадеду за отказ от бессрочного отпуска носить серебряные из галуна шевроны, за такой отказ причиталось и годовое жалованье в 7 руб. 50 коп., а за отказ от отставки жалованье в 34 руб. 28 $\frac{1}{2}$ коп. в год за первое трехлетие, за поступление на второе трехлетие — прибавочное жалованье из того же оклада. Итого получалось около 75 рублей в год.

В Курске познакомился Иван с приказчиком, работал тот у купца, что ходил за Урал, по Иртышу и Тоболу. В Сибири сбывал он галантерейные товары, оттуда вез меха, интересовали его и золотые прииски около Томска.

Когда узнал приказчик, что добирался Иван до самого Якутска, то пригласил к себе в дом, за угощением расспрашивал о тамошних краях, а главное — о дорогах и речных путях.

Интересовался он, когда уходит Иван в отставку, говорил, что такой человек, бывалый да серьезный, ему бы вот как пригодился здесь, в Курске, и особо в торговых делах за Уралом, потому как хочет он скоро завести собственное дело.

Иван обещал подумать, а пока что помогал хозяину дома на подворье, иногда на складе, куда завозили товары; купец, у которого служил тот приказчик, его тоже знал и за работу платил исправно.

Надо сказать, что многие старослужащие при возможности искали и находили приработок себе в городах и селах, где стояли их части. Солдату, особенно семейному, каждый пятак не лишний.

Офицеры этому не препятствовали. Обыватели подряжали на работу солдат трезвых да умелых, а такие все делали не в ущерб службе; часть заработанных ими денег поступала, как было принято, в солдатскую артель.

Уже отмечалось, что, согласно квартирному расписанию, размещались батальоны, кроме Курска, в ряде других городов и сел.

Щигры, где стоял 1-й батальон Пензенского полка, находились в верстах пятидесяти юго-восточнее Курска, меж лесов и глубоких балок. Обыватели, числом в несколько тысяч, возделывали в этих местах землю да выращивали скот, особенно много разводили свиней. Солдаты расквартировались в домах местных жителей, и даже их, в общем-то ко всему привычных деревенских парней, донимал запах из многочисленных свинарников.

Зато грех было солдатам жаловаться на кормежку; как всегда, имели свой навар интенданты, причем без особого труда.

В больших селах Любичком и Дьякове, где размещались другие два батальона, служба и быт нижних чинов и здесь ничем не отличались. Конечно, хозяева вынужденно терпели неудобства и даже притеснения, но не роптали — бесполезно. Впрочем, такое положение сохранялось везде, где стояли армейские части.

Порой вели себя солдаты нарочито грубо и вызывающе, вынуждая хозяев быть сговорчивее в части получения дополнительного пропитания. Впрочем, здесь, на Курской земле, случалось это гораздо более редко, нежели, например, в Царстве Польском.

Вообще, многое зависело от унтер-офицеров и фельдфебелей, офицеры в подобного рода «мелочи» не вникали и целиком полагались на своих отделенных и взводных.

Короча и Новый Оскол, где квартировали батальоны Тамбовского полка, находились в ста — ста пятидесяти верстах южнее Курска. Оба уездных города располагались по берегам рек, соответственно, Корочи и Оскола; известны они с XVII века. Короча насчитывала тогда тысяч десять жителей, а Новый Оскол — не более двух.

Появление батальонов Тамбовского полка оживило течение жизни обывателей глубинки. Вместе с тем понятно, что те горожане, у которых непосредственно разместили солдат, особой радости от этого не испытывали.

Между тем основная работа в ротах и батальонах мало изменилась с тех самых пор, когда в 1849 году Иван Арефьев пошел служить Царю и Отечеству: так же продолжалось обучение молодых солдат, так же совершенствовались навыки в стрельбе и рукопашном бое нижние чины, так же изучались и заучивались в ротах уставные положения.

Правила стрельбы и штыкового боя, уставы знал Иван, как «Отче наш», в свои сорок с лишком лет многому мог научить в учебном бою молодого рекрута. Прошагав без усталости тридцать верст в марш-броске, на привале тотчас обходил лежавших на земле усталых солдат, требовал «предъявить» ноги: не стерты ли, мог отвесить хорошую затрепину за неаккуратно навернутую портянку и стертые ступни. В походе следил унтер-офицер и за тем, как отмеривали крупу и отвешивали мясо для солдатского котла, к которому, как и другие унтер-офицеры, садился вместе с одной из артелей.

Давно уже выстрелы и посвист пуль слышал он только на учениях, но приказывал солдатам в атаку идти и укрытия искать со всей серьезностью, как в настоящем сражении.

При обучении штыковому бою унтер-офицер Арефьев строго приказывал надевать суконные нагрудники и маски, суконные или холщовые перчатки. Сам, правда, обходился без маски, полагая, что она, хоть и оберегает в учебной схватке, но отсутствие привычной защиты в бою может смутить солдата. К тому же маска давала еще одно преимущество неопытному бойцу: она позволяла скрыть движение взгляда, который мог подсказать искушенному противнику, куда будет нанесен следующий удар штыком или прикладом.

Умело скрывать намерения в парной тренировке было важной и сложной задачей, поэтому, стремясь сохранить жизнь своим молодым товарищам в будущей возможной жестокой схватке с врагом, учил Иван этому особо. Вновь и вновь заставлял нападать, а не только защищаться; случалось, выходил один против двоих,

показывал усвоенные в бою приемы, каких не давало еще ни одно наставление. Но маску до конца службы так ни разу и не надел — не смог принять этого новшества.

Нужно заметить, что наставления, зачастую запутанные и далекие от реальности, унтер-офицеры, полистав, откладывали в сторону, и офицеры, по тем же причинам, не настаивали на их безусловном применении.

Для обучения солдат грамоте и арифметике нижние чины армии сами проходили теперь специальный двухгодичный курс; появились необходимые пособия, а позднее и книги, специально для солдатского чтения — чины Военного ведомства считали, что далеко не всякая литература будет полезна для обучения солдат.

Унтер-офицеры, по-прежнему уделяя основное внимание дисциплине и боевой подготовке, понимали теперь, что грамотный солдат, знающий азы арифметики, лучше запоминает уставы и наставления, легче осваивает приемы прицеливания с учетом дальности стрельбы и погодных условий.

Давно уже называли Ивана дядькою, а тут и вовсе стали поступать рекруты, которые ему в сыновья годились; так и относился к ним унтер-офицер Арефьев — с отеческой строгостью, учил и наказывал, если того заслуживали, но зла ни на кого не держал.

С заменой рекрутчины всеобщей воинской повинностью для всех классов и сословий начал меняться состав призывников: возраст их, за исключением льготников, составлял двадцать лет, возросло количество грамотных в армии — люди эти были более понятливы в военном деле. Методы обучения теперь соответствовали другому уровню развития, иному мышлению молодого солдата. С учетом этого уставы, наставления обновлялись, совершенствовались.

Самому Ивану тоже приходилось многому учиться; когда, например, начали поступать в полк (сначала в стрелковую роту) вин-

товки Бердана со скользящим затвором, осваивал новое оружие вместе с офицерами.

С полной отменой телесных наказаний в 1870 году дисциплину поддерживать следовало исходя из иного перечня взысканий и в установленном ныне порядке. В этот же период «при постепенном сокращении сроков действительной службы и при увеличении научных требований от унтер-офицеров, становилось необходимым обратить особое внимание на подготовку рядовых к унтер-офицерскому званию».

Согласно инструкций, причем Высочайше утвержденных и объявленных приказами по Военному ведомству, составлялись специальные учебные команды, куда направляли от роты пять-шесть человек. Такие команды появились к началу семидесятых годов во всех полках, обучение поручалось специально назначенным офицерам и унтер-офицерам. Нижние чины получали здесь необходимые сведения об обязанностях унтер-офицеров, «об обязанностях по внутренней службе и по нахождению в передовых постах...», основах теории стрельбы. Давались также основы знаний военного законодательства, дисциплинарного устава, некоторые сведения по организации войск и снабжению частей в пределах роты, батальона, полка.

Иван Арефьев также получал дополнительную теоретическую подготовку и свой опыт, приобретенный в боях и в мирное время, обязан был теперь передавать молодым солдатам с учетом полученных знаний, и не только прикладного (практического) характера. На занятиях припоминал Арефич известные ему случаи, которые могли бы быть примером исполнения службы в постах и караулах, важным для сбережения жизни своей и товарищей. Хорошо еще помнились внезапные нападения горцев и ночные дозоры на Кавказской линии.

Понимали молодые рекруты, хоть и не всегда упоминал Иван себя в тех примерах, что дядька в означенном деле был, и потому

слушали его с большим вниманием и уважением. Как образец солдатского геройства и доблести, называл Арефич Тимофея Евдокимова, Архипа Осипова, других героев Кавказской войны.

Так готовил унтер-офицер Иван Арефьев молодую грамотную смену, что, собственно, и явилось тем новшеством, которое вводило Военное министерство.

Из поступивших на военную службу с 1862 по 1871 год получили образование в средних учебных заведениях всего 404 человека (обратим внимание на эту ничтожную цифру), а ведь из унтер-офицеров готовили и офицеров, для чего, правда, необходимо было сдать соответствующий экзамен.

Значительное преимущество получали добровольно вступившие на службу «без различия происхождения... прослужившие в звании унтер-офицера не менее одного года». «По удостоению» начальства они могли быть допущены к конкурсному экзамену.

Таким образом, нельзя считать, что офицерский корпус армии в полной мере соответствовал требованиям реформы, но тогда вдвойне возрастала роль опытных, грамотных унтер-офицеров.

Офицерский корпус уже не был однороден, приходившие в Русскую армию офицеры все больше различались по происхождению и уровню образования. Верные присяге, они, при исполнении долга, следовали статьям «Свода Военных постановлений». Документ этот, многотомный, с многочисленными продолжениями, настолько всеобъемлющ, что казалось, в нем даны определения и наставления на все случаи службы и жизни солдата и офицера. Если случилось бы такое чудо, что все без исключения офицеры приняли статьи его к неукоснительному исполнению, то стала бы Русская армия непобедимой на все времена.

Приведем два, на мой взгляд, характерных положения из «Свода Военных постановлений»:

«Никто из служащих в исполнении возложенных на него обязанностей не должен смотреть ни на какое лицо, ни на какие пред-

ложения, а тем менее на партикулярные письма, хотя бы от первейших лиц в государстве, но обязан исправлять свое дело по точной силе и словам законов...

Общие качества каждого лица, состоящего на службе по военному ведомству: здравый рассудок, человеколюбие, честность, бескорыстие и воздержание от взяток..., покровительство невинному и оскорбленному...»

Надо думать все же, что армейские офицеры в большинстве своем хорошо знали содержание упомянутого документа, а слова «честь имею» были для них не пустым звуком, иначе под их началом вряд ли бы смог целых 25 лет служить «беспорочно» мой прадед.

В январе 1871 года истек срок второго трехлетия сверхсрочной службы Ивана. По такому случаю вызвал его командир роты и предложил остаться на третье трехлетие — добровольно отказаться, в очередной раз, от отставки.

Попытался ли сослаться Иван Арефич, для порядка, на седино, что уже пробивалась в коротко стриженных волосах его, или согласился без оговорок — не знаю, но срок службы его продлился и на этот раз.

Написал, значит, унтер-офицер соответствующий рапорт и, по положению, прикрепил на рукав мундира еще одну нашивку из золотого галуна, а также получил новый годовой оклад жалованья — всего порядка 100 рублей.

К началу 1872 года пришел приказ по Военному ведомству, в котором определялись новые квартиры для Штаба 31-й дивизии и ее полков. При этом 123-й Козловский полк переводился на место 121-го Пензенского, а 124-й Воронежский — на место 122-го Тамбовского полка.

Тамбовский полк теперь должен был занять квартиры 33-го Елецкого полка 9-й пехотной дивизии и расположиться в населен-

ных пунктах: Штаб полка — в городе Харькове, его батальоны 1-й, 2-й, 3-й соответственно в селах Должик, Новоборисоглебск, Новобелгород, а стрелковая рота — в Деркачах.

Пензенский полк заступил на место 34-го Севского полка той же, 9-й дивизии; штаб полка, а также 2-й и 3-й батальоны располагались теперь в городе Харькове, 1-й батальон — в селе Липцы, а стрелковая рота — в селе Марефа.

В 1656 году Харьков еще назывался в Москве «новостроящимся городом», в начале XVIII века он стал «полковым городом»; административным центром «края, входящего в состав Харьковского полка», здесь жили полковник и полковой старшина; администрация состояла тогда из полковой канцелярии и полкового суда. Так продолжалось до 1765 года.

В этих краях долгие годы «выходя на работу в поле, человек должен был брать с собою мушкет и саблю,... ни на минуту не был гарантирован от татарской стрелы или аркана..., там поневоле каждый становился воином....».

В «Кратких сведениях...» из истории города Харькова отмечается, что в XVIII веке он уже занимал «исключительное положение» среди южных городов России по своей «кипучей торгово-промышленной, научно-просветительской и художественной деятельности». Далее дается справка, что «располагается Харьков при слиянии рек Лопань и Харьков... по их долинам и водораздельной возвышенности..., наивысший пункт над уровнем Черного моря на 78,39 сажени, самый низкий на 47,27 сажени».

Во второй половине XVIII века, особенно в 1781 году, когда Харьков становится наместническим городом с наличием всех присутственных мест, какие определялись Екатерининским учреждением о губерниях, начинается новый его период. Строятся каменные казенные здания, домовладельцы вынуждены перестраивать фасады своих домов по присланным из Петербурга чертежам, а это не всякому доступно.

Город строится теперь только по утвержденному плану, с 1781 года вводится городское самоуправление. Императрица Екатерина посещает Харьков в 1787 году, и подготовка к ее приезду, как водится на Руси, дает толчок к энергичному благоустройству города.

В 1796 году стал Харьков губернским городом, а с 1835 года губерния меняет название — Слободско-Украинская становится Харьковской. Появление в 1867 году постоянной биржи, строительство железной дороги повлекло за собой развитие торговли и промышленности. Город начал преобразоваться.

К 1872 году Харьков насчитывал уже более 200 лет своей истории. Ко времени перевода сюда Пензенского полка почти половина мостовых в городе была вымощена камнем, выстроено около десяти тысяч домов, в которых проживали около шестидесяти тысяч жителей, открыто несколько гимназий и школ, в том числе профессиональных.

Таким в начале семидесятых годов XIX века увидел этот город сорокадвухлетний унтер-офицер Иван Арефьев, волею судьбы и воинского начальства оказавшийся в здешних казармах.

Естественно, что военные окружные учреждения оказались сосредоточены в Харькове — центре округа, а воинские части давно уже имели здесь свои квартиры. Где же располагались казармы, в которых разместили в означенное время батальоны Пензенского пехотного полка...

На старом плане города Харькова рубежа XIX—XX веков обозначено расположение Тамбовского полка в месте пересечения улиц Военной и Старомосковской; сейчас, как я понимаю, это район между Московским проспектом и улицей Руставели. Известны места расположения штабов как Пензенского, так и Козловского полков начала XX века, но батальонные казармы — совсем другое дело...

На том же плане показаны улицы Казарменная и Георгиевская, вблизи южной окраины города, неподалеку от излучины реки Лопани. Названия улиц в XVIII–XIX веках с потолка не брались, поэтому вполне возможно наличие на этом месте старых казарм, где квартировали в семидесятые годы батальоны пензенцев. Судя по всему, это место находилось между улицами, которые называются теперь Сидоренковской и Чугуевской.

Активное строительство казарм по «образцовым проектам» силами самих военных велось вначале в Москве и Санкт-Петербурге, а затем, после 1874 года, в других городах России.

Вместе с тем и в конце шестидесятых годов в городе Харькове размещение воинских частей в казармах, пусть старого образца, а не у обывателя, считалось наиболее желательным.

Приведу ниже выписки из материалов, посвященных такому строительству, которое велось «вне городов или, по крайней мере, на их окраинах...», в последнем случае, полезно отделять казармы, насколько это возможно, от городских строений не застроенным пространством, садами и парками».

При строительстве казарм предпочтение отдавалось местам возвышенным и вблизи водоемов. Отмечается, что их расположение должно обеспечивать «наилучшие условия для боевой подготовки, отдыха, материально-технического снабжения, лечебного и бытового обслуживания». В казармах предусматривались помещения для штаба и канцелярии соответствующей части, офицерские общежития и спальни солдат и унтер-офицеров, оружейные цейхгаузы, столовая, баня, лазарет.

Требования к казармам Императорской российской армии, как мне кажется, не утратили актуальности и сегодня:

«1. Здания казарм обязаны быть удобными, светлыми, чистыми и красивыми, поскольку это оказывает на солдат благотворное морально-психологическое и эстетическое воздействие.

2. Всесловность армии, в которой возрастает процент интеллигентных лиц, приводит к тому, что со стороны военнослужащих повышаются эмоциональные запросы, которые необходимо учитывать.

3. Казармы неизбежно делаются школой привычек. Люди, проживающие в них и испытавшие на себе влияние тех или иных удобств, стремятся вносить улучшения и в свой повседневный быт. Поэтому красивые казармы могут иметь большое воспитательное значение для больших масс людей».

И еще:

«Наиболее распространенными в ту пору были четыре типа казарменных интерьеров:

а) коридорный — несколько одинаковых помещений с общим коридором (общежития для неженатых офицеров, лазарет, штаб);

б) бескоридорный — отдельные помещения, группирующиеся вокруг общих центров — гостиных, холлов (офицерское собрание);

в) крупнозальный (многопролетные сооружения — конюшни, манежи, склады);

г) анфиладный (проходные залы спальных помещений).

Интерьеры казарменных комплексов решались довольно скромно. Украшались, да и то минимально, только помещения офицерских собраний, канцелярий и полковых музеев (при наличии таковых). Солдатские спальни отличались спартанской простотой. Стены штукатурились, покрывались масляной краской. Полы делались из сухих досок твердых пород, пропитывались олифой, льняным маслом или каменноугольным дегтем и красились. Мебель была лишь самая простая и необходимая — прочная, из твердых пород дерева или из металла, также окрашенная масляной краской. В жилых комнатах стояли кровати, ружейные стен-

ки. Для фельдфебелей, унтер-офицеров и вольноопределяющихся имелись шкафчики с табуретками.

Спальни в казармах, как правило, были ориентированы на юг и юго-восток, а помещения для занятий — на север и северо-запад. Для лучшего освещения окна делали высокими и размещали их ближе к потолку. Было предусмотрено искусственное освещение.

Поскольку имевшиеся тогда светильники выделяли углекислому и копоть, распорядок дня предусматривал ранний подъем и ранний отбой».

Такому описанию, скорее, соответствовали казармы Тамбовского полка более поздней постройки; казармы, где разместили батальоны пензенцев, видимо, были менее благоустроены.

Однако отапливаемые казармы и помещения для занятий, расположенные здесь лазарет и баня (солдаты сами приводили их в порядок и ремонтировали) вряд ли хоть чем-то могли вызвать неудовольствие людей, которые кроме крестьянской избы иных помещений и домов не знали. Привычны они были и к бивачной жизни, и к палатке в поле в летний зной, и к зимней ночевке на снегу...

В начале 1872 года неожиданно вызвали Ивана в Штаб батальона, а потом без каких-либо объяснений отправили в Штаб округа. Там ждал его Домбровский — был он теперь в звании майора. Оказывается, приказ о присвоении офицеру капитанского чина военное руководство подписало еще в 1867 году, когда сопровождал тот команду в Сибирь.

Домбровский рассказал Ивану, что переведен он в Штаб Харьковского округа недавно и что специально наводил он справки об Арефьеве, так как хотел повидаться. Потом пригласил его офицер к себе поужинать, а поскольку Иван на вечер не отпрашивался, то послал Домбровский тотчас к батальонному командиру солдата с запиской.

Чтобы не тушевался Иван, майор по дороге сообщил, что жены с детьми дома нет — живет пока у родителей.

Минут через пятнадцать подошли к двухэтажному дому на Рымарской улице. В квартире на втором этаже встретил их денщик, быстро накрыл стол с холодными и горячими закусками.

Когда сели, Домбровский сам открыл штоф украинской пшеничной водки и, разливая ее в тонкие прозрачные рюмки, предложил называть его здесь только по имени отчеству.

Первую рюмку, по предложению офицера, выпили в память тех, кто головы сложил на войне, а потом, особо, за Евдокимову светлую память.

Привык Иван держать в руках железную кружку, на крайний случай — толстый граненый стакан, поэтому сначала с опаской брал за тонкую ножку хрупкую хрустальную посуду.

Водка (называли ее еще черкасским вином) была хороша — Иван сразу приметил, — не в пример дешевой, которую продавали братья Смирновы, та ничем почти не отличалась от наливаемой в солдатские чарки.

Сидели, говорили, как старые товарищи: Виктор Петрович да Иван Арефич, без чинов и званий. Вспоминали горные дороги да крутые склоны, перестрелки и как врукопашную сходились... Потом сибирский свой долгий поход вспоминали...

Спросил Домбровский, какие у Ивана намерения. Когда узнал, что решил тот, теперь уже твердо, после очередного трехлетия уходить в чистую отставку, повел об этом разговор подробнее. Желание остаться в Харькове одобрил: город для проживания хороший, строятся здесь и жилые здания, и казенные, появляются всякие конторы, присутственные места, магазины, банки, гимназии — словом, отставному солдату работа найдется.

При прощании пообещал Домбровский ближе к сроку отставки Ивановой что-нибудь подыскать ему и добавил, что «обрастает здесь понемногу знакомствами».

Проводил офицер солдата, сам закрыл дверь за ним, денщика звать не стал.

В казармы возвращался Иван по Рымарской, миновал Покровский мужской монастырь, что расположился на возвышенном берегу реки Лопань, древнейшие в Харькове постройки его были освящены еще в 1689 году.

Дорогой обдумывал Иван неожиданное предложение бывшего своего командира. Есть над чем подумать.

Перешел солдат реку по трехарочному мосту и далее проследовал по Гренадерской улице, потом свернул налево, прошел пустырь и через час вышел в расположение своего батальона.

В последующие годы службы моего прадеда в армии ввели, как отмечалось, новый порядок призыва: общий срок службы составлял теперь пятнадцать лет, из них на действительной военной службе солдат находился всего шесть лет. Уставом о воинской повинности еще раз подтверждалось: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояния, подлежит воинской повинности».

Для отправления воинской повинности учреждались призывные участки, в состав каждого входили уезд или часть уезда. С января 1874 года учреждены были губернские и областные Воинские присутствия, наделенные соответствующими полномочиями.

Отмечу далее некоторые, на мой взгляд, интересные положения упомянутого Устава: «Вооруженные силы государства состоят из постоянных войск и ополчения. Сие последнее созывается лишь в чрезвычайных обстоятельствах военного времени...

Лица мужского пола, имеющие от роду более пятнадцати лет, могут быть увольняемы из русского подданства лишь по совершенном отбытии ими воинской повинности...»

Уставом определялся порядок формирования ополчения, при этом отмечалось, что «при выдаче заграничных паспортов мо-

лодым людям, числящимся по ополченческим спискам, ...следует брать с них подписку в том, что, в случае объявления о призыве на службу ополченцев..., они обязуются сами, не ожидая именного вызова, вернуться на родину и явиться в... присутствие по воинской повинности».

Далее прописывалось: «К жребию призывается ежегодно один только возраст населения, именно молодые люди, которым к 1 января того года, когда набор производится, минуло двадцать лет от роду» («жеребьевый» порядок призыва уравнивал шансы всех: не вытянул билетик — твое счастье).

Подробно разъяснялись правила приписки к призывным участкам и порядок жеребьевки, медицинского освидетельствования и многое другое, что, с точки зрения чинов Военного министерства, не давало бы возможности на местах решать столь болезненные вопросы по собственному разумению. Вместе с тем, как и ранее, было «дозволено заменять рекрута взносом денег в 570 рублей».

И наконец, имелся такой пункт: «Лицам, удовлетворяющим определенным условиям образования, представляется отбыть воинскую повинность без жребья, в качестве вольноопределяющихся». При этом для последних существовали особые правила и условия прохождения воинской службы.

Реформа ширилась, подкрепленная реальными изменениями во всех аспектах строительства армии и флота. Тем временем продолжалось очередное трехлетие сверхсрочной службы унтер-офицера Арефьева, последнее, как он решил для себя теперь окончательно.

Естественно, солдатская служба во многом зависит от офицерского корпуса армии в целом, но конкретно и полностью — от человека, который командует ротой, батальоном, полком.

Посмотрим, какие условия влияли на состав и общий уровень подготовки офицеров русской армии в шестидесятые — семидесятые годы XIX века.

Офицерское звание, наряду с выпускниками военных училищ, могли получить и молодые люди, окончившие средние учебные заведения, при условии сдачи «полного выпускного экзамена» в юнкерское училище и последующей — не менее одного года — строевой службы. Для окончивших высшие учебные заведения возможность пополнить офицерский корпус Русской армии появлялась по истечении трех месяцев службы.

Наконец, существовали программы для испытания нижних чинов общего срока службы, «желающих быть произведенными в офицеры или воспользоваться установленными за отказ от производства преимуществами...».

Посмотрим на эти программы, ведь офицерское звание, при сдаче экзамена, мог получить любой крестьянский парень, разумеется, и тот, который служил рядом с моим прадедом или в его подчинении.

Обязательными предметами в этом случае до 1 января 1869 года были: Закон Божий, русский язык, арифметика (до дробей включительно), воинские уставы, регламентирующие порядок ротных и батальонных учений, лагерную, форпостную и гарнизонную службы, дисциплинарный устав.

Затем программу расширили — изучение Закона Божия включало теперь не только Катехизис, но и Священную историю, появились предметы: всеобщая география (краткие сведения), география России, русская история, геометрия. Кроме воинских уставов начали изучать правила применения действий на местности (атака и оборона небольшими частями, оборонительные сооружения).

Мы видим, что нижние чины, производимые в офицеры, в полной мере сдавали экзамен по программе юнкерских училищ.

При этом правила определяли, что: «...нижние чины общего обязательного срока могут быть производимы в офицеры по прослужении не менее 10 лет, из которых в унтер-офицерском звании не менее 6 лет, причем не менее года в старших унтер-офицерских званиях».

И все же общий образовательный уровень солдат оставался весьма невысоким, что не отвечало новым требованиям реформы армии.

Хотя офицеров не хватало, Сводом Военных постановлений поощрялся добровольный отказ солдат от производства в офицеры даже после успешной сдачи экзамена: считалось, что благодаря этому в армии формируется грамотный унтер-офицерский состав. Унтер-офицер в таком случае получал существенную прибавку к окладу жалованья и дополнительно золотой шеврон из галуна.

Вот какую характеристику дает современник Ивана Арефьева нижним чинам-«отказникам»: «...встречались примеры, что отличнейшие, благонаправные и умные солдаты отказывались от производства в офицеры... Бдительный, зоркий глаз их все видел, сердце болело за всякую чужую беду... их любили и уважали все».

Общий подход Военного министерства к распространению грамотности в войсках и в немалой степени наличие определенного числа таких унтер-офицеров позволяли теперь, к началу семидесятых годов, создавать библиотеки сначала в каждом батальоне, а затем и в ротях. Появились в частях армии и солдатские чайные. Они давали возможность, хотя бы и в пределах части, встретиться товарищам не в казарменной обстановке, а, как сказали бы сейчас, в неформальной, поговорить, обсудить личные проблемы.

Оговоримся сразу же: высказывалось мнение, что далеко не все книги будут понятны и тем более полезны нижним чинам. Поэтому для солдатских библиотек производился тщательный отбор литературы. Позднее появилась специальная брошюра «Алфавит каталога книг на русском языке, запрещенных к обращению и пе-

репечатке в России» — как видим, ограничения по части книжного чтения касались уже не только чинов армии.

В войсках борьба с распространением запрещенной (в том числе и революционной) литературы носила постоянный характер — в Штаб Харьковского округа регулярно поступали циркуляры Главного управления по делам печати относительно этого вопроса. За чтение недозволенной литературы ссылали «грамотев» в Сибирь, за рядовыми и унтер-офицерами, склонными к такому чтению, устанавливался политический надзор. Материалы ряда дел Харьковского военного округа, относящиеся к периоду семидесятых годов, отражают именно эту тему.

О настроениях моего прадеда в части «политики» мне ничего не известно, скорее всего, был он вполне «верен Престолу и Отечеству», но о событиях, происходящих вокруг, не мог не знать.

Рекрутские наборы производились, как и ранее, с Восточной и Западной полосы России поочередно, основная часть рекрутов поступала в войска в феврале — марте.

Армию дозволялось теперь пополнять, принимая на службу новобранцев, имеющих рост 2 аршина и 2 $\frac{1}{2}$ вершка. А в декабре 1869 году увидело свет Высочайше утвержденное Наставление, согласно которому «крепости телосложения и состояния грудных органов, посредством соотношения между размерами груди, роста и весом тела..., в том внимании, что с улучшением быта нижних чинов, сокращением срока службы, некоторые телесные недостатки и маловажные болезни... не могут препятствовать исполнению строевой службы».

Пожалуй, большинство таких рекрутов, когда бы взяли их вместе с прадедом, вряд ли смогли бы протянуть и пять лет в прежних условиях, а скорее всего, и не добрались бы от места призыва до своей части.

Теперь же «для ускорения призыва, все распоряжения по сему предмету определено передавать по телеграфу или через курьеров; нижних чинов предложено перевозить, где возможно, по железным и водным путям, при неимении же их — на подводках».

Как говорится, почувствуйте разницу!

В 1871 году Военное министерство «испросило разрешение на производство набора вместо четырех по шести человек с тысячи душ». Необходимо было восполнить уменьшение численности нижних чинов, составившую за девять предыдущих лет на 1000 человек всей убыли:

- убитыми в сражениях — 1,5
- взятыми в плен и без вести пропавшими — 1
- умершими — 86
- бежавшими — 32
- не способными к службе по состоянию здоровья — 125
- уволенными в бессрочный отпуск — 228
- по другим причинам — 353,5.

Обращают на себя внимание цифры: от всей убыли — умерших почти 9%, тяжело заболевших — порядка 12–13%, более 20% — это нижние чины, здоровье их было подорвано полностью и даже со смертельным исходом.

В батальоны Пензенского полка весной 1872 года прибыла маршевая рота в количестве чуть менее ста человек, им предстояло нести здесь службу, в роту полка попадало человек десять новичков.

В теплый мартовский день выстроились батальоны на плацу для принятия рекрутами присяги. До этого события давалось Ивану всего-то недели две, чтобы научить — хоть как — молодых солдат стоять в строю и разъяснить — насколько удастся — смысл и содержание присяги, а также некоторых других важных понятий.

Который уже раз за время своей службы внушал Иван новичкам, как важно сохранить знамя в бою — хотя бы и ценой собственной жизни, в который раз говорил, что не было случая утраты знамени полками их дивизии. И чтобы утвердить значимость сказанного, вставал сам по стойке «мирно», отчетливо и громко повторял: «За оным... непременно и верно... следовать буду».

Растолковывал унтер-офицер рекрутам, что после принятия присяги, клятвы Родине и Государю солдат становится человеком Государевым и Бог защитит того, кто служит честно, не щадя живота своего.

Рассказал Иван подопечным и такой случай. Когда в неравном бою на Кавказской линии погибли офицеры и унтер-офицеры отряда, попавшего в засаду, рядовой Уколов приказал двадцати солдатам слушать его команды и повел их в рукопашную... Дрались против четверо превосходящего противника, пока не подоспела подмога. За мужество Уколова произвели в унтер-офицеры, получил он и награду — 100 рублей серебром, другим нижним чинам выдали по 5 рублей — за то, что отстояли транспорт, который сопровождали. (Деньги были традиционным поощрением; не только за боевые подвиги награждали солдат таким образом, но за меткую стрельбу или за успешное участие в смотре.)

Несколько раз на занятиях прочитал унтер-офицер рекрутам слова воинской присяги, внятно и неспешно, пояснял, как и почему важно «чинить послушание» поставленным над ними командирам.

...Теперь же, стоя на плацу в одном ряду с офицерами и солдатами батальона, равнялся Иван на развернутое по случаю принятия присяги знамя, слушал вместе со всеми командира полка, тот просто и доступно говорил о долге и дисциплине.

Потом один из офицеров зачитал перед строем некоторые статьи воинских уставов и Свода Военных постановлений, только затем начали приводить молодых солдат к присяге.

Не в первый, конечно, раз мой прадед, сам бывший на месте теперешних рекрутов более 20 лет назад, участвовал в этой церемонии. Но, как и ранее, зная все слова присяги наперед, каждый раз повторял их про себя дважды: сначала вместе со священником, а потом с солдатом — как бы старался помочь ему исполнить все без ошибок.

Потом солдат целовал Евангелие.

Несколько магометан в этот раз приводили к присяге на татарском и азербайджанском языках, соответственно вторили они мullah, держа два пальца на Коране. Еще пятеро новобранцев принимали присягу в присутствии католического священника. В целом же, общий порядок принятия присяги оставался единым.

Обратно в строй присягнувшие солдаты становились неумело, иногда спотыкались на глазах начальства и товарищей, но за это их никто не корил потом.

И пошла служба дальше, для Ивана — привычно и размеренно, для молодых солдат — все было внове: и мундирная одежда, и сама казарма, и занятия по уставам и на плацу.

Один солдат католической веры, Стефан Литинский, попал во взвод, где служил Иван. Батальонный писарь записал его Степаном, но прадед мой считал, что грешно менять имя, данное от Бога, и потому звал его всегда Стефаном.

Литинский отличался грамотностью и отменной выправкой, в строю держался уверенно, быстро освоил фехтование и рукопашный бой, в роте сразу повел себя так, что никто из старых солдат притеснять его не решился.

Всем этим Ивану молодой солдат понравился, и вскоре, несмотря на разницу в возрасте, стали они хорошими товарищами.

Для солдат, уже прослуживших два-три года, втянувшихся в распорядок ротных подъемов по утрам, лагерных учений и строевых занятий, внове были только молодые их товарищи. К ним, как

всегда в таких случаях, приглядывались, в большинстве своем наставляли и помогали не попасть впросак.

Теперь уже не только унтер-офицеры, но и рядовые знали, что по закону «честный» солдат — неприкосновенен, только приказом по роте могли его наказать, например временным запретом на отлучку из казармы. Вторичный проступок приводил к занесению фамилии виновного в «ротный штрафной журнал». Провинившихся направляли и в «дисциплинарные команды», к тому времени учрежденные.

Смертной казнью карали единственно за уголовные преступления, а также «за возмущение против власти..., за грабеж, убийство, измену». Наказание в таких случаях определял суд.

И теперь, как и раньше, унтер-офицерский кулак по-прежнему оставался одним из средств поддержания порядка и дисциплины. Да на это особо не обижались: суд или даже запись в штрафной журнал казались солдату страшнее.

В этом смысле мой прадед не был исключением и такие свои действия полагал справедливыми потому, что наказывал самолично и, как считал, «только за дело». В то же время, когда пускал в ход кулаки хотя бы и старый солдат, но из-за своей корысти, Иван его самоуправства не терпел. Молодые в большинстве своем не имели привычки жаловаться, но унтер-офицер, научившись за десятилетия службы в отделении и во взводе все видеть и слышать, распознавал ситуацию и тотчас принимал меры по своему разумению.

Вспоминал Иван Арефич, что на одном из занятий по рукопашному бою любитель кулачной расправы по команде «сбоку отбей» или «снизу отбей» не сработал как положено. Тогда велел ему унтер-офицер надеть нагрудник и маску, взять ружье и идти на плац. Здесь после нескольких пропущенных ударов приклада, виновный на глазах у товарищей благодарил своего наставника «за науку» и обещал впредь «себя соблюдать». Он сам, как и другие,

кто много лет уже дядьку хорошо знал, в подлинной причине таких неурочных занятий нисколько не сомневался.

Другой «напастью», и в первую очередь для неграмотных солдат, были писари. Эта публика вообще занимала особое положение, и не только потому, что умели писари разборчиво и красиво писать (иногда встречались среди них настоящие каллиграфы). Об этих их способностях я знаю теперь доподлинно, так как перечитал сотни дел, заполненных писарями полковых, дивизионных и батальонных штабов.

Преимущество их заключалось в том, что находились они в штабах, по роду своей службы были ближе к офицерам, документов видели и знали гораздо больше, чем другие нижние чины.

Отличала дивизионных, полковых и батальонных писарей и широкая, как у фельдфебелей, галунная нашивка поперек погон. Даже старшие унтер-офицеры имели на погонах хотя и три, но узкие нашивки.

Ротные писари фельдфебельских погон не носили; именно к ним чаще всего солдаты обращались за помощью. Приходила, например, рекриту весточка из дома, бежал он тогда к писарю, просил «дядюшку» письмо прочесть. Если у самого служивого появлялась охота написать родным, опять же шел он к «благодетелю». В первом случае следовал такой ответ: «Как я могу прочитать тебе письмо в скучном виде... Да я тебе такой холод-голод и всякую нужду невольню вычитаю и представляю, что ты изрыдаешься и уйдешь в лазарет». Во втором случае писарь возмущался: «Ты, братец мой, воображаешь себе, что можно сочинить письмо натошак...!»

Подобному Иван Арефич бывал неоднократно свидетелем.

Многие ротные писари умудрялись пить без меры, утверждая, что «грамотному нельзя не пить от тоски одиночества». Вот как рисует старый служака писарские привычки: «...мудрец этот по-

стоянно получал подачки, то деньгами, то натурою — в виде ко-сушки или полуштофа».

Попадались и такие, что пускались, по отзывам своих товарищей, в рассуждения: «Грамота, братец мой, великое дело — она все может, и вся она в моих руках: могу написать тебе такое письмо, что батька твой как прочтет, так последнюю корову продаст и пришлет денег; а могу написать и такое, что прочтет, да только плюнет на него...»

Ротные писари унтер-офицерам большей частью были неподвластны, но рекрутов Иван Арефич часто выпрашивал, что пишут им из дома, советовал родителей службой не пугать — здесь, конечно, медом не помазано, но правду следует доводить так, чтобы мать потом слез не лила, жалеючи своего солдата.

Служили в подчинении у Арефича два-три хитреца, на расспросы своего наставника отвечали: пишут, мол, родителям, какой дядька у них справедливый да заботливый, и от батюшки с матушкой постоянно передавали поклоны.

Раскусил их унтер-офицер, да сначала только усмеялся, а потом и ответил на такие рассказы: дескать, если я, такой добрый да ласковый, ничему дельному не научил вас, то надо бы исправить это, и начать следует уже со следующих занятий...

Прадед с тех пор, как вполне освоил грамоту (да и почта к шестидесятым годам заработала в российских уездах), сам написал на родину несколько писем, в ответ вроде бы даже получал весточки от брата и сестры, в том числе известили они его и о смерти родителей.

Между тем военная жизнь с регулярными занятиями по уставам, на плацу, на стрельбище шла своим чередом. Новые уставы, принятые во второй половине шестидесятых годов, уже полностью были освоены унтер-офицерами, «мирный» состав батальона

в пятьсот человек позволял им теперь более успешно работать с каждым солдатом в отдельности.

Все больше молодых офицеров, выпускников военных учебных заведений, проникались идеями современной (на тот период) техники использования войск и средств вооружения. Идеи эти чуть позднее обобщил и сформулировал М.И. Драгомиров.

Вновь обратились и к заветам А.В. Суворова, который в своей военной теории делал особый упор на подготовке солдат непосредственно к бою — ничем иным занимать рядового никак не следовало. При этом научить солдата мыслить, а не механически исполнять команды многие офицеры считали своей главной задачей.

Должны были этим руководствоваться в работе с подопечными и унтер-офицеры. Поэтому Иван Арефич более, чем в прошлые годы, задавал рекрутам вопросы по уставам и наставлениям, стараясь таким образом заставить солдат думать. Приводил примеры из Кавказской войны и, обрисовав обстановку в атаке или обороне, в карауле и на биваке, требовал солдат назвать возможные действия в том или другом случае.

Винтовок Бердана в полк поступило еще мало, поэтому только стрелковая рота да унтер-офицеры владели вполне этим оружием, в большинстве же своем рядовые имели ружья старого образца, калибром 6 линий.

И все же командование полка решило понемногу учить стрельбе из «берданки» все роты. Сильно не хватало для этого патронов, и дело поэтому шло не так успешно.

Между тем в батальонах появились специальные штатные инструкторы для обучения фехтованию и рукопашному бою. Боевые унтер-офицеры, такие, как мой прадед, отнеслись к новшеству поначалу с недоверием, несмотря на то, что теперь с них снималась часть нагрузки. Познакомился Иван Арефич с одним инструкторо-

ром-прапорщиком, узнал, что был он унтер-офицером, а после присвоения звания прошел специальное обучение.

Хоть оказался прапорщик на десяток лет моложе Ивана, в поединках показал он себя бойцом умелым и решительным. «Такому можно доверить молодых солдат, — подумал унтер-офицер, — для общего курса подготовки вполне можно».

Весною, в мае, уходили батальоны на летние учения в лагерь, что обустроивались неподалеку от Марефы. Переход делали в два дня, везли с собой, как всегда, кухни, палатки, другие предметы военного быта.

На Харьковщине в это время года совсем тепло, а потому шли просохшей уже дорогою среди зеленеющих полей, оставляя за собой одно село за другим. Шли в полной амуниции, с оружием, шинели, котелки приторочили к ранцам.

Время от времени музыканты оркестра выходили вперед, играли свою музыку на медных и деревянных инструментах. По положению, оркестр дивизии находился в ее первом по счету полку, то есть 121-м Пензенском.

По команде запевали песню, старые солдаты, которых в полку оставалось два-три десятка, учили молодых словам, что сами лихо выводили теперь под музыку да под строевой шаг:

Вспомним, братцы, про то время, как стояли в Зырянах,
Как не раз Хаджи-Мурата мы пугали на горах...

Пули, ядра осыпают на Аварский наш отряд,
Но нам пули все знакомы, нам и ядра нипочем.

Вот проклятый басурманин вздумал шутку отмочить:
Он посты держать заставил, хотел голодом сморить.

Мы рогатую скотину начисто перевели,
Стали есть мы лошадину — и варили и пекли.

Вместо соли мы солили из патронов порошком,
Сено в трубочках курили, распрощались с табачком.

В песне этой изложен довольно точно один эпизод Кавказской войны — дело под Зырянами. Правда, кто кого «пугал» тогда — большой вопрос... Солдат в сложенной им самим песне, если и приврал, все равно проговорится.

Пели с душой, весело, с посвистом, тем более что шли, когда все вокруг цвело — поля, луга... Да и сельские девки расцвели по весне еще краше...

Конечно, летние учения не сахар: марши до седьмого пота, стрельбы и караулы, постройка укреплений и смотры; кому-то все это привычно и не в тягость, а кому-то — внове и потому тяжело...

В город вернулись осенью 1872 года.

Совсем неподалеку от казарм, на улице Заиковке, стояла Александро-Невская приходская церковь, солдаты считали ее своей, туда приводили их командою по церковным праздникам и по случаю тезоименитства членов царской семьи.

Иван Арефич заходил в храм и, по своему усмотрению, ставил свечи за упокой отца и матери во Вселенскую родительскую субботу, в день поминовения от века усопших поминал боевых товарищей...

К началу 1873 года исходил он город Харьков, считай, вдоль и поперек, захаживал в булочные на Сумской и Старомосковской улицах, на Университетской горке знал магазин, что торговал «азиатскими товарами», а еще на вывеске того магазина пояснение было: «...кавказскими и прочими».

Прогуливался Иван у рынка на Рыбной улице, здесь же, неподалеку, продавали бакалейные товары; не спеша проходил по со-

лидной Сумской улице, бывал на Николаевской площади, что постоянно застраивалась новыми зданиями.

В центре Харькова встречалась все больше чистая публика: чиновники, студенты, гимназисты, нарядно одетые дамы, офицеры, по площади неспешно прохаживался городской, глядел по сторонам: следил за порядком.

Как-то зашел Иван в бакалейную лавку на Рыбной прикупить чаю, разговорился с отставным солдатом. Рассказал тот отставник, что поселился он в Харькове еще в начале шестидесятых, что жена его умерла несколько лет назад и что теперь живет он совсем один в небольшом домике в Рыбном переулке, где у него комната с одним окном на заросший сорной травой небольшой дворик. От скуки позвал он к себе Ивана попить чайку.

Помнил старик Корнилова и Нахимова по тем временам, когда участвовал в делах у Севастополя, и в полной убежденности доказывал, что «нипочем бы Севастополь не сдали, коли не выцелили б англичане Нахимова».

«Нахимов-то, — говорил бывший солдат, — хоть поначалу морскими кораблями командовал, а в Севастополе всему войску был голова, вот англичане в голову ему и расстарались попасть, чтобы, значит, наверняка. А мне тогда же руку покалечило, сажень с двухсот палили, пороха да пуль не жалели....»

Пулю из руки потом вынули, но перебила она какую-то «важную жилу», рука сначала не сгибалась, а потом стала сохнуть. По действующему положению «Об устройстве отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов» назначили солдату «трехрублевое в месяц от казны содержание, как не способному к личному труду».

В рекруты попал новый знакомец Ивана в 50-м году, было ему тогда далеко за тридцать, выслуги имел всего пять лет в звании рядового. Прирабатывал он на рынке сторожем — на жилье и кошку кое-как хватало.

Сам инвалид считал себя родом из запорожских казаков, фамилию имел Носаченко, говорил, что так записал писарь еще его отца — от дедова прозвища Носач, тогда-то и пошла фамилия. В разговоре мешал запорожец украинские слова с русскими. Что в Харькове осел, был доволен и имел свой взгляд на его историю.

Утверждал дед Носаченко по такому случаю, что служил когда-то у Гетмана Богдана сотник Харько, вроде как адъютантом; за заслуги подарил Хмельницкий ему землю на берегу Лопани, где и выстроил тот сотник свой, значит, Харьків хутор...

Расстались Иван и потомок запорожских казаков почти друзьями...

Когда бывал Арефич в центре города, на Соборной площади, обязательно заходил под своды Успенского кафедрального собора. Огромное здание было выстроено за девяносто лет до того, в 1783 году, и создавалось по рисунку знаменитого Растрелли; иконостас храма отливал позолотой икон, лики святых внимательно смотрели на каждого входящего.

Зашел как-то прадед и в Троицкую церковь, что стояла в Троицком переулке, недалеко от Рыбного. Так как достаточно тесно судьба самого Ивана Арефича, его детей и внуков связана именно с Троицкой церковью, расскажем о ней несколько подробней.

Сейчас адрес ее — переулок И. Дубового, церковь — одна из древнейших в городе. Еще в 1659 году стояли на этом месте две деревянные церквушки — Троицкая и Благовещенская. В 1764 году отстроили на их месте каменный храм с тремя куполами и в мае месяце того же года освятили. Небольшая церковь с трубящим ангелом на шпиле колокольни просуществовала девяносто три года.

Прадед же мой посещал тот Троицкий храм, который заложили 7 июля 1857 года «во славу Святой Единосущной и Живительной Троицы»; в основу здания легли два камня с выдолбленными в них крестами из фундамента старой церкви.

24 сентября 1861 года Главный престол во имя Святой Троицы был освящен Макарием, Епископом Харьковским; многие горожане, бедные и богатые, жертвовали на храм деньги и утварь. В часовне в 1866 году «во помяновение чудесного спасения Государя Императора при покушении Каракозова» сделали надпись: «Господи, спаси Царя и услыши ны».

Этому храму пришел поклониться я в мае 2000 года.

А в семидесятые годы XIX века, следуя от Рыбной улицы к казармам, заходил в Троицкую церковь Иван с отставником-инвалидом, Носаченко был постоянным прихожанином этого храма. Уговаривал он Ивана Арефича после отставки поселиться в Харькове, считал, что здесь солдат вполне и работу может найти по душе, и жену по нраву.

На Рождество зашел Иван к старику Носаченко, до того отстояли они в Троицкой службу. За штофом водки и за закуской снова уговаривал приятель Арефьева: «Вижу, здоровьем Бог тебя не обидел, значит, не укатали сивку крутые горки, крепко землю топчешь. Оставайся...»

Прошло время, зима 1872—1873 годов шла на убыль...

Летние учения 1873 года ничем не отличались от предыдущих, за исключением, правда, одного события.

В уезде, где располагался в это время Пензенский полк, были отмечены волнения крестьян. Местные власти восприняли их как возможную угрозу помещикам и общему спокойствию. Может, по этой причине и испросили власти помощи армейских частей.

Командир роты, получив соответствующий приказ, отправил Ивана с двумя десятками солдат к деревне, что находилась в верстах десяти южнее Марёфы. Оружия офицер приказал с собой не брать, по такому случаю Арефьев велел своим подчиненным оставить в части и ножи, с которыми те на летних учениях не расставались и снимали их с пояса только на ночь.

Когда подошли к окраине деревни, где их должна была ожидать полиция, Иван увидел толпу крестьян, человек пятьдесят с кольями, кое-где мелькали и вилы. Полицейских, однако, солдаты нигде не заметили.

Положение принимало дурной оборот, просто развернуть свою команду и уйти Иван Арефич не мог: во-первых, этим он нарушил бы приказ, а во-вторых, для молодых солдат — а их в команде оказалось около половины — отступление в первом же «деле» послужило бы плохим уроком.

Крестьяне, чем-то или кем-то настроенные непримиримо, видя некоторое замешательство солдат, с криками двинулись им на встречу.

Иван приказал солдатам держаться плотнее и приготовиться к рукопашной; назвал человек пять наиболее надежных и велел им принять на себя бунтовщиков с вилами — вилы следовало у них отнять, но самим зубья в ход не пускать.

Выждав, когда толпа приблизилась сажень на двадцать, отдал Иван приказ быстрым шагом идти навстречу бунтовщикам. Чуть опередив своих, подступил он к лохматому мужику, который бойчей других размахивал вилами и, по всему виду, являлся заводчиком. Перехватил унтер деревянный черенок и подсечкой бросил мужика на землю, зубья вил до основания вошли в мягкий черенком. Выхватил Иван из земли вилы, тычками и наотмашь стал охаживать деревянным черенком нападавших. С теми из них, кто пытался орудовать вилами, справились все, кому было поручено. У одного только ефрейтора при этом оказалась продырявлена рука.

Когда все закончилось, велел Иван своим уходить, но без спешки.

Уже у поворота дороги догнал их лохматый: «Вилы-то, вилы отдайте...» Иван приказал солдатам воткнуть вилы в землю, а про-

сителю сесть и сидеть смирно. Тот сразу хлопнулся на задницу и обхватил колени руками.

Отойдя подальше, разорвали «усмирители» рубахи, перевязали руку раненому, а еще четверым солдатам головы.

Сразу по возвращении Иван Арефич доложил ротному, как обстояло дело.

Но к вечеру вызвали его в штаб батальона. Там, кроме капитана — командира роты и подполковника, находились батальонный писарь и жандармский офицер.

Иван второй раз теперь доложил о происшедшем, а писарь за ним записывал. Неожиданно жандарм спросил, кто отдал приказ не брать с собой оружия. Прадед мой смолчал, поглядел на своих офицеров.

Тогда командир батальона приказал ему быть свободным, а жандармскому офицеру ответил, что они сами во всем разберутся.

Случай этот все же отметили приказом по округу, там значилось, что «нижние чины... были посланы в обход в помощь местной полиции..., были избиты крестьянами... ружей с собой не имели по недосмотру начальства...»

Иван же про себя думал: «Слава Богу, что не прихватили с собой оружия, без смертоубийства обошлось, греха на душу не взял...»

Куда девались полицейские, коим армию направили на подмогу, солдат так и не узнал...

Давно уже понял Иван, что его собственное настроение, а значит и спокойствие, передается подчиненным; решительности и смелости учить надо личным примером, и лучший способ обучить, например, стрельбе — умело владеть винтовкой самому.

В летние месяцы проводились не только стрельбы и марши, чему уделялось, конечно, основное внимание, но не оставлял Иван обучения молодых рекрутов уставным отношениям, в том числе,

общению с начальством — безбоязненному и в то же время почтительному. Тренировал в правильном титуловании и отдавании чести, учил краткости и вразумительности ответов, в частности требовал следовать и таким рекомендациям: «...при ответах, не всегда можно прибавлять титул, например, на вопрос: какая восьмая Заповедь — пусть отвечают “не укради”, не добавляя титула, иначе выйдет: “не укради, Ваше Благородие!...” ...Во время Святой пасхи, если начальник приветствует словами: “Христос Воскрес”, то при ответе нельзя добавлять титула, нельзя отвечать: “Воистину Воскрес, ваше Благородие”...»

Теперь в обязанности унтер-офицера входила также задача учить солдат извиняться за неловкий поступок перед товарищами, перед начальством — и такие вот появились новшества...

В практических наставлениях дядьке говорилось: «...при столь великих его обязанностях, и усердие его должно быть велико, а любовь и преданность делу — безграничны. Тогда он будет вполне достоин важного своего назначения и почетного звания — “дядька”».

Жаркое лето катилось к концу...

В соответствии с приказом по Военному округу «О принятии мер против холеры и лихорадки» врачи и офицеры строже наблюдали за состоянием здоровья солдат, неоднократно инструктировали их в части гигиены и употребления местной пищи, проверяли качество воды. Казалось, все обошлось, но когда вернулись в город, несколько человек все-таки заболели; в госпитале, конечно, их лечили, но фельдфебель из соседней роты, ровесник и давний знакомый Ивана, все же умер.

Хоронили его на Кирилло-Мефодиевском военном кладбище, расположено оно было по правой стороне почтовой дороги на Чугуев, сразу за городской чертой. Отпевали покойного в кладбищенской Кирилло-Мефодиевской церкви, что стояла там же,

на Петинской улице. Выстроили почетный караул, отдали воинские почести, гроб опускали в могилу под залпы салюта.

Задумался Иван о судьбе человеческой, о службе, о товарищах своих, которых на этом свете он уже никогда не встретит.

Конечно, в полку, в батальоне и раньше болели, умирали солдаты, но те, кто к началу семидесятых отслужил по двадцать и более лет, добровольно при этом отказавшись от отставки, оставались людьми крепкими, ни на какие хвори не жаловались. Если, по счастью, не были ранены и контужены, то железной закалки становились эти «старики», про таких говорили: и бревном не убьешь. А вот подишь ты, сгубила все же лихоманка.

Раньше Иван о смерти не вспоминал, для солдата это последнее дело. Сейчас впервые задумался: давно уж пятый десяток разменял, чего только не повидал, а много ли еще ему осталось...

Согласно приказу по Военному округу (а вышел он незадолго до означенных событий), в 1873 году вводилась в войсках новая форма — однобортный солдатский мундир; вместе с тем появились и новые правила ношения обмундирования, например, поясные ремни нижних чинов должны теперь «закрывать нижнюю пуговицу мундира». Поступили в армию и головные уборы нового образца.

Внешнему виду нижних чинов вообще уделялось очень серьезное внимание, не только на смотрах, но и когда находились они в краткосрочных отлучках или отпусках. К примеру, в приказе Начальника Местных войск округа, в котором отмечается поведение рядового, не отдавшего генералу честь, отдельно подчеркивается: «...неряшливый вид этого рядового, неуклюжесть и ответы его избличали не солдата, означающего свое достоинство, а мужика, только что взятого от сохи, хотя на службе с 1871 года...»

После того как приказ зачитали в войсках, выяснилось, что унтер-офицер, в чьем непосредственном подчинении служил про-

винившийся, ранее сам подвергался дисциплинарному взысканию за пьянство; после этого случая следующим приказом он был пожалован в рядовые.

Новшества коснулись и финансового обеспечения армейских чинов: увеличилось денежное содержание унтер-офицеров, без дополнительного оклада жалования выплачивалось им теперь в год до 60 рублей. Для сравнения отметим, что оклады командиров батальона и полка достигали по новому положению соответственно 450 и 750 рублей в год.

Прошли в служебной суете ноябрь и декабрь, 1 января 1874 года Государь Александр II утвердил Устав о воинской повинности, который положил конец общинному ее характеру, воинская повинность стала теперь личной.

Это, однако — что касается дел государственных. Но 1 января того же, 1874 года стало значимым и лично для моего прадеда — истекло третье трехлетие сверхсрочной его службы.

Порядку увольнения от службы отводились специальные статьи Свода Военных постановлений, относительно сроков увольнения в отставку еще в 1868 году было повелено:

«а) сроки к выслуге на увольнение в отпуски и в отставку рассчитывались... к 1 января..., всем поступившим до 1 марта, считать начало службы с 1 января...

б) сроком для увольнения нижних чинов в отставку прямо из войск считать постоянно август месяц каждого года (...увольнение в январе... представляло все неудобства зимнего передвижения людей)».

В начале февраля вызвал Ивана командир роты и, зная уже, что более добровольно отказываться от отставки унтер-офицер не намерен, предложил начать оформление необходимых в таком случае документов. Для этого следовало отправиться в штаб полка, но так как в апреле ожидалась какие-то новшества по выходу

в отставку — как считал капитан, более для Ивана подходящие, — рекомендовал ему пока с этим не спешить.

Между тем прошел в полку очередной инспекторский смотр — событие, значительное для Ивана не только тем, что к нему специально готовились и офицеры и солдаты, проводились проверки в батальонах и ротах в части строевой подготовки и внешнего вида. Для унтер-офицера был он последним. Но ни себе, ни солдатам взвода и теперь послаблений он никаких не давал.

Согласно Свода Военных постановлений, «Удостоверение нижних чинов к получению нашивок делается один раз в году при инспекторских смотрах. Командиры полков..., составив к сему времени именные списки нижним чинам, коим по числу лет службы и поведению следует дать нашивки, представляют оные начальникам дивизий..., по получении от них на это разрешения, они объявляют об удостоенных в своих приказах по полкам и командам».

Стоял привычно Иван в строю своего батальона, где не осталось уже его ровесников; назывались в приказе фамилии награжденных солдат, кому-то из них предстояло заменить его, дядьку, унтер-офицера Арефьева.

В начале апреля в дивизию пришла очередная партия молодых солдат, после распределения их по батальонам и ротам зачитали в полку приказ по Округу: «...Партия эта, несмотря на значительные затруднения, встреченные на пути следования от разлива рек и неисправности на железной дороге, прибыла своевременно, что на много способствовало сбережению здоровья рекрут..., вид бодрый, здоровый веселый, больных в партии вовсе не было и требований никаких не заявлено... благодаря знанию деятельности начальника партии...»

Через несколько дней пришел Иван в Штаб полка к писарю, с которым давно свел знакомство, и без лишних слов сели они за дела, связанные с выходом в отставку. С таких, как Арефьев, мзду за подготовку бумаг требовать никто из грамотеев не решился.

Впрочем, участие писаря здесь делалось необходимым не с точки зрения знания грамматики или красоты написания слов, а, скорее, с целью соблюдения установленного порядком текста прошения и других формальностей, включающих подбор всех необходимых документов и подачи их на подпись.

Усадил полковой писарь Ивана Арефича на стул, сам сел за стол напротив, достал лист гербовой бумаги; в правом верхнем углу в овале изображен был двуглавый орел, а под ним надпись: «цена 1 руб. серебром», такую бумагу называли еще «орленой». Обмакнул писарь перо в чернильницу, неспешно и старательно, с нажимом в нужном месте для красоты буквы и пристойного вида всего документа начал выписывать текст, который поместил после заведомо напечатанного титулования Александра II.

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЙ, ДЕРЖАВНЫЙ
ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ!

Просит унтер-офицер
121-го пехотного Пензенского полка
Иванъ Арефьевъ Арефьевъ
о нижеследующем:

Прослужив в службе Вашего Императорского Величества установленные законом 15 лет и 9 лет после добровольного отказа от отставки прошу ко сему.

Дабы повелено было уволить меня от службы с пенсионом по Положению Апреля 29-го дня 1874 года.

К поданию подлежит по команде.

Сие прошение со слов просителя
писал старший писарь 121 пехотного Пензенского полка
Бенициан Августинов Булчанский,

к прошению унтер-офицер Иван Арефьевъ Арефьевъ руку приложил.

Потом перевернул писарь лист и написал на обратной его стороне:

Прощение это с следующим к нему приложением: послужным списком и реверсом представил Начальнику 35 дивизии, испрашиваю ходатайство об увольнении.

Командир полка ...

Затем дал писарь Ивану еще один лист гербовой бумаги, за который тому надлежало внести означенную на нем сумму — под размещенным в правом верхнем углу двуглавым орлом в квадратной рамке стояло: «цена 70 коп. серебром».

Этот документ Иван писал самостоятельно со слов того же писаря.

РЕВЕРС

Я, нижеподписавшийся, даю сей реверс в том, что если последует разрешение об увольнении меня от службы с пенсионом, существующими положениями определенным, то более о казенном содержании просить не буду.

Жительство по отставке буду иметь в г. Харькове.

Пенсию желаю получать из Харьковского Губернского Казначейства.

*Апреля ... дня 1874 года
г. Харьков*

*Унтер офицер 121 пехотного
Пензенского полка
Иван Арефьевъ Арефьевъ*

Поставил на этом документе прадед мой свою подпись...

Достал писарь из папки Послужной список унтер-офицера, прочитал его вслух и, спросив, нет ли здесь какой ошибки, приложил его к двум первым документам.

После таких трудов предложил Иван штабному писарю «угоститься чаем» у деда Гаврилы Носаченко — тот всегда был рад, когда заходил к нему Иван Арефич, сам ли, с товарищами или с подругой.

Работу старик имел ночную, днем же большей частью отсыпался, а к вечеру ставил самовар и с удовольствием разделял с гостями трапезу.

Если приходилось Ивану паче чаяния задерживаться в гостях, то после ухода хозяина он сам запирает дверь на висячий замок, а ключ относил сторожу — в будку добродушного пса по кличке Француз; тот, в отличие от своего хозяина, спал без просыпу не только днем, но и ночью...

Оставалось теперь прадеду ждать прохождения документов об отставке установленным порядком. Сначала из полка в дивизию отправлен был рапорт:

*121-й Пензенский пехотный полк
... 1874 г.
№ ...
В г. Харькове*

*Начальнику 35-й
Пехотной дивизии ...*

РАПОРТ

Унтер-офицер вверенного мне полка Иван Арефьевъ Арефьевъ, получающий за тоекратный отказ от отставки 100 руб. жалованья в год, ныне, как выслуживший срок на получение пенсии, просит об увольнении его, а отставку с пенсионом.

Вследствие чего, представляя при сем послужной список на Ивана Арефьева Арефьева, испрашиваю распоряжения Вашего

Превосходительства об увольнении его в отставку и в отпуск впредь до увольнения в отставку.

*Командир полка, Полковник ...
И.д. Полкового адъютанта, Штабс-капитан ...*

Далее в Главный Штаб отправлен был такой документ:

Штаб 35-й пехотной дивизии

В Главный Штаб

РАПОРТ

Представляя при сем рапорт 121 пехотного полка за №..., испрашиваю ходатайства об увольнении со службы с пенсионом унтер-офицера Ивана Арефьева Арефьева с награждением пенсиою из оклада 100 руб. в год.

Нач. Штаба дивизии ...

В соответствующем департаменте Главного Штаба все документы после их регистрации будут сверены, а затем за подписью заместителя Начальника Главного Штаба генерал-лейтенанта передадут их по ведомости в канцелярию Военного министра.

Наступит день, когда приглашенный к докладу, войдет министр в кабинет Государя и испросит его разрешения на отставку «поименованным в списке» нижним чином, документы коих будут на сей случай у него под рукой.

Император среди сотни послужных списков посмотрит один-два, а затем на Докладе изволит начертать собственною рукою: «Согласен. Александр».

На все эти процедуры требовалось время...

Вскоре начали батальоны готовиться к выдвигению на полевые учения. Ивана вызвал командир роты, сказал, что в ожидании документов на отпуск и отставку Арефьев может остаться в казар-

мах, где до августа дадут в подчинение ему команду нестроевых для ремонта и подготовки помещений к зиме.

Иван Арефич отказался: решил, что лучше проведет последние месяцы в своей роте, хотя бы и до сентября, чем уходить навсегда из пустых казарм. К тому же поступила, наконец, в батальон сотня новеньких винтовок Бердана, значит, будет чем заняться с рекрутами.

Через месяц опять водил Иван своих подопечных в атаки на окопы «неприятеля» (теперь уже только рассыпным строем), со-вершал с ними марш-броски, обучал солдат на стрельбище. Тщательно следил, чтобы у молодых рекрутов, согласно приказа Командира дивизии, «амуниция имела такой вид, какой имела... у старослужащих».

Когда вернулись в казармы, ждали уже Ивана Арефича документы с разрешением на уход его в чистую отставку.

Надо сказать, просмотрел я все доступные мне дела об увольнении в отставку нижних чинов за 1874 год, даже — на всякий случай — за 1875-й (вдруг подшили документы не в ту папку — такое тоже случалось).

Из описей фондов РГВИА следовало, что почти 99% подобных дел было уничтожено в разное время: часть еще до 1917 года по истечении двадцати пяти лет хранения, часть — в шестидеся-тые годы XX столетия. Оставили только, по выбору сотрудников архива, лишь некоторые из такого рода дел с пометкой «хранить вечно». Раскроем здесь содержание части из них.

Сразу отмечу, что по указанным выше причинам послужного списка прадеда в оставшихся на хранении делах я не нашел. (Когда вероятность обнаружить искомое составляет ничтожные доли процента, чудес ждать не приходится.)

В послужном списке отмечались все события периода прохождения службы чинов военного ведомства, в том числе и нижних чинов Русской армии. Имелись данные о месте и дате рождения,

времени призыва, перечислялись все воинские части, где служил солдат, наконец, грамотен ли он. Приводились сведения об отпусках и отставке (если таковые имели место), приходилось ли участвовать в делах против неприятеля и в какие сроки, был ли ранен, контужен.

Здесь же прилагались сведения о званиях и времени их присвоения, упоминались нашивки и шевроны; если имелись ордена и медали, расписывалось, за какие заслуги награжден и за участие в каких войнах; также отмечалось, был ли в штрафах по суду или «хотя бы и без суда, но за важные проступки...». Если осталась у солдата дома семья, то записывались имя и отчество жены, ее вероисповедание; при наличии детей, приводились их имена и даты рождения; данные о родителях, из какого они сословия (из крестьян, мещан и т.п.) в послужном списке тоже имелись.

В документах нижних чинов были четко указаны сроки участия в делах с точностью до одного дня, например: «...в Севастополе... против неприятеля с Олонецким пехотным полком, всего 5 месяцев и 14 дней, с 13.03 по 27.08.55 г., время это считать за 5 лет».

В другом случае: «...находился в составе Севастопольского гарнизона 22 июля, всего один день, за что добавлено к общей службе 11 дней...» И еще: «...в 1855 году против турок, англичан, французов и сардинцев... в Севастополе находился с 25 по 28 августа, всего 3 дня, время это следует считать за 1 месяц и 6 дней».

Многие солдаты, ухודившие в чистую отставку в 1874–1875 годах, награждались медалью «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859 г.г.» и крестом «За заслуги на Кавказе», учреждены эти высокие знаки отличия соответственно в 1860 и 1864 годах. Могу с высокой вероятностью предположить, что эти награды мой прадед получил...

Теперь посмотрим, кто были те нижние чины, что уходили в отставку с пенсионом в середине семидесятых годов XIX века.

Большинство унтер-офицеров в последние перед отставкой годы несли службу не в строю: три четверти из них становились писарями, вахтерами продовольственных армейских магазинов, направлялись в госпитали надзирателями, наборщиками в типографии. Служить на таких должностях, конечно, было легче, особенно человеку старше сорока лет, а большинство из них получали право на пенсию, имея выслугу 20–25 лет, включая два или три трехлетия после добровольного отказа от отставки.

Тем не менее, до того как оказались эти нижние чины на «привилегированных» должностях, служили они все в строю, принимали участие в боевых действиях, многие из них имели ранения или контузии.

Практически все они имели медали и ордена, другие знаки воинской доблести. Интересно, что существовали и такие знаки отличия, как: нашивка-«басон вдоль плечевого погона за искусственную (так в тексте. — *Авт.*) стрельбу в цель» или денежное вознаграждение: «...при Императорском смотре за пулевую стрельбу удостоен получить 4 руб. серебром» — не говоря уже о шевронах и нашивках за беспорочную службу и отказ от отставки, отказы от производства в офицеры.

Были среди уходящих в отставку с пенсионом нижних чинов и «...участник войны с Турцией при реке Альме с 3 сентября 1854 г.», и унтер-офицер, который «...ранен в 1844 году в сражении с горцами... освобождал селение Ахти в 1849 г. ...против чеченцев в 1856–1857 г.г.».

Среди знаков воинской доблести, которыми награждались нижние чины, кроме упомянутых выше, была еще медаль «За покорение Кавказа 1859–1864 г.г.»; часто достойных отличали орденом Святой Анны «За 20-летнюю беспорочную службу» с надписью «За усердие», бронзовой медалью «В память войны 1853–1856 г.г.» на Андреевской ленте, Знаком Военного ордена 4-й степени, бронзовой медалью на трехцветной Государственной

ленте (оранжевой, белой и черной) «За усмирение польского мятежа в 1863—1864 г.г.».

В большинстве случаев пенсия, назначаемая унтер-офицерам, которые имели награды и срок службы двадцать и более лет, составляла около 100 рублей в год серебром, бывала (правда, редко) и сумма в 150 рублей. Гораздо меньше получали от Военного ведомства те из них, кто последние годы (пять—десять лет) служил в Корпусе жандармов, здесь суммы пенсии как правило не превышали 15—20 рублей в год. Это естественно, ведь по Военному ведомству учитывалась только армейская служба, годовой же оклад штатного жалования в корпусе жандармов составлял для унтер-офицеров чуть более восьми рублей.

Что касается рядовых, то, согласно положению от 1867 года, «трехрублевым от казны в месяц содержанием могут пользоваться нижние чины, лишь находящиеся в отставке, но только те, кто оказался не способным к личному труду...». Вследствие потери здоровья вообще пособия назначались тем нижним чинам (не имевшим выслуги лет службы), которые по освидетельствованию врачебной комиссии признавались «...утратившими трудоспособность, вследствие прохождения ими военной службы при непрерывном условии неимения ими ни собственных средств к жизни, ни родственников, желающих принять их на свое иждивение».

Так что большинство солдат, хотя бы и потерявших здоровье на службе, практически оставались без средств к существованию и доживали жизнь в нищете.

Правда, Военное министерство, согласно действующим положениям, все же занималось «устройством быта отставных солдат, не способных к личному труду», и могло определить их в богадельню. Но для принятия такого решения отставнику в определенные сроки после оставления службы необходимо было подвергнуться медицинскому освидетельствованию, к тому имелся и утвержденный перечень соответствующих заболеваний.

Вернемся теперь к оформлению пенсионных документов.

Готовили их чиновники 5-го отделения Главного Штаба, после упомянутой выше процедуры их прохождения от полка до Главного Штаба и их рассмотрения в установленном порядке направлялся в дивизию и, соответственно, в полк ответ по каждому представлению об увольнении нижнего чина с пенсионом.

В октябре 1874 года пришел такой ответ в Штаб 35-й дивизии:

«Главный Штаб разрешает Ивана Арефьева Арефьева, получающего... по 100 руб. в год жалованья, уволить в отставку с пенсионом. О производстве Ивану Арефьеву Арефьеву назначенной пенсии из Харьковского Казначейства сообщено Министру Финансов... О времени, по которое Иван Арефьевъ Арефьевъ будет удовольствован на службе жалованием, следует уведомить Казенную Палату. *Пом. Начальника Главного Штаба Генерального Штаба Генерал-Лейтенант... Начальник отделения... Полковник...*».

Когда подписан был приказ по полку о выходе в отставку, Ивану оставалось только проститься с частью, в которой прошли последние десять лет службы, попрощаться с солдатами и командирами.

Так что в один из октябрьских дней открыл Иван тумбочку (она полагалась ему как унтер-офицеру), достал оттуда запасную расческу, щетки — одежную и сапожную, зеркальце, коробку с иглками и нитками, где лежали также запасная пара пуговиц и еще всякая мелочь.

Потом прошел к своему сундучку, отпер его ключом, что всегда носил с собою. С внутренней стороны крышки смотрел на него Государь Александр II; видно было, что усы и солидные бакенбарды, которые носил Иван в последние годы, нисколько не хуже царских, правда, волосы на голове унтер-офицер стриг короче — как положено солдату.

Перебрал Иван Арефич лежащие здесь вещи: старого покроя двубортный мундир, запасную пару хотя и чиненых, но еще крепких сапог, чистое исподнее белье, портянки, носки. Лежала в сундуке и теплая душегрейка, что в сильные морозы надевалась под шинель.

В жестяной коробке из-под конфет, имевшей форму такого же, только маленького сундучка, хранились запасной комплект шевронов и галунов да в двух тряпицах награды: Ивановы отдельно, Тимофея Евдокимова — отдельно. Вот и все солдатские немудреные пожитки.

Положил Иван туда же, в сундук, вещи, что достал из тумбочки, и запер его на замок.

По договоренности с дедом Носаченко, отнес он свой сундучок к нему в жилище, в карманах оставил только необходимое и вернулся в казарму, где должен был провести последнюю ночь.

Утром попрощался Иван со своим взводом — в роте и батальоне знали его все, поэтому многие подходили сказать на прощание несколько слов отставному унтер-офицеру или просто пожать руку. Потом отправился он в город, а солдаты на плац...

Но вот какое нашел я свидетельство современника тех лет: «Не вытерпело солдатское сердце..., свернул он на плац и явился перед батальоном, попросил позволения офицеров попрощаться с фронтом... В шинели без погон, вытянулся перед батальоном, снял фуражку и ...не без трепета произнес: “Счастливо оставаться, земляки, друзья, братцы! Ухожу — и мое вам всем последнее почтение от чистой души!” “С Богом! — грянул весь фронт, — счастливого Вам пути желаем и всякого благополучия!...” “Простите, братцы, в чем согрешил перед вами по неведению и ведению!” “Бог простит..., а мы у вас просим нижайше прощения”, — посыпалось из фронта...»

ОТ СЛУЖБЫ УВОЛЕН

Я солдат и давал присягу навсегда по-
ступать верою правдою.

Русская народная сказка

Сто лет пройдет, сто лет; —
Забытая могила, вчера,
Травую порастет...

Я. Полонский

Ко времени увольнения определился уже мой прадед с работой; в таком городе, как Харьков, наиболее подходящей для старого, не знавшего кроме службы никакого иного ремесла, солдата оказалась швейцарская должность.

Отслуживших солдат, людей трезвых и дисциплинированных, стремились заполучить к себе богатые домовладельцы, хозяева банков, крупных магазинов; стояли отставники у присутственных мест, служили при гимназиях и университетах. Важно для них было то, что Свод Военных постановлений специально оговаривал: «...из числа нижних чинов, поступивших из Военного ведомства в гражданское..., как то: курьеры, почтальоны, сторожа и служители по заведениям..., всем, кои в воинских командах награждены... за беспорочную выслугу лет нашивками на рукаве мундира из желтой тесьмы..., дозволяется носить таковые нашивки».

Надо думать, унтер-офицера рекомендовал на такую службу кто-то из хорошо знавших его начальников, и приступал к ней прадед в оговоренный заранее срок.

Нести службу для отставного солдата дело привычное, в каком-то смысле теперь уже почетное и относительно хорошо оплачиваемое. Оставалось только выправить паспорт, на что ушло еще некоторое время; готовился этот документ в канцелярии Губернского Воинского начальника.

Приведу далее содержание любопытного этого документа, исполненного на гербовой бумаге.

ПО УКАЗУ

Его Величества Государя Императора
Александра Николаевича
Самодержца Всероссийского
и прочая, и прочая, и прочая

Объявитель сего, служивший в ...

Имеет знаки отличия ...

Жалованья получал по ... в год

От роду ему ныне ... лет, приметами:

Росту ...

Лицо (*форма*), глаза (*цвет*), нос (*форма*), волосы на голове и на бровях (*цвет*).

На службу поступил, как из послужного списка видно, из крестьян ... уезда, Губернии ..., деревни ...

Вероисповедания ... Читать и писать по-русски (*умет, не умеет*).

На службу поступил ... (*куда, в какие годы*).

В штрафах не был.

Ныне ... (*такой-то — Ф.И.О.*), как выслуживший определенный законом срок, от военной службы уволен, по его желанию, на собственное пропитание, где жить в Империи пожелает, во всяком городе или уезде; но в Санкть-Петербурге и Москве только в таком случае, если будет иметь возможность к содержанию себя каким-либо постоянным занятием и вообще положительным способом, отставные нижние чины из Евреев относительно мест жительства подчиняются ограничениям, в законе установленным.

Во время жительства на родине, или где оное избрет, может заниматься земледелием, мастерством всякого рода или торговую

промышленностью, на существующих правилах и на общем основании с теми обывателями, среди которых водворится; также может определиться к разным должностям, вообще как на казенные, так и на частные места, изыскивая тем способы к своему содержанию, при тех мерах, которые приняты, или впредь будут принимаемы, Правительством насчет водворения, обеспечения и призрения вообще отставных чинов.

Обязан: вести себя честно и добропорядочно; одеваться благопристойно, по миру не ходить, от всяких законам противных поступков воздерживаться, местному начальству повиноваться и никому никаких оскорблений не делать, под опасением наказания по силе существующих узаконений.

Равным образом и ему, ... внимание к понесенной им службе, оказывать, в случае надобности, всякое содействие в справедливых его просьбах или требованиях и уважение, приличное заслуженному воину.

Если же ему от кого-либо причинена будет какая обида или притеснение, то должен он приносить жалобу местному начальству, которое обязано доставить ему справедливую защиту и удовлетворение по законамъ.

В том месте, где (*воинское звание владельца паспорта*) ... избежит для себя жительство, должен он объявить сей паспорт местной полиции.

Дети ... (*такого-то*) подчиняются всем тем правилам и законоположениям, которые изданы для солдатских детей вообще.

По смерти ... (*такого-то*) родственникам его, или местному начальству, представить сей паспорт в местную полицию, со всеми бывшими у ... (*такого-то*) знаками отличия и медалями для доставки Губернскому Воинскому начальнику той Губернии, в которой ... (*такой-то*) находился будучи на жительстве, и отсылки потом порядком в законе определенном в Инспекторский Департамент Военного Министерства.

Если по смерти ... (такого-то) знаков отличия и медалей не окажется, то разысканий о том не производится и наследники его розысканиям за утрату их не подвергаются.

Дан в г. ...

Губернский Воинский начальник ...

Правитель Канцелярии ...

Делопроизводитель ...

По получении такого паспорта стал Иван Арефич человеком гражданским, сословием — мещанин; имея свободное время до оговоренного срока поступления на службу в 1875 году, решил он побывать в Симбирской губернии, навестить родню.

Солдату собраться — только подпоясаться, сундучок свой по-прежнему оставил Гавриле Носаченко, у которого, по имевшейся договоренности, намечал Иван остаться на жительство по своем возвращении в Харьков.

Отправился Иван в дорогу, имея за плечами привычный уже ранец, а в кармане сумму денег, что была ему возвращена из артельной кассы как остаток прикопленного за последние годы жалованья.

До Нижнего Новгорода поехал Иван Арефич поездом по железной дороге, а до Симбирска добирался не последним еще до ледостава пароходом. Когда осталась позади Казань, прошел Иван на корму, несмотря на изрядный ветер, снял фуражку, принял ее на согнутую руку и долго глядел на водяную зыбь, поминал Евдокимыча, который навсегда остался в этих водах.

В Симбирске, прежде чем отправиться дальше, прошел отставной солдат вдоль берега реки, вторая половина октября в тот год выдалась сухой и довольно теплой.

Еще в 1873 году, в сентябре, прибыл в Симбирск 5-й пехотный Калужский полк, как отмечалось, «торжественно встреченный населением... что внесло большое оживление в жизнь города».

Оркестр полка, как водится, играл по вечерам в сквере, туда же направлялась всякая публика; заслышав издали знакомые марши, Иван зашагал поближе к месту действия.

На Венце вряд ли обратил бы мой прадед внимание на рыжего мальчика лет четырех-пяти, что прогуливался с няней при хорошей погоде. Замечен он был Иваном, лишь когда вздумал требовать отвести его поближе к оркестру и при этом капризно начал топтать ногами. Карапуз с трудом произносил слово «оркестр» — никак не давались ему две буквы «р».

Привычный к строгой дисциплине, унтер-офицер подумал тогда, что если малец, от горшка два вершка, так выкабенивается, то не дай ему вовремя укорот, подрастет — поздно уж будет и такого может наворотить, что всем миром не расхлебаешь...

Сразу же скажу: своих сынов Иван Арефич всегда держал в строгости, употреблял для этого в том числе и плетку, которая хранилась у него в сундуке. Перешла она потом к моему деду, мой отец хорошо плетку эту помнил, скорее, не тем, что часто бывала она в действии, а тем, что имелась в наличии и могла быть извлечена из сундука в любой момент. Таким образом, известный тезис о неотвратимости наказания для отца и его братьев находил вполне практическое применение.

Сведений о том, всех ли братьев и сестер удалось Ивану навестить, я не имею. Родители ко времени возвращения сына умерли и покоились на деревенском кладбище.

Как водится, привез Иван Арефич подарки: сестрам — платки да сережки, братьям — суконные картузы с козырьками. При встрече сразу же объяснил, что на родительский дом не претендует, оставаться здесь не намерен — хочет только побыть в родных краях до Рождества, если надо, заодно и по хозяйству помочь.

Выросли у Ивана к тому времени племянники, возможно, и внучатые; семьи сестер жили своими домами.

Рассказал Иван о своей солдатской службе, порасспрашивал и сам о житье-бытье в долгие прошлые годы; навестил родительские могилы. В церкви, а затем с родными помянул стариков.

Наступила уже зима, а Иван все бродил по деревенским окрестностям, ходил вдоль опушки знакомого с детства леса; забрел однажды на окраину села, что отстояло верстах в пяти: сюда, к реке, бегали они мальчишками купаться да раков ловить.

Наткнулся тут на избу-развалюху, рядом топтался старик в солдатской шинели, не очень ловко пробовал рубить какую-то корягу, для того, видно, чтобы истопить печь.

Иван подошел, поздоровался и через короткое время уже знал, что живут в развалюхе четверо солдат-бобылей. Люди эти, возвратясь в свои края, никого из родных и близких в живых не застали. По состоянию здоровья или, может, по каким иным причинам добывать пропитание работой не могли, да и не способны они уже были к крестьянскому труду. Только двое из них получают свое трехрублевое пособие. Двое других дослужились до чистой отставки, но средств к существованию вовсе не имеют, поэтому кормятся как придется... Впрочем, живут все ветераны одной артелью.

За разговором Иван разрубил корягу, а когда работу закончил, увидел, что на двор вышел еще один старик, в обтрепанной, дырявой шинельке и чиненых-перечиненных стоптанных сапогах.

Опять же узнал Иван от своих новых знакомцев, что обоих забрали в рекруты в самом начале сороковых годов, попали они сначала на Кавказскую линию, затем участвовали в Крымской кампании.

Часа за три обернулся Арефич, сходил к своим, взял из дома вареной картошки и квашеной капусты, в лавке, не смотря на постные дни, прикупил четверть водки, еще хлеба да копченой рыбы и вернулся к инвалидам.

Прошел в избу, где запыхтела наконец печь, выложил на стол угощение. За вином и закуской вспоминали солдаты о прежней своей службе. А вспомнить было о чем: один из них, весь уже седой, носил на латаном-перелатанном мундире медаль «За взятие Ахульго в 1839 году» с короной и вензелем Николая I.

Говорили инвалиды, что питаются они чем Бог посылает: ловят рыбу, собирают ягоду, грибы. Забегают к ним деревенские ребяташки (единственно, кто готов слушать солдатские были), иногда приносят из дома хлеба краюху, несколько картофелин в карманах да пару-тройку луковиц...

(Сколько таких горемык проживало тогда по окраинам деревень и сел в Западной и Восточной полосах необъятной империи, не поведал мне ни один справочник.)

...После Рождества Иван обошел родных, распрощался с ними, поклонился в последний раз родительским могилам и пустился в обратную дорогу.

Но было еще одно дело, исполнить которое обязался Иван Арефич перед памятью товарища и своей совестью.

По известному адресу здесь же, в Симбирской губернии, навестил семью Евдокимова. Разыскал он нужную избу, назвал себя жене Тимофея, а потом взрослым уже детям.

Разделся Иван, прошел в горницу, посадили его в красный угол. Тогда достал он из кармана завернутые в чистый платок медали и орден — награды своего товарища.

Много воды утекло с тех пор, как не стало хозяина дома. Рассказал Иван его близким про то, как воевали они вместе, как ходили за Урал на Лену и про то, как погиб его друг. Заплакала вдова, и посерьезнели дети, хотя младшие отца-то и не знали.

Поглядеть на солдата, что служил с отцом вместе, послушать его рассказ зашла и старшая дочь Тимофея; у нее самой подрастали уже дети, погодки пяти-шести лет. Привела она с собой подружку-ровесницу Ульяну, которая жила по соседству. Ульяна молча

сидела на лавке, слушала Ивана внимательно, в тот вечер так слова и не сказала.

Когда они ушли, поведала вдова, что росла Ульяна сиротой — родители ее погибли в большом Симбирском пожаре 1864 года, отец успел выбить окно и вытолкнуть на двор девчущку, ей тогда едва двенадцать исполнилось... Почти сразу же рухнула крыша, никто больше не спасся... Забрали сироту дальние родственники, стала она нянчить их детей, работала наравне со взрослыми. За-муж так и не вышла, то ли потому, что на гулянья, как подруги, не ходила — некогда было, то ли из-за приданного, которого не предвиделось — какое приданное у сироты!

Всю ночь беспокойно вертелся Иван на лавке с боку на бок, все думал. А утром спросил у вдовы Тимофея, куда Ульяну сватать идти.

На следующий день обвенчали их в ближайшей церкви, и повез Иван Арефич свою законную жену Ульяну Дмитриевну в город Харьков.

Поселились они у деда Носаченко уже насовсем, сняли угол в его комнатке, отгородились занавеской. И потекла у прадеда совсем другая жизнь — как у всех обывателей.

Родила ему Ульяна двух сынов-погодков. Первенца уговорила она назвать Иваном, а второго, что появился на свет в 1877 году, крестил Иван Арефич Александром — по имени Государя Александра II, при котором отслужил без малого двадцать лет (портрет царя перекочевал теперь с крышки сундука на стену под иконами). Младший сын, Александр, и был моим дедом.

С дядькой Гаврилой, как называла Носаченко Ульяна, жили одной семьей, Уля готовила на всех, стирала. Одинокий старик и вовсе к ним привязался, когда родились пацанята, с ними возил-ся, играл в доме и во дворе, рассказывал немудреные сказки да песни напевал колыбельные.

Захаживали к ним прежние сослуживцы Ивана, отделенные унтер-офицеры из его роты, выпивали по стопке за наследников, поминали товарищей, старому да малым приносили солдатские гостинцы: деду табачку, ребятишкам — когда яблоко, а когда гильзу от патрона, начищенную до желтого блеска...

В марте 1877 года не вернулся утром дед Носаченко домой с ночной своей сторожевой службы. Нашли его мертвым у рыночных рядов — убит был ночью старик. Тело забрали в участок, потом свезли в барак на территории больницы, где держали покойников.

Иван пошел к знакомому околоточному надзирателю: хотелось ему узнать, кому помешал безобидный инвалид — здесь его все знали уже много лет.

Надзиратель сказал только, что старика удавили, а кто и почему, пока неизвестно, но постарается проведать.

Деда Иван хоронил сам, сделал все честь по чести; отпевали убиенного в Троицкой церкви, потом свезли на ближайшее кладбище, что размещалось тогда на Власовском переулке, могилку устроили рядом с покойной его женой.

В последний путь провожали Носаченко солдаты Пензенского полка, не раз заходившие к нему на огонек, да несколько таких же, как он, стариков.

Через день после похорон вызнал Иван, что убили деда Гаврилу раклы с Холодной горы, верховодил у них вор по прозвищу Пыталь. Да вот только полиции ничего не докажешь. За что убили, околоточный не знал: то ли появился сторож не ко времени, то ли прознал о чем старик.

Между тем стало известно, что в ту же ночь ограблен был склад оптовой бакалейной торговли Воловика, размещался он неподалеку — на Рыбной улице. Может, вору тащили добычу через рынок... А взяли тогда много...

Пытался этого, с дружками его, Ивану видеть приходилось не раз: с наглою рожей похаживал он по рыночным рядам, играл фунтовой гирькой на ремешке.

Просил Иван околоточного показать, где кучкуется шайка. Прошлись они вместе к Холодной горе, издалека, как бы ненароком, кивнул надзиратель в нужную сторону. Тогда же договорились, что шепнут Ивану про тот день и час, когда можно будет заставить душегубов наверняка.

«Есть людишки, вызнать-то можно, только и тебя тогда по догадке найдут, кто же еще за старика станет заступаться...» — засомневался околоточный надзиратель.

На это Иван отвечал, что коли обскажут все в точности, то искать его будет некому...

Сам, между тем, сходил в полк, переговорил с унтер-офицером, что заступил на его место. Договорились: когда будет на то сигнал, пять-шесть солдат покрепче, из тех, кто хорошо знал деда Гаврилу, с собою позвать.

Через неделю, только вернулся Иван со службы, постучал в окошко человек, сказал тихо: «Сегодня, к ночи...» — и исчез.

Открыл Иван солдатский свой сундучок и достал старый амунический ремень, который хранил еще с Кавказской линии.

Догадалась обо всем Ульяна... Запричитала: двое мальцов у них, второму и года нет, сам седой уже и не только за себя, мол, теперь в ответе...

Хотел Иван на жену цыкнуть построже, но подошел, погладил по голове: «Не сомневайся, к утру буду...»

После вечерней поверки Иван Арефич вызвал своих из части. Ушли без лишнего шума, ножи с собой не брали — решили оружие не поганить.

В кромешной тьме вывел Иван солдат к хате, стоявшей вприпрыжку к Холодногорскому кладбищу. Шли аккуратно, чтобы тонкий ледок, схвативший к вечеру лужи, не хрустнул под ногами. Во-

круг — никого; осторожно глянул Иван в оконце: пили, гуляли человек восемь-девять, плоскую, как блин, рожу Пыталя заметил он сразу.

Развернул Иван Арефич тряпицу, велел испачкать сажей носы да щеки, пояснил: «Нам веселей, а им потом привычней будет с чертями хороводы водить...»

Расставил свою команду: двоих к окну, сам и трое других подошли к двери: «Пора!»

Раму ударом ноги вышиб унтер из Иванова взвода, и сразу, головой вперед, как в воду, прыгнул в хату Стефан Литинский.

Дверь, вместе с притвором, вынес Иван плечом, за ним ворвались в дом его товарищи...

Дня через три, как бы невзначай, встретил Ивана околоточный: «Слышь-ка, на Холодной горе Пыталя пригрели до смерти, всем девятерым головы, как кулям, говорят, свернули. Трое-то из них здоровые были раклы, да и остальные — оторви да брось...»

«Ишь ты, видно чего не поделили», — «удивился» Иван и добавил: «Давай-ка, помянем деда Гаврилу еще раз, теперь уж с чистой совестью».

Зашли в Троицкую, поставили свечи, потом к Ивану направились. Выпили за упокой души старика, Уля тоже рюмку пригубила.

Пензенский полк вскоре ушел из города — принимал участие в Турецкой кампании 1877—1878 годов. В сражении при Горном Бугарове сложил голову только что получивший офицерский чин Стефан Литинский.

После того случая надолго притихла воровская братия с Холодной горы, впрочем, свято место пусто не бывает — хватало в Харькове и других воруя.

Прошло время, забылась эта история, на Холодной горе опять появились лихие людишки, для которых нож да кистень были средством пропитания и атрибутами веселой жизни. И даже по проше-

ствии пятидесяти лет район этот пользовался в Харькове дурной славой, с ворами пыталась разбираться уже не полиция, а советская милиция и также без особого успеха.

Местная шпана в двадцатые годы нового уже века развлекалась по-своему, а хлопцы с Холодной горы встречали чужаков по-прежнему неласково. Появляться здесь парням из других районов города считалось делом небезопасным, особенно, если вечером провожали они до дома тамошних девчат.

Уж не знаю, чем привлекали ребят холодногорские дивчины, однако пользовались они явно успехом: отец рассказывал, что и он неоднократно поздними вечерами провожал туда своих подруг.

Местные парубки соседствовали между собой, вместе росли и время проводили, держались всегда дружно и нагло, девчат своих не трогали, а над их провожатыми, разодетыми в чистые костюмчики, куражились.

Нередко заставляли мерить спичкой пыльную, а по весне и осени грязную улицу; если счет, по мнению мучителей, не сходился, приказывали перемерить заново. Хорошо, если после такого унижения не пускали кавалеру из носа красную юшку. Случалось, ухажер попадался не робкого десятка и давал отпор, тогда били его безжалостно, могли и сильно покалечить.

Поэтому в далекой юности, провожая на Холодную гору в стущавшихся уже сумерках свою зазнобу, правой рукой незаметно расстегивал мой отец кобуру, где лежал надежный бельгийский браунинг (под левую руку держала его дивчина). На обратном пути он и вовсе перекалывал пистолет в карман.

Впрочем, носил отец форму красного командира, может, поэтому с ним никакого такого конфуза не приключилось ни разу.

Вернемся, однако, в век XIX-й...

Ходили тогда в народ народники, бросали бомбы эсеры, началась и окончилась война на Балканах, вступил на Престол в 1881

году Александр III, а в 1894 году — Николай II, это был уже четвертый Российский император при жизни моего прадеда.

В начале уже века XX-го завершилась неудачно для России война с Японией, прокатилась по стране первая русская революция, не остались при этом в стороне и харьковские рабочие. Но настали уже другие времена, стала другой и Россия.

Менялся облик Харькова: появился здесь водопровод, газовые фонари освещали теперь не только центр города, но шагнули они и на многие другие улицы, пустили первый трамвай на электрической тяге.

В 1906 году построили на Николаевской площади новое трехэтажное здание Санкт-Петербургского Коммерческого банка, с тех пор у его дверей стоял в швейцарской должности Иван Арефич, как вспоминал мой отец, с седой бородою до пояса, весь в галунах. Давно и хорошо знали его не только служащие банка и клиенты, но многие, кто проходил тогда по главной площади Харькова.

После 1906 года переехала на новое место жительства семья Ивана Арефича: сам он с женою Ульяной Дмитриевной, сын Александр с женой и четырьмя детьми, младшим из которых тогда был мой отец. Переехали они с Рыбного переулка в небольшую, но теперь отдельную квартирку на первом этаже упомянутого нами здания банка...

В мае 2000 года, для того чтобы уточнить некоторые детали и обстоятельства, а также, по возможности, найти интересовавшие меня документы, приехал я в Харьков. Пришел к дому № 24 на площади, переименованной когда-то в площадь Тевелева, теперь же называлась она площадью Свободной Украины. Дом сохранил свой прежний облик, на фасаде, наверху, надпись: «Санкт-Петербургский Коммерческий банк» и давний порядковый номер.

В доме размещается теперь Театр кукол. Справа от парадной двери, у которой в начале XX века в солдатском мундире и с рега-

лиями стоял Иван Арефьев, находится подворотня с наглухо запертыми железными створками ворот — это вход во внутренний дворик.

Я попросил вахтера пригласить кого-нибудь из дирекции театра, чтобы получить разрешение пройти в здание, а затем, через черный ход, и во двор.

Вышли ко мне двое мужчин и, узнав о цели моего визита, любезно провели меня по лестнице в несколько ступеней в холл и далее в зрительный зал, который во времена моего прадеда был залом операционным.

Проводили меня и в то крыло, где когда-то находилась служебная квартира швейцара, поблизости от нее располагался тогда главный сейф банка, встроенный в виде отдельной сейфовой комнаты. Бронированная дверь, толщиной сантиметров двадцать—тридцать теперь всегда полуоткрыта и выходит в смежное небольшое помещение, за стеной его и жила долгие годы семья Арефьевых.

Прошли мы в узкий дворик, окруженный кирпичными стенами домов — сюда выходили два окна квартиры прадеда, здесь же давным-давно играли внуки Ивана Арефича.

Кстати, из-за створок ворот хорошо видна вся площадь, поэтому свидетелями событий, которые происходили в центре города в дни революции и Гражданской войны, стали и дети, и взрослые Арефьевы, через эти ворота проходили они в свою квартиру, минуя парадную дверь.

Я сфотографировал здание со двора, с «черным» ходом и окнами, потом сравнил снимки со старыми семейными фотографиями начала XX века — все совпадало...

Тепло распрощался я с моими провожатыми, сожалея лишь о том, что, по их словам, разминул я с внуком владельца банка. Незадолго до того приехал он откуда-то из-за границы, зашел в здание, которое принадлежало когда-то его семье, посидел на

ступеньках, ведущих в зал. По лицу взрослого, пожилого уже мужчины текли слезы...

К исходу 1908 года служба Ивана Арефича в должности швейцара подошла к концу, теперь уже не под силу было ему весь день стоять на ногах, встречать и провожать посетителей банка — исполнилось солдату 78 лет.

Чтобы не потерять казенную квартиру, сменил отца на этой должности сын Александр, для чего пришлось оставить моему деду работу переплетчика в типографии немца Адольфа Дарре, что размещалась на Московской улице в доме № 19, там с братом Иваном трудились они с юношеских лет.

В теплые дни выходил Иван Арефич во двор, тащил тогда старший его внук Костя табуретку для деда и скамеечку для себя. Был он единственным внимательным слушателем старика. Вспоминал тот молодые свои годы, службу на Кавказе, дальний путь в Сибирь, боевых товарищей, на память пересказывал присягу и уставы, объяснял, как мог, правила стрельбы.

А Косте все это в охотку, по команде деда управлялся он с метлой, как с ружьем, учился делать выпады и защищаться в рукопашном бою...

С тех пор как покинул он швейцарскую должность, только раз надел Иван Арефич мундир, случилось это в 1909 году, когда отмечали в России пятидесятую годовщину победы в Кавказской войне.

По такому случаю учредили крест «В память пятидесятилетия покорения Восточного Кавказа», на нем даты: 1859— 1909 г.г. и вензеля Николая II и Александра II. Газеты писали, что участников тех событий почти уж не осталось, прадед мой объявлять о себе не стал, а годовщину эту решил отметить по-своему.

Сентябрьским днем, когда вернулся из школы Костя, дед Иван ждал уже его в полной мундирной одежде. Взял он за руку внука, которому не исполнилось еще одиннадцати лет, и отправи-

лись они к стрельбищу за Университетский парк. По дороге обогнала их рота Пензенского полка (Штаб его располагался тогда на Екатеринославской улице).

На стрельбище Ивану Арефичу, хоть и был он без погон, отдавали честь солдаты и офицеры. Подошел к деду с внуком поручик, представился. Иван Арефич и себя назвал, как положено...

Стояли они с Константином потом за линией огня, гремели выстрелы, пахло порохом, дед уши затыкать не велел. Костя тогда решил, что дед его слегка глуховат, потому пальба эта ему нипочем. Но был он сильно неправ...

Молодой унтер-офицер, с разрешения командира роты, показал Константину, как правильно держать винтовку и целиться, научил досылать патрон трехлинейки.

Понравилось солдатам, что малец, несмотря на то, что был в чистой одежде, не раздумывая лег на бруствер; в мишень, правда, попал только с третьего выстрела.

Предложили винтовку и Ивану Арефичу, тот взял ее в руки, передернул затвор, но потом сказал: «Сроду я с пятидесяти саженьей не промахивался... Глаза уже не те, позориться, сынки, не стану».

Уходя, прошли дед и внук вдоль ротной шеренги, приложив руки к фуражкам. Так простился Иван Арефьев с солдатами своего полка второй раз, теперь уже навсегда.

На обратном пути старался Костя ступать с дедом в ногу, как положено солдату...

Ранней весной 1915 года выйдя живым и невредимым из рукопашной под Перемышлем, с благодарностью вспоминал Константин деда Ивана. Его наставления и опыт помогали добровольцу Первой мировой войны, которому едва исполнилось шестнадцать, уберечься от обоюдоострого немецкого штыка.

В упомянутой уже поездке побывал я в архиве ЗАГСа города Харькова, где очень помогли мне в достаточно сложном поиске необходимых документов отзывчивые и милые сотрудницы этого учреждения.

Теперь многое я мог уточнить в жизни семьи Арефьевых и в XIX, и в XX веке.

В Харькове вспомнился вдруг один эпизод.

В начале девяностых годов, конечно, XX уже века, принимал я участие в заседании, а может, совещании, некоей инициативной группы. Речь шла о создании «Общества Российско-Украинской дружбы...», тогдашний посол Украины в России, Крыжановский, присутствовал на этом мероприятии в здании Мэрии Москвы на Новом Арбате. Свою речь он произнес нарочито на украинском языке, при этом прозвучала у него фраза: «Мы братья, но нэ дружи...» Слова эти вызвали у меня, мягко говоря, недоумение. «Это вряд ли», — подумал я тогда.

Здесь, в моем родном Харькове, дружески общаясь с незнакомыми ранее людьми — на улицах, в учреждениях, я вновь убеждался, что крепко ошибался тот незадачливый посол...

Но вернемся к началу XX века.

Шли годы, возраст и болезни все сильнее давали себя знать, но Иван Арефич крепился, никогда и никому по солдатской привычке не жаловался, помогал внуков нянчить, отец помнил его нехитрую страшилку: «Коза-дереза, пол бока луплено, за три копы куплена, забодаю, забодаю!»

К концу февраля 1913 года почувствовал Иван, что жить ему осталось совсем недолго. Качал он на руках крошку внучку, приговаривал: «Танечка, Танечка, не будешь ты знать своего дедушку...» Слова деда мой отец, которому было тогда восемь лет без малого, хорошо запомнил.

1 марта солдат Иван Арефьев умер. В метрической книге можно прочитать запись, сделанную 3 марта (по старому стилю): «Харьковский мещанин Иван Арефьевъ Арефьевъ умер 1 марта 1913 года в возрасте 83 лет... причина смерти — старость».

Знаем мы также, что «исповедовал и причащал моего прадеда Протоирей Николай Соколовский», а 3 марта «совершал погребение Протоирей Николай Соколовский с диаконом Григорием Машориным» на Городском кладбище.

Отпевали старого солдата в той же Троицкой, хорошо известной нам теперь, церкви, где крестили всех его внуков.

Лежал дед Иван в гробу строгий, каким внуки его никогда не видели, одет был, согласно воле покойного, в старый мундир — с памятного 1909 года ни разу не надевал его бывший унтер-офицер. Хранился мундир в сундуке, бабушка Ульяна не давала ему пропасть, время от времени чистила, спасая от моли и сырости, проветривала на дворе.

Тускло отсвечивали золотом при пламени свечей изрядно уже потемневшие галуны.

Все деда жалели, сильнее других убивалась и плакала Ульяна Дмитриевна, не отрываясь глядела на своего Ваню, в таком же мундире почти сорок лет назад впервые увидела она своего суженого.

Могилы моего прадеда давно не существует — оползень тридцатых годов уничтожил ту часть харьковского городского кладбища, где хоронили в начале XX века.

Но осталась фамилия, которую носит шестое уже поколение...
И осталась память.

*Январь 2000 — январь 2003
Москва — Харьков — Москва*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
Домашнее задание	5
Симбирские рекруты	9
В даль туманную	29
К службе приучать	43
Кавказская линия	58
К пользе Государственной	102
Дядька	168
От службы уволен.	219

Борис Васильевич Арефьев
Солдат империи

Оформление *П.А. Сандомирский*
Редактор *М.А. Котенко*
Корректоры *Н.С. Самбу*

ЛР № 040399 от 03.03.1998
Подписано в печать 08.08.2003
Формат 60х90/16. Тираж 1 000 экз.

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
109004, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: moskvin.rp@mtu-net.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, ул. Центральная, д. 16